ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

КАЛУГИНА Татьяна Николаевна

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Специальность: 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Глаголев Владимир Сергеевич

Москва – 2022

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ **3**

ГЛАВА I. ПРИОРИТЕТЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ И ГЛОКАЛИЗАЦИОННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ **23**

1.1. Культурная политика постсоветской России 23
1.2. Структура образовательного пространства ЕС 45
1.3. Вызовы современного глобализационного развития и трансграничных регионов в международной культурной политике 64
Выводы по первой главе 88

ГЛАВА II. ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК КОМПОНЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО МИРА **94**

1.1. Культурно-исторические предпосылки и основные тенденции современного высшего образования 94
1.2. Социокультурные приоритеты глобализации в развитии высшего образования партнеров России на международной арене 108
1.3. Особенности развития высшего образования в условии трансграничных регионов и проблемы международного сотрудничества вузов 120
Выводы по второй главе 145

ГЛАВА III. ТЕНДЕНЦИИ И ВЫЗОВЫ В СТРАТЕГИЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО МЕЖВУЗОВСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА **149**

3.1. Стратегии реализации проекта Болонского процесса: достижения и сложности 149
3.2. Развитие межкультурной чувствительности как задача современного высшего образования 168
3.3. Культурные трансформации международной системы высшего образования XXI века на примере МГИМО МИД России 180
Выводы по третьей главе 203

ЗАКЛЮЧЕНИЕ **207**

БИБЛИОГРАФИЯ **215**

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Глобализационные процессы в современном мире предельно актуализировали проблематику образования как инструмента социокультурных преобразований во всех странах мира, руководство и общественность которых озабочена перспективами сохранения стабильности и устойчивого развития социума на основе новейших достижений науки и сочетания инновационных тенденций в культуре с сохранением здоровых традиций функционирования общественной жизни на всех ее ключевых уровнях. Особое значение приобретает проблематика организации и осуществления высшего, то есть университетского, образования и подготовки на ее основе культурно-политических научных и художественных элит, способных в своей управленческой и творческой деятельности отвечать сложным и противоречивым запросам современного мира. Вместе с тем возрастающая дороговизна функционирования системы университетов и более высоких (postgraduate studies) уровней подготовки специалистов обостряет внимание к вопросам эффективности и оптимальности затрачиваемых средств на образовательные процессы и ощутимых результатов реализации последних. Понятно, что образование, начиная с детского сада и заканчивая достижением самых высоких научных степеней и званий в любой области деятельности, не дает немедленного дохода и далеко не всегда компенсирует финансовые затраты и организационные усилия на тех или иных направлениях разнообразных сфер обучения и воспитания образованных людей, которыми предстоит стать сегодняшним посетителям детских садов, средних школ, колледжей и более продвинутых структур, где сегодня осваиваются знания, формируются и совершенствуются навыки творчески успешной деятельности в чрезвычайно динамичных ситуациях функционирования и развития подавляющего большинства сфер человеческой деятельности. Нарастающая

ответственность за результаты высшего образования, равно как и следующего за ним непрерывного образования, обладателей дипломов бакалавров, магистров и докторов различных специальностей активизирует не только озабоченность специалистов государственного менеджмента, но и частных компаний, осуществляющих «производство» универсантов и информационную, координационную и социально-психологическую деятельность. Деятельность, направленную на достижение эффективных результатов в соответствии с планами и представлениями, заложенными политиками, экономистами и специалистами других профилей, стремящихся продемонстрировать свою «результативность» на занимаемых постах и повысить свой государственный, предпринимательский и общественный статус.

С другой стороны, в современном обществе в целом и в большинстве стран, где сохраняется критическое отношение к принятию и осуществлению политических решений по вопросам образования, существует оппозиция, мотивирующая предлагаемые ею альтернативы политики по широкому спектру соображений: успех на выборах - от местного до высшего политического уровня, озабоченность состоянием молодого поколения в собственных семьях, включающегося в «образовательный конвейер», множащимся числом стрессовых ситуаций в школах и вузах наших дней, волнами конфликтов между педагогами, учащимися и студентами и т.д.

Политизация молодого поколения, в значительной мере обусловленная стремлением активных политических сил подготовить себе эффективную смену и добиться, хотя бы в будущем, осуществления целей, сформулированных часто еще в прошлом, а то и в позапрошлом веке в программах политических партий и общественных организаций. Эта установка сочетается с настойчивым стремлением молодежи наших дней самостоятельно выбирать и осуществлять цели и задачи, призванные, как она представляет, улучшить ее позиции и самочувствие в жестоком мире конкурентной борьбы за место под солнцем: достойное содержание, гарантии постоянной работы, осмысленная организация рабочего времени и безнаказанность экспериментов во время досуга. Таким

образом спектр современных подходов к тому, каким и должно быть сегодняшнее высшее образование, чтобы оно дало ожидаемые результаты через ограниченный промежуток времени, чрезвычайно разнообразен, гетерогенен по своему существу и насыщен мощными социально-психологическими переживаниями. Ведь, в конечном счете, получение высшего образования и возможность оптимально пользоваться им сопричастно таким глобальным аксиологическим категориям, как смысл жизни, «цена» времени молодого поколения и оправданность усилий обучающих, которые, как известно, имеют свои представления и, в большинстве случаев, болезненно переживают неудачи педагогического опыта. Поэтому безмятежное академическое «спокойствие» по вопросу рецептов обучения в вузах либо утопия тех, кто имеет самое поверхностное представление о системе образования и воспитания в современном мире либо откровенно (а то и цинично) игнорирует реальные сложности тех процессов, в которых они участвуют в силу тех или иных, часто внешних, обстоятельств.

Помимо предельно дифференцированной противоречивости, острой эмоциональной насыщенности и многоплановой социо-политической конкурентности, проблематика высшего образования в наши дни имеет интернациональный вектор. Понятие «интернациональный» в современной России и в ряде других стран имеет несомненную глубокую историческую нагрузку, обусловленную более почти полуторами веками деятельностью ряда международных организаций, объявляющих себя интернациональными, начиная с Коммунистического первого интернационала, основанного К. Марксом и Ф. Энгельсом в 1864, Социалистического интернационала 1889 и Третьего Коммунистического интернационала 1919, а также ряда других организаций, претендующих на международный и межконтинентальный профили. Среди последних существовали интернационалы разной политической и социальной ориентации - от крайне правых до коммунистических, от фашистских до либеральных. По существу, когда речь заходит об интернациональных требованиях к образованию, речь идет о том,

что эти требования в более или менее отчетливой форме осознаются и формулируются сходным образом в различных странах мира на основе учета их собственных потребностей, а также условий международных рынков производства, финансов, услуг, равно как и текущей социально-политической обстановки. В ходе конкурентной борьбы лейбл «интернациональный» означает предложение рецептов образовательной деятельности, которые сходны с теми, что будут предложены в соседней стране и, одновременно, на другом конце земного шара (правда, в тех местах, где действительно существует самостоятельная система образования, а не ее имитация на основе воспроизводства стандартов, сложившимся в других регионах). И конечно, статус английского и ряда других языков - базового условия глобального международного сотрудничества - способствует, по крайней мере, вербальному сходству и типичному тезаурусу образовательных программ в университетах. Хотя при ближайшем рассмотрении выясняется, что методика и цели преподавания на китайском языке в Китае радикально отличаются от того, что делают китайские педагоги на китайском языке в районах, отдаленных от Поднебесной. Аналогично преподавание на английском языке, ставшее средством научно-педагогического общения сотен миллионов людей в современном мире, не является гарантией, что пользующиеся этим языком разделяют и транслируют одинаковые или сходные ценности и смыслы. Данное уточнение необходимо для того, чтобы видеть, что за клише «интернационализация» находится множественность смыслов и тенденций, объединенных общей «вербальной шапкой», но глубоко различающихся по своему существу. Хотя, разумеется, в естественных науках освоение соответствующих законов математики, физики, химии, биологии и т. д. носит обязательный характер при подготовке специалистов, занимающихся созданием и тиражированием разнообразных материализованных технологий, «привязанных» к свойствам металлов, их сплавов, пластмасс и других материальных структур.

Что же касается социогуманитарных наук, то здесь попытки интернационализации, и, по существу, унификации проблематики общественных дисциплин, сочетаются с клишированием усредненных представлений, заимствованных по преимуществу из доступных западных источников. (Заимствовать из китайских, японских и корейских источников препятствуют как языковые трудности, так и специфика этно-культурных и национальных кодов, часто не получающих адекватно-содержательного перевода на английский, французский, немецкий, испанский, русский и другие языки.)

Вместе с тем «интернационализация» высшего образования в рамках глобализационных и глокализационных процессов превращает данную сферу в одно из основных дискуссионных направлений международной жизни в области гуманитарной проблематики. Формирование единых образовательных пространств - изначально единого образовательного пространства высшего образования ЕС в рамках Болонского процесса, а потом и образовательных пространств в Азии, Африки, Южной Америки и постсоветских государствах в других частях мира - призвано по замыслу руководителей государственных и частных образовательных структур, повысить качество образования, способствовать модернизации национальных образовательных систем, усилить конкурентоспособность университетов.

Развитие международного сотрудничества вузов, формирование сетевых университетов и ассоциаций университетов превращает вузы во влиятельные акторы, оказывающие влияние на формирование образовательных и культурных политик в условиях трансрегионализма. Создание университетских кластеров на стыке трансграничья позволяет минимизировать потенциальные риски, связанные с интернационализацией, лучше использовать ограниченные ресурсы, повысить качество образования и способствовать сохранению и развитию региональной идентичности.

Уменьшение роли нации-государства в качестве основы культурной идентификации, доступ к информации и проницаемость государственных

границ для современных идей и общественных практик привели к развитию культурной глобализации. Успешное использование инструментов культурного влияния, развертывание сотрудничества ряда регионов мира с западными культурными ценностями, наличие общей идеологии и стратегических позиций объясняет успех долгосрочного и эффективного сотрудничества западных стран в сфере высшего образования. Растущие опасения со стороны развивающихся стран, связанные с сохранением культурной безопасности и культурной идентичности, приводят к тому, что все больше государств начинает использовать свою культуру в качестве инструмента «мягкой силы» в конкуренции за сохранение национальной культурной идентичности и усиления политических позиций, продвижения экономик и культурного влияния на мировой арене. Китай, Россия, страны Южной Америки и др. пытаются укрепить свои конкурентные позиции на международном рынке образовательных услуг. Борьба экспортеров рынка образовательных услуг приводит к трансформации образования из инструмента «мягкой силы» в инструмент внешнего и идеолого-информационного влияния на системы социокультурных процессов как отдельных стран, так и их объединений. Современная политика санкционного давления отдельных стран, которая строится на избирательном лишении отдельных групп иностранных граждан доступа к зарубежному образованию, не способствует демократизации международного образования, а усиливает его элитизм и одновременно провоцирует критическое отношение к деятельности и интересам участников экспорта образовательных услуг.

Как известно, расширение наднациональных региональных совместных инициатив в сфере высшего образования приводит к усилению регионализма высшего образования. Параллельно развертывается борьба наднациональных регионов за расширение сферы влияния и сохранения популяризированной ими культурной идентичности, континентального или иного масштабного объема (на Индостанском полуострове, в семье арабских государств и др.). В современных условиях индивидуальные субъекты образования

(старшеклассники и студенты) поставлены перед необходимостью сохранять и развивать национальную самобытность, уметь понимать и анализировать процессы человеческой цивилизации, мирового развития и глобальные проблемы, уважать культурное разнообразие, искать точки соприкосновения культур, развивать межкультурную чувствительность и участвовать в межкультурном общении. Развитие академической мобильности, обмен знаниями, международное сотрудничество в проведении научно-исследовательских проектов, разработка и внедрение единых образовательных стандартов способствовали многовекторному сотрудничеству в сфере образования. Именно ему сегодня отводится ключевая роль в формировании национально-культурной идентичности и гражданского единства.

Государственная культурная политика в сфере высшего образования не может игнорировать особенности личности студента, ориентированного на эффективное решение профессиональных задач в изменяющихся социокультурных условиях глобализирующегося мира, не учитывать необходимые личностные качества для успешной межкультурной коммуникации и решении насущных цивилизационных задач.

Поскольку современное пространство высшего образования как в России, так и в ЕС отличается сложным, многоуровневым характером и сочетает ряд ракурсов социокультурных задач, которые вытекают из разнообразия участников данного феномена, диссертант счел возможным ограничить свою задачу компаративистским анализом особенностей культурной политики в вузах России и ЕС и выявить в нем наиболее общие тенденции, определяющие как сходство проблем исторического, идеологического и аксиологического характера России и членов Европейского Союза, так и принципиальные различия подходов акторов, представляющих две данные университетские системы.

Степень разработанности проблемы исследования. Образование как социокультурный процесс воспроизводства «человеческого фактора» выступает объектом исследования философии, культурологии, психологии,

педагогики и социологии. Проблемам влияния социокультурных трансформаций образовательных процессов посвящены работы Б. С. Гершунского[1], А. А. Грякалова[2], А. П. Валицкой[3], А. С. Запесоцкого[4], А. А. Королькова[5], В. В. Краевского[6], В. М. Розина[7], В. С. Степина[8], Б. М. Бим-Бада[9] и других авторов. М. М. Лебедева[10], А. В. Торкунов[11], А. В. Шестопал[12], Д. А. Кузнецов [13] и другие исследователи продемонстрировали проявление этих тенденций в сфере международных отношений. Методологические аспекты анализа культуры образования обстоятельно представлены в трудах таких авторов, как О. Н. Астафьева[14], В. С. Глаголев[15], А. Л. Доброхотов[16], М. В. Силантьева [17], А. Я Флиер [18] и других. Среди трудов зарубежных авторов,

---

[1]Гершунский Б.С. Образование как религия третьего тысячелетия : гармония знания и веры. Москва : Педагогическое Общество России, 2001. 128 с.

[2] Грякалов А. А., Преображенская К.В., Мартынова С.А. Деструкция современности: прогностика и стратегия преодоления // Universum. Вестник Герценовского университета. 2015. № 1-2. С. 74-80.

[3] Валицкая А. П. Образование в России: Стратегии выбора: монография. СПб., 1998. 127с.

[4] Запесоцкий А. С. Образование: философия, культурология, политика. М.Ж Наука, 2002. 456 с.

[5]Корольков А. А., Преображенская К. В., Романенко И. Б. Педагогическая антропология в зеркале философии. — СПб.: Алетейя, 2017. 340 с.

[6] Краевский В. В. Образование в условиях формирования нового типа культуры: материалы круглого стола. СПБ.: СПбГУП, 2003.

[7] Розин В. М. Философия образования: Этюды-исследования. М: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2007. 576 с.

[8] Степин В. С. 2011. Цивилизация и культура. СПб: СПб ГУП. 407 с.

[9] Бим-Бад Б. М. Образование как инструмент культурной регуляции истории человечества (стенограмма выступления на первом национальном форуме российских историков педагогики, Москва, 25 апреля 2013г.) //. Историко-педагогический журнал. 2013. С. 150-157.

[10] Лебедева М. М. Международно-политические процессы интеграции образования // Интеграция образования. 2017. Т. 21. №3. С. 385-394.

[11] Торкунов А. В. Создание университетов мирового уровня: новые тенденции в российском высшем образовании. Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 2(29). С.7-11.

[12] Шестопал А. В., Коннов В. И. Культура. Наука. Дипломатия: перспективы практико-ориентированного подхода. // Международные процессы. Т. 16. № 3 (54). 2018. С. 214-224.

[13] Кузнецов Д. А. Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации // Сравнительная политика. 2016. № 7. С. 14–25.

[14] Астафьева О. Н., Аванесова Г. А. Культурная политики и национальная культура: перспективы стратегического вектора современной России // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5. С 193-201.

[15] Глаголев В. С. Культура образования в условиях современного российского общества // Человеческий капитал. 2017. №9 (105). С. 7-10.

[16] Доброхотов А. Л. Автор как субъект культуры: междисциплинарные аспекты проблемы // Философия и культура. 2012. № 8 (56). С. 62-68.

[17] Силантьева М. В. Ценностный подход в современном образовании: вопросы теории и практики // Актуальные проблемы модернизации высшей школы: модернизация отечественного высшего образования в контексте национальных традиций. Материалы XXX Международной научно-методической конференции. Новосибирск: Сибирский государственный университет путей сообщения, 2019. С. 43-49.

изучающих глобальные процессы культуры и образования, следует выделить работы У. Бека[19], П. Бергера[20], С. Хантингтона[21], А. Тойнби[22], Р. Робертсона[23] и других. Анализ специфики образовательного пространства современных университетов представлен в исследованиях П. И. Касаткина[24], Л. П. Костиковой[25], Н. Г. Серикова[26], Ю. Е. Шабалина[27] и других авторов. Проблемам формирования и развития поликультурной среды современного образования в вузах посвящены работы А. Ю. Белогурова[28], Е. В. Воевода[29], Н. А. Белканова[30], Е. Н. Махмутовой[31], И. В. Налетовой[32], Л. К. Раицкой[33] и других авторов. Интернационализация национальных систем образования в рамках Болонского процесса освещается в исследованиях как российских, так и зарубежных

---

[18] Флиер А. Я. Четыре основания феномена культуры // IV Моисеевские чтения : Доклады и материалы Общероссийской (национальной) научной конференции, Москва, 15-16 апреля 2021года. Москва: Московский гуманитарный Университет. 2021. С. 200-207.

[19] Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М .: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.

[20] Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона; Пер. с англ. В. В. Сапова под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2004. 379 с.

[21] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.

[22] Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Прогресс., 1991. 736 с.

[23] Robertson R., Knondker H. Discourses of globalization: Preliminary considerations // International sociology. L., 1999. Vol 13, № 1. P. 25-40.

[24] Касаткин П. И. Современное образовательное пространство: особенности и перспективы // Философия образования. 2017. №3. С. 3-16.

[25] Костикова Л. П. Российское образование в условиях глобализации и поликультурного социума // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. № 6 (30). С. 4–7.

[26] Сериков Г. Н. Образование: аспекты системного отражения. Курган: Изд-во «Зауралье», 1997. 464 с.

[27] Шабалин Ю. Е. Система образования региона в условиях трансформирующегося регионального образовательного пространства / Россия как трансформирующееся общество: экономика, деловая культура, управление. М., 2003. 230 с.

[28] Белогуров А. Ю. Этногенез и «национально-региональный компонент» // Высшее образование в России. 2002. № 6. С. 34–38.

[29] Воевода Е. В. Коммуникационные барьеры образовательного пространства БРИКС. // Международные процессы. Том 13. No 4. С. 108-121.

[30] Белканов Н. А. Университет и современное филологическое образование // Высшее образование в России, 2007. №4. С. 72-79.

[31] Махмутова Е. Н. Специфика факторной структуры межкультурной компетенции студентов международного профиля в гендерном аспекте / Е.Н. Махмутова, А.А. Чуганская, Е.В. Воевода // Российский психологический журнал. 2020. Т. 17. № 3. С. 60-75.

[32] Налетова И. В., Слетков И. А. О методологических проблемах современного образования // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. 1999. № 4. С. 46-51.

[33] Раицкая Л. К. Проблемы и вызовы интеграции научной деятельности российских университетов в глобальную науку // В сборнике: Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы. Материалы XI Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Научный редактор В. И. Казаренков. 2018. С. 3-10.

авторов — В. И. Байденко[34], Дж. Найт[35], Х. де Вита[36], У. Бранденбурга[37] и других. Векторы трансформации ценностей Болонского процесса проанализированы в работах Р. Брукс[38], Ф. Антунес[39], Ф. Асдераки[40], А. Вейга[41] и других. Тенденции становления и развития международного сотрудничества в сфере высшего образования описаны в исследованиях Д. Смита[42], Р. Барнета, И. А. Павловой[43], А. А. Воиновой[44], О. Н. Беленова[45] и других авторов.

В настоящее время назрела необходимость проведения комплексного культурологического исследования социокультурных тенденций в сфере высшего образования и рассмотрения его в качестве одного из ключевых инструментов культурной политики государства.

Анализ имеющихся научных исследований и междисциплинарное осмысление современной проблематики организации высшего образования позволяют выявить следующие **противоречия**:

---

[34] Байденко В. И. Болонский процесс: в преддверии третьего десятилетия // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 11. С. 136-148.

[35] Джейн Найт. Пять истин об интернационализации // «Международное образование» — русскоязычная версия информационного бюллетеня International Higher Education (Бостонский колледж, США), НИУ ВШЭ. —2015. № 78. с. 24.

[36] Де Вит, Х. Эволюция мировых концепций, тенденций и вызовов в интернационализации высшего образования // Вопросы образования. 2019. № 2. С. 8-34.

[37] Brandenburg, U., & De Wit, H. (2011). The End of Internationalization. *International Higher Education*, (62). https://doi.org/10.6017/ihe.2011.62.8533.

[38] Brooks, R. (2019). The construction of higher education students within national policy: a cross-European comparison, Compare: A Journal of Comparative and International Education, DOI: 10.1080/03057925.2019.1604118.

[39] Antunes, F. (2019). Europeanisation and adult education: between political centrality and fragility, In Studies in Continuing Education. DOI: 10.1080/0158037X.2019.1615425.

[40] Asderaki, F. (2019) Researching the European Higher Education Area external effectiveness: regime complexity and interplay, European Journal of Higher Education, 9:1, 40-57, DOI: 10.1080/21568235.2018.1562951.

[41] Veiga, A. (2019). Unthinking the European Higher Education Area – differentiated integration and Bologna's different configurations, *In Innovation: The European Journal of Social Science Research*, 32 (4), 495-512. DOI: 10.1080/13511610.2019.1666704.

[42] 42 Smith, D. Burton R. Clark 1998. Creating Entrepreneurial Universities: Organizational Pathways of Transformation. Higher Education 38, 373–374 (1999). https://doi.org/10.1023/A:1003771309048.

[43] Павлова И. А. Университет в региональной инновационной системе: роли, функции, взаимодействия (на примере Томской области) // диссер. … канд. экономических наук / И. А. Павлова. Томск, 2016. 195 с.

[44] Воинова А. А. Университет в фокусе социокультурный трансформаций современного общества // диссер. … канд. философских наук. / А. А. Воинова. Москва. 2019. 204 с.

[45] Беленов О. Н., Кирчанов М. В. Сетевые университеты как форма развития высшей школы: формы, особенности организации и перспективы. URL: http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/educ/2016/01/2016-01-24.pdf (дата обращения 26.05.2018) С. 115.

• в процессе присоединения к европейскому пространству высшего образования страны с менее развитой экономикой проявляют неумеренный оптимизм в реформировании национальных образовательных систем под единые стандарты ЕПВО вопреки очевидным негативным трансформациям ценностей Болонского процесса в ходе становления и развития ЕПВО;

• заявления о приверженности к принципам демократичности международного высшего образования и декларации академической мобильности и доступности образования как основных ценностей Болонского процесса идут параллельно с введением санкций и ограничений для определенных групп студентов (мотивы санкций и ограничение квот по национально-государственному принципу, трудности освоения учебного материала из-за недостатков полученного среднего образования и другие);

• развитие межкультурной компетенции у международных студентов как одной из задач обучения за рубежом осложняется слабой информированностью принимающей стороны о чужих культурах, что не только затрудняет развитие навыков межкультурной коммуникации, но приводит и к объективно-обусловленной изоляции студентов другой культуры;

• цифровизация образования и использование онлайн-платформ, на первый взгляд, способствует доступности образования и самостоятельному выбору образовательной траектории. С другой стороны, отсутствие исходных фундаментальных теоретических знаний, последовательного изучения материала учебной программы студентами, имеющими существенные пробелы в среднем образовании, в результате приводит к поверхностному и фрагментарному знанию у выпускников.

• В настоящее время онлайн-обучение рассматривается в качестве инновационного этапа развития современного образования благодаря его доступности, гибкости, вариативности и возможности развитию у студентов

самостоятельных навыков работы в сфере информационных технологий. Одновременно онлайн-курсы не могут осваиваться большим числом студентов из-за необходимости тщательного контроля педагогов за качеством усвоения учебного материала. В результате практика преподавания онлайн количественно большим категориям слушателей рискует превратиться в декламацию лектором учебного материала и осваивается фрагментарно и поверхностно. Существуют риски упрощения изложения материала в условиях, когда лектор не может одновременно использовать существующие возможности информационной техники, если он контролирует процесс усвоения материала в большой группе. Исключение эмоционально-психологического соучастия преподавателя в педагогическом процессе приводит к шаблонности и клишированию сознания у студентов, не способствует созданию творческой атмосферы.

- Если первоначально онлайн-программы и платформы рассматривались как вспомогательный ресурс, то в условиях локдауна, обусловленного ситуацией пандемии, «удаленка» рискует превратиться в замену очной форме обучения. Шаблонизация преподавания вместе с тем осложняет воспитание творчески обучающихся личностей: последнее всегда возможно лишь на основе индивидуальных подходов.

- Использование информационных технологий в процессе обучения способствует адаптации студента к текущему социально-экономическому укладу. Однако чрезмерное задействование гаджетов в ходе лекций и семинарских занятий может негативно влиять на способность студента сосредоточиться на выполнении одного задания, становится отвлекающим фактором и тем самым нивелирует эффект соприсутствия на занятии и творческого общения с преподавателем и однокурсниками/одногруппниками.

Выделенные противоречия актуализируют **проблему исследования**, связанную с использованием сферы высшего образования как среды культурного влияния в подготовке высоко квалифицированных специалистов.

Проблема исследования определила выбор **темы диссертационного исследования** - «Высшее образование как инструмент культурной политики».

По своей направленности, содержанию и полученным результатам исследование отвечает следующим основным положениям Паспорта специальности 24.00.01 - «Теория и история культуры»:

«1.11. Взаимоотношение универсального и локального в культурном развитии.

1.14. Возникновение и развитие современных феноменов культуры.

1.18. Культура и общество.

1.24. Культура и коммуникация.

1.29. Культурная политика общества, национальные и региональные аспекты культурной политики».

Объект исследования: культурная политика как социальный феномен современного мира.

Предмет исследования: высшее образование в стратегии построения современного вектора культурной политики.

Цель исследования состоит в обосновании высшего образования как инструмента и ресурса построения вектора культурной политики.

Данная цель предусматривает решение нескольких **задач**:

- выявить специфику интернационализации высшего образования в рамках Болонского процесса в странах ЕС и сравнить ее с особенностями тенденций интернационализации в России и у некоторых ее партнеров за рамками ЕС;
- раскрыть в реорганизации современного высшего образования ведущие тенденции международно-культурной политики;
- выявить негативные последствия интернационализации высшего образования в ЕС;

- продемонстрировать особенности стратегии и инструменты культурного влияния тех стран, которые пытаются составить конкуренцию странам-лидерам в сфере экспорта образования;
- исследовать особенности международного сотрудничества в области образования в условиях трансрегионов и на стыке трансграничья;
- обосновать своеобразие тенденций культурных трансформаций высшего образования и потенциал их педагогическо-культурной эффективности на примере западных и отечественных вузов.

Источниковая база диссертационного исследования. Источниками, использованными в работе, являются статистические данные ЮНЕСКО, нормативные документа Российской Федерации и статистические сборники Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, ключевые нормативные документы Европейского Союза по вопросам образования, материалы Европейской комиссии, материалы британской и американской прессы, отразившие своеобразие и противоречие текущих образовательных процессов.

Теоретическая и методологическая основа исследования. Использование **метода ретроспективного анализа** и **систематического подхода** позволило предложить оптимальный вариант интерпретации развития европейского пространства высшего образования в рамках Болонского процесса. Отбор теоретически ключевых публикаций западных и российских авторов, а также тщательный анализ отчетов заседаний министров образования стран - участниц Болонского процесса и статистики за 2000 - 2020 годы позволили проанализировать современные тренды развития европейского и российского высшего образования. **Культурологический подход** позволил смоделировать социальные процессы обучения, выявить и описать социокультурные барьеры, препятствующие активному развитию единых образовательных пространств и снижающие их эффективность в качестве инструмента «мягкой силы». **Комплексное использование** вышеуказанных подходов помогли выявить особенности способа формирования

образовательной политики европейского пространства высшего образования, определить приоритеты образовательной политики ЕС, которые направлены на достижение основных и среднесрочных целей в реализации Болонского процесса и позволяют использовать образование в качестве инструмента «мягкой силы» для продвижения своих культурных ценностей и усиления политического влияния, а также выделить ряд трансформаций и негативных факторов, препятствующих развитию ЕПВО.

Междисциплинарный подход позволил проанализировать развитие процессов глобализации в сфере культуры и высшего образования под разным углом, определить современные тенденции международного сотрудничества в области образования и барьеры, препятствующие развитию (транс)регионального сотрудничества в данной сфере.

Научная новизна диссертационного исследования обусловлена постановкой и попыткой решения проблемы: в какой мере высшее образование выступает инструментом культурной политики в условиях глобальных социокультурных преобразований?

Научная новизна исследования проявляется в следующем:

- проанализирован новый научный материал, актуальные эмпирические и статистические данные о состоянии высшего образования в России и ЕС и раскрыты современные проблемные состояния образовательного пространства в рамках реализации проекта Болонского процесса, выделены реперные точки его противоречий;
- на основе обширного социокультурного материала продемонстрированы кризисные явления высшего образования ЕС и России, обозначены социокультурные барьеры, препятствующие развитию сетевых университетов европейского высшего образования;
- выявлены и обстоятельно охарактеризованы факторы, препятствующие развитию адаптации иностранных студентов к требованиям вузов по месту обучения;

• предложены рекомендации адаптации вузов к негативным последствиям локдауна и вынужденного закрытия границ (по причине распространения коронавирусной инфекции), к ситуациям международных санкций; сформулированы предложения частичной амортизации негативных явлений, обусловленных этими событиями.

Гипотеза исследования: Стратегия развития высшего образования в странах ЕС ориентирована на корреляцию с вектором социокультурных изменений, с стратегией реализации культурной политики. Хотя в идеологии лидеров ЕС высшее образование выступает в функции «мягкой силы» социокультурных трансформаций, в современных условиях нарастания глобализационных и глокализационных процессов высшее образование является одним из основных факторов трансрегионального развития. Проводимая ЕС политика в данной сфере не опирается в полном объеме на те реальные вызовы, с которыми сталкивается данная тенденция в современном социуме.

Хронологические рамки диссертационного исследования. Диссертационное исследование рассматривает высшее образование как инструмент социокультурного развития и межкультурного взаимодействия в период действия Болонского процесса - с 1999 по 2020 год.

Теоретическая значимость работы.

Исследование предлагает на современном социолого-культурологическом материале анализ актуальных проблем в сфере высшего образования. Проведенное исследование расширяет характеристику сложных динамичных процессов, имеющих место в настоящее время в зарубежном высшем образовании, и позволяет своевременно сориентироваться в социокультурных и политических вызовах, обусловленных векторами глобализационных/глокализационных процессов.

Практическая значимость исследования. Предложены рекомендации системе управления сотрудничеством университетов на международном уровне, способные существенно повысить качество теоретических дискуссий с

иностранными партнерами. Диссертация выявляет актуальные проблемы университетского образования в ближайшем будущем, которые скажутся на его стратегии и сыграют существенную роль в формировании культурной политики европейских государств и образовательных процессов в современном мире.

Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения проблемы глобализации образования и культурной глобализации и в качестве учебных материалов для лекций, семинаров, мастер-классов. По теме диссертации могут быть прочитаны следующие спецкурсы: «Межкультурная коммуникация в высшем образовании», «Онлайн-образование: что пошло не так», «Формирование образовательной политики в эпоху цифровых технологий», «Развитие межкультурной чувствительности: глобальное и внутреннее межкультурное обучение» и др.

Материалы диссертационного исследования могут быть использованы в рамках преподавания культурологии и педагогики высшей школы, для создания спецкурсов, связанных с развитием межкультурной чувствительности и навыков межкультурной коммуникации.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В современных условиях высшее образование определяет в конечном счете социокультурную устойчивость общества и является весомым вектором конкурентоспособности государств и сообществ на фоне кризисных глобализационных процессов.
2. Политика санкционного давления в современных условиях является одним из векторов дегуманизирующего воздействия структур и механизмов «жесткой силы» в современных международных конфронтационных процессах.
3. Университетская политика определяет среду, способствующую, как полагают ее организаторы, эффективному достижению государством своих целей в отношении с другими государствами с минимальными затратами экономических ресурсов, организационных и дипломатических

средств. В результате она становится для иностранных студентов одним из влиятельных средств приобщения части из них к аксиологическим и идеолого-политическим целям, преследуемым государствами, осуществляющими подобную разновидность экспорта знаний.

4. Переформатирование системы культурных ценностей в ходе развития «академического капитализма» приводит к обостренной конкуренции вузов и руководящих ими структур и, в конечном счете, вызывает кризис системы образования. Политически ангажированная поддержка движений за социальное равенство, а также разнообразные спекуляции с политкорректностью отрицательно сказываются на сохранении культурного наследия и устойчивости системы образования населения стран, в которых наблюдается миграция студентов и начинающих специалистов, получивших высшее образование.
5. В этих условиях трансрегиональное и сетевое сотрудничество университетов призвано стать одной из важнейших форм сотрудничества в сфере высшего образования и важным аспектом межгосударственных отношений в ряде регионов мира. Способствуя, вместе с тем, сохранению идентичности на политическом, экономическом и культурном уровнях.
6. Активное участие вузов в процессах интернационализации высшего образования и сетевого сотрудничества превращает их в акторов, оказывающих возрастающее влияние на формирование образовательной и культурной политики регионов государств и государств в целом.

Апробация результатов диссертационного исследования. Результаты исследования представлены в форма докладов на всероссийских и международных научных конференциях: IX Конвент Российской ассоциации международных исследований - РАМИ: «Многосторонние институты: глобальная эффективность vs национальные интересы» (26 - 27 октября 2015г., Москва, МГИМО МИД России), X Конвент РАМИ: «25 лет внешней политики России» (8 - 9 декабря 2016г., Москва, МГИМО МИД России), XI Конвент РАМИ: «Диалектика империи: революция vs преемственность» (28 - 29

сентября 2017г. Москва, МГИМО МИД России), XII Конвент РАМИ: «Глобализация и регионализация: две реалии высшего образования» (21 - 22 октября 2019г., Москва, МГИМО МИД России), Казанский международный лингвистический саммит «Вызовы и тренды мировой лингвистики» (16 – 20 ноября 2020 г., Казань, Казанский федеральный университет), INTED2021. Educational stages & life-long learning. International experiences (8 – 9 марта 2021г., The International Academy of Technology, Education and Development (IATED)), The 9th European Conference on Education (ECE2021) (17-19 июля 2021г. IAFOR (The International Academic Forum)), XXI Конвент РАМИ: «К 30-летию внешней политике новой России» (15-16 октября 2021г., Москва, МГИМО МИД России), Международная научно-практическая конференция «Наука. Образование. Культура.» (14 февраля 2022г., Республика Молдова, Комратский государственный университет).

По теме исследования опубликованы статьи в научных журналах, **входящих в список ВАК**, в которых изложены основные выводы и положения диссертации:

1. Калугина Т.Н. Внешняя политика в условиях деглобализации / Т.Н. Калугина // Вестник МГИМО-Университета. – 2022. – №2. **(WoS)**
2. Калугина Т.Н. Вызовы онлайн-обучения в условиях локдауна / Т.Н. Калугина // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2021. – № 3(52). – С. 56 - 60.
3. Калугина Т.Н. Университетская культура в условиях санкций Запада / Т.Н. Калугина // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2020. – № 6 (98). – С. 152 - 163.
4. Калугина Т.Н. Британские университеты как компонент трансформаций международной системы высшего образования XXI века / Т.Н. Калугина // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2020. – №11 (840). – С. 297 - 307.

5. Калугина Т.Н. Приоритеты образовательной политики в контексте социокультурной глобализации / Т.Н. Калугина // Концепт: философия, религия, культура. – 2019. – №2 (10). – С. 144 - 150.
6. Калугина Т.Н. Структура современного образовательного пространства / Т.Н. Калугина // Культура и цивилизация. – 2018. – Т. 8. – № 5А. – С. 66 - 75.
7. Калугина Т.Н. БЕАР – международное сотрудничество в области образования в условиях процесса глобализации / Т.Н. Калугина // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2016. – № 2. – С. 55 - 59.
8. Kalugina T. Features of higher education development in the context of both cross-border regions and transregions / T.N. Kalugina // INTED2021 Proceedings. – 2021. – P. 4724-4731. – ISBN: 978-84-09-27666-0.
9. Kalugina T. Application of Comparative Law Methods in Teaching Legal English to Law Students in Russia / T. Kalugina, M. Golubtsova // 2021ISSN: 2188-1162 The European Conference on Education 2021: Official Conference Proceedings.
10. Калугина Т.Н. Образование и культура в эпоху глобализации: формирование ценностной парадигмы развития личности / Т.Н. Калугина // Психолого-педагогические аспекты работы преподавателя вуза: межкафедральный сборник научных статей: выпуск 2 / отв. ред. Е.В. Воевода. – Москва : МГИМО-Университет, 2017. – С. 87 - 92.
11. Калугина Т.Н. Управление образовательной средой для формирования влияния на студента / Т.Н. Калугина // Здоровье и образование в XXI веке. – 2017. – Т. 19. – №12. – С. 333 - 337.

Структура диссертационного исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии (257 источников на русском и английском языках).

ГЛАВА I. ПРИОРИТЕТЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ И ГЛОКАЛИЗАЦИОННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

1.1. Культурная политика постсоветской России

Последние десятилетия ознаменовались сильным ростом интереса к многоуровневому феномену культурной политики, который был вызван изменениями в социокультурной действительности. Осознание роста рисков межкультурных конфликтов, опасности исчезновения самобытных культур и развитие культурной унификации вследствие глобализации обусловливают растущий интерес к сохранению культурного многообразия и культурных традиций разных народов.

Слово «культура» имеет большое количество значений, но в рамках культурной политики «культура» рассматривается с двух позиций:

1) Культура связана с формированием и передачей последующему поколению идеалов.
2) Культура рассматривается как экономическая сфера, включающая в себя деятельность учреждений и организаций культуры под управлением исполнительной власти, целью которой является сохранение объектов материального и духовного культурного наследия.

Вследствие развития глобализационных процессов и информационных технологий возникает риск культурной глобализации и формирования глобальной культуры, которую Н.В. Розенберг охарактеризовал, как «культуру, существующую на огромных пространствах и безусловно имеющую свои недостатки и достоинства»[46]. Доступность культуры в связи с развитием технологий, быстрого распространения информации и свободного доступа к

[46] Розенберг Н.В. Философские аспекты осмысления понятия «глобальная культура» // Вестник Томбовского университета. Сер. Философские науки и культурология. 2015. №3 (3). С. 6.

ней, владение иностранными языками, корреляция культуры с высоким уровнем образования считается одним из достоинств. Другим достоинством исследователи считают ее интернациональность и толерантность. Ученые сходятся во мнении, что главном недостатком глобальной культуры является утрата национального культурного разнообразия, стандартизация и коммерциализация культуры.

Если прибегнуть к эмпирическому подходу, анализируя культуру посредством внутренних когнитивных процессов, то можно рассматривать культуру как «упорядоченный и зафиксированный посредством символических форм опыт предков»[47], который развивает знание о жизни и представление о ней. К. Гирц разделяет культуру на две части: «этос», объединяющий этические и аксиологические аспекты культуры, отражающий представления носителей данной культуры о мире и о своем месте в нем, и «картину мира», отражающую объективную реальность и содержащую понимание идеи устройства мироздания, места человека в обществе, взаимосвязь природы и человека[48]. Структура культуры, описанная К. Гирцем, не только отражает представления человека о реальном мире, но и создает модель для формирования социальной реальности. В. Лузан подчеркивает важность синтетического понимания культуры, как «идеалообразования, включающее в себя материальное производство эталонов, и идеальные процессы, связанные с их усвоением и экспликацией полученного через эталоны знания на более широкие области знания. В синтетическом определении культура рассматривается как процесс и результат человеческой деятельности, связанной с выработкой и почитанием особо значимых и ценных для общества идеалов» [49] . Культура может

[47] Лузан В. С. Культурная политика Российской Федерации в период с 1991 по 2017 годы: культурологический анализ: дис…. доктора культурологии 24.00.01 / В. С. Лузан. Красноярск. 2017. С. 52.
[48] Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. С. 106.
[49] Лузан В. С. Культурная политика Российской Федерации в период с 1991 по 2017 годы: культурологический анализ: дис…. доктора культурологии 24.00.01 / В.С. Лузан. Красноярск. 2017. С. 57.

формировать идеалы и изменять социальную реальность, и эта способность превращает ее в инструмент влияния и эффективный механизм «мягкой силы».

По мнению В. Лузана, изменение сути современного технологического уклада и внедрение автоматизации всех процессов «произошла определенная деградация традиционной системы функционирования государств и структур ее составляющих, — культуры, образования, здравоохранения, социального обеспечения и т.д. В результате чего сложилась ситуация, когда успешность и значимость государства на мировой арене стали определять не только наличие природных и финансовых ресурсов, а также развитие промышленности в классическом ее понимании, сколько способность государств влиять на собственных граждан и граждан других стран инструментами и механизмами культуры, способствуя тем самым не только формированию единой нации, но и культурного рынка»[50].

А. Балакшин выделяет ряд факторов, обусловливающих рост роли культуры в общественном развитии: человеческий фактор, социальный фактор, научно-информационный фактор и общецивилизационный фактор[51]. С одной стороны, культура неразрывно связана с внутренним миром и образом жизни человека; с другой стороны, человек не может существовать без социума и в процессе воспитания и развития принимает ценности той культурной среды, в которой он существует. Рост научно-технического прогресса усиливает рост интеллектуальных культурных ценностей, а доступность информации размывает национальные границы, прививает новые ценности и может способствовать утрате культурного разнообразия.

Если на этапе становления культурной политики во многих развитых странах ведущая роль в определении ее целей и методов ее осуществления отводилась государству, что определяло ее централизованный характер, то в 80

[50] Лузан В. С. Культурная политика Российской Федерации в период с 1991 по 2017 годы: культурологический анализ: автореф. дис…. доктора культурологии 24.00.01 / В.С. Лузан. Красноярск. 2017. С. 78.
[51] Балакшин А. С. Культурная политика: теория и методология исследования: дис. … д-ра филос. наук. / А. С. Балакшин. Н. Новгород, 2006. 358 с.

- 90 годы. XX века происходит децентрализация культурной политики. Инструментальный подход превращает культуру в инструмент, который можно использовать в политических целях для решения социальных проблем. На наш взгляд, наиболее точное определение понятия «культурная политика» было предложено В. Лузаном: культурная политика — это «система человеческой деятельности, включающая в себя ясно сформулированные цели, эффективную методологию для их осуществления, реальные действия по созданию, сохранению и трансляции наиболее значимых культурных идеалов (эталонов) и их воплощения в социально-культурной действительности»[52].

Вследствие развития процессов глокализации появляется доктрина нового регионализма. Регион становится изменяющейся социальной структурой политического и экономического пространства, но при этом не предполагает самоизоляции внутри географических границ. Разные политические, экономические и культурные специфики развития региона в условиях развития глобализационных процессов создают условия для возникновения противоречий, решение которых зависит от культурной дипломатии и целей и методов культурной политики, нацеленных на сохранение человеческого и финансового потенциалов, сохранения национальной безопасности и культурной специфики региона и усиления влияния как внутри региона, так и за его пределами.

Глобализация имеет очевидные последствия для культурной сферы. Мгновенный и привлекательный поток идей, ценностей, культурных инициатив и продуктов, а также новых художественных форм, которые он породил как в массовой, так и в высокой культуре, явно выходит из-под контроля национальных правительств. Ослабление политического и экономического единства страны или стран, входящих в политико-экономический союз, приводит к возникновению зон «постгосударственности», в которых усиление регионализма строится на мифологеме «культуры» в ее широком понимании.

[52] Лузан В. С. Социально-философский анализ динамики государственной культурной политики Российской Федерации: автореф. дис. …. канд. филос. наук. / В. С. Лузан. Красноярск, 2011. С. 21.

Примечательно, что одновременно со снижением возможностей контроля со стороны государства растет интерес к публичной дипломатии, особенно в ее культурном измерении. Смещение акцента с сугубо экономических целей в сферу общественно-культурных и политических интересов для формирования единого культурного пространства и региональной идентичности усиливает важность культурной политики и расширяет список ее инструментов влияния. Глава европейской дипломатии Федерика Могерини объявила Евросоюз мировой культурной супердержавой. Приравнивая культуру к экономическому и политическому ресурсу, она заявила, что у Евросоюза есть достаточно средств и инструментов культурного влияния, и подчеркнула, что для повышения его ценности ЕС должен «гарантировать, что эти инвестиции достигнут наших интересов»[53]. Чем больше во внешней политике делается акцент на культуре, тем она эффективнее. Институты культуры, которые есть у каждой страны по всему миру, часто являются центром дипломатических действий. ЕС настаивает, что демонстрации культуры уже недостаточно, требуется более активный способ создания культуры. Именно поэтому усилия ЕС направлены на разработку общей стратегии, общей дорожной карты. Интересно отметить, что, говоря о развитии международного сотрудничества, Могерини говорит не столько о добровольном участии, сколько о принуждении: «Нам нужно заставить наши делегации в мире, службы Комиссии и национальные институты культуры сотрудничать: в каждом регионе и каждой стране мы можем определить фундаментальные проекты и возможные направления финансирования»[54].

Культурная дипломатия задействована не только в межнациональных отношениях и через наднациональных акторов, но и нацелена, в первую очередь, на широкую общественность, преследуя сугубо прагматические цели. В то же время цифровая революция обеспечила новый виток глобализации,

[53] URL: https://www.eunews.it/2016/06/10/mogherini-europe-cultural-superpower-need-use-force/61145 (дата обращения 05.08.2020).
[54] там же.

управляемой информационными технологиями, и резко сократила затратность перемещения идеи через национальные границы. Увеличение глобальных информационных потоков усилило воздействие инструментов «мягкой силы», активизировало деятельность крупных международных организаций на наднациональном уровне, а также привело к росту числа негосударственных агентов, продвигающих свои собственные интересы, и, конечно же, увеличению контактов между людьми.

Использование культурной дипломатии как инструмента урегулирования конфликтов, одной из актуальных причин мировой нестабильности, превращает культуру в инструмент ведения культурных войн, разрушения культурных кодов на региональном и национальном уровнях. С другой стороны, инструменты культурной дипломатии могут служить механизмами защиты культурного наследия.

Усиление диалога культур в условиях глобализации привело к «всплеску самосознания каждой культуры, стимулировало процесс их национального и цивилизационного самоопределения» [55], обрекая попытку унификации культур на неудачу. Несомненно, любые трансформации общества в политической, экономической и социально-культурной сферах находят свое отражение в государственно-гражданской идентичности.

По мере столкновения с последствиями роста миграционных потоков в Европу и развитием процессов регионализации ЕС пытается использовать инструментальные стратегии внутренней культурной политики, нацеленные на использование культуры для преодоления социальных проблем, формирования европейской идентичности и единого культурного пространства. «Культурная дипломатия особо действенна там, где наблюдается кризис идентичности»[56], что подтверждает слова Майкла Харди: «Там, где политические конфликты

[55] Горшков М. К. Культура как пространство диалоги цивилизаций // Диалог культур и партнерство цивилизаций: XIV Международные Лихачевские научные чтения, 15-20 мая 2014 г.: СПб.: СПбГУП, 2014. С. 47.

[56] Табаринцева-Романова К. М. Развитие внешней культурной политики ЕС после Лиссабонского договора // Современная Европа. 2017. № 4 (76). С. 100.

создают разделяющую пропасть, культура создает пространство для понимания и диалога»[57].

Евробюрократы отождествляют общую европейскую идентичность с общегражданским политическим единством, направленным на постоянное переформирование национально-гражданского формата на основе воспроизводства конкретных общественных отношений и требующим создания идентификационных механизмов, способствующих формированию «в сознании граждан их принадлежность к политическому пространству»[58] ЕС. Такая позиция усиливает зависимость европейского гражданского общества от политики Европейского Союза. Однако в последнее десятилетие в некоторых европейских странах отмечается развитие регионального национализма, такого как шотландский или каталонский национализм. Выход Британии из Евросоюза, попытки проведения референдумов за независимость в Каталонии и Шотландии, усиление политических позиций партий, выступающих за сохранение национальной идентичности, свидетельствуют о растущей тенденции создания культурной однородности с целью защиты национальной и культурной безопасности. Интересно отметить, что чувство европейской идентичности и приверженность национальной идентичности не являются взаимоисключающими. Понятие «европейской идентичности» используют различные социальные и политические группы, начиная с крайне левых и заканчивая крайне правыми, но вкладывают в это понятие разное значение. Для Национальной партии Шотландии шотландская нация открыта для людей, которые родились в других странах, но живут в Шотландии, и вполне совместима с членством в ЕС. Напротив, крайне правая партия “Альтернатива для Германии” критикует политику ЕС, но отождествляет себя с Европой,

[57] URL: https://www.culturepartnership.eu/article/12-yarkih-tsitat-o-roli-kuljturi-vo-vremya-krizisa.

[58] Философия культуры в системе изучения международных отношений: монография. В двух книгах. Книга 1: Парадоксы исследовательской призмы / М. В. Силантьева, Н. И. Бирюков, В. С. Глаголев и др.; под общей редакцией М. В. Силантьевой; научный редактор А. В. Шестопал; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, кафедра философии имени А. Ф. Шишкина. М.: МГИМО-Университет, 2020. 543, [2] с. (Научная школа МГИМО / [ред. совет серии: А. В. Торкунов /пред./ и др.]). С. 315.

которая явно противопоставляется исламу. Таким образом европейская идентичность противопоставляется идентификации с Европой и не обязательно исключает национальную идентичность.

В отличие от политиков академические эксперты сходятся во мнении, что идентичность создается в соответствии с социальной, культурной и геополитической средой, и так как она основана на мировосприятии, то может изменяться во времени и пространстве. Коллективная идентичность является многоуровневой и во много связана с воспитанием и определяется главным образом культурой.

В Российской Федерации базовым документом для разработки нормативно-правовых актов, регулирующих процессы развития внешней и внутренней культурной политики, стали «Основы государственной культурной политики», утвержденные указом Президента РФ от 24.12.2014 №808. Согласно этому документу в рамках государственной культурной политики культура служит инструментом передачи между поколениями «моральных и этических ценностей, составляющих основу национальной самобытности»[59], инструментом сохранения культурного разнообразия и инструментом формирования общегражданской идентичности; признается воспитательный и просветительный потенциал культуры и предполагается усиление влияния культуры на все сферы государственной и общественной жизни[60]. В отличие от предыдущего документа «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» от 23.06.1999 года, который рассматривал культуру исключительно с утилитарной точки зрения, «Основы государственной культурной политики» вводит культуру в ранг национального приоритета и рассматривает ее в качестве одного из основополагающих факторов социально-экономического развития общества.

---

[59] Основы государственной культурной политики URL: http://kremlin.ru/events/administration/21027 дата (дата обращения 15.01.2020).

[60] Основы государственной культурной политики URL: http://kremlin.ru/events/administration/21027 (дата обращения 15.01.2020).

Интересно отметить, что «Основы государственной культурной политики» определяют задачи как для внутренней, так и внешней культурной политики государства. В рамках внутренней культурной политики большое внимание уделяется воспитательной функции культуры и изменению подходов к региональному развитию.

В целях задействования воспитательной функции культуры, перед органами власти и культурно-воспитательными учреждениями ставится задача обеспечить «поддержку и развитие благоприятной для становления личности информационной среды» [61] через доступ к национальным цифровым информационным и культурным ресурсам. Повышение медийной и информационной грамотности населения должно происходить через обучение, развитие поведенческих навыков и навыков критического мышления как в пределах, так и за пределами образовательных и профессиональных границ.

Еще одной важной задачей внутренней культурной политики становится работа с молодежью через привлечение и мотивирование ее к участию в познавательных, культурных, творческих краеведческих мероприятиях и коллективах. Изучение истории и культуры своей страны способствует формированию у молодежи активной гражданской позиции, участие в познавательных и творческих мероприятиях и взаимодействие с другими людьми способствует развитию навыков «общения, ведения дискуссии и терпимости к проявлению несхожих взглядов и иных позиций»[62]. Участники не должны выступать в качестве пассивных реципиентов готовых знаний, а должны активно участвовать в обсуждении насущных вопросов, принимать решения и нести ответственность за себя и окружающих. «Основы культурной политики» ставят перед органами власти и образовательными учреждениями и государственными институтами культуры задачу обеспечить максимальное

[61] Основы государственной культурной политики URL:http://kremlin.ru/events/administration/21027 (дата обращения15.01.2020).
[62] Основы государственной культурной политики URL:http://kremlin.ru/events/administration/21027 (дата обращения 15.01.2020).

раскрытие талантов молодежи через создание системы выявления и поддержки юных талантов.

С целью воспитания гармонично развитой культурной личности должны быть разработаны эстетические критерии и ценностные ориентиры, инструменты распространения высокой культуры, а также формы государственного контроля сферы массовой культуры, обладающей наиболее сильным фактором культурного воздействия.

Затрагивая концепцию регионального развития, «Основы культурной политики» подчеркивают, что формирование статуса региона должно строиться на принципах культуросообразности, что превращает региональную культуру в системообразующий фактор, способствует созданию современных культурных стратегий и новых форм культурного развития региона. Многие исследователи (Н. А. Остерман, А. И. Голышев) сходятся во мнении, что региональная культурная политика должна базироваться на принципе синергетики, что обусловлено постоянным противостоянием ее непредсказуемости и взаимозависимости от общей государственной культурной политики. «Синергетика актуализирует поддержку инициатив и стимулирование социокультурной активности жителей региона, создания форм и институтов гражданского общества, негосударственных учреждений культуры, автономных социально ориентированных некоммерческих организаций, различных фондов культурного развития…»[63]. Ориентация культурной политики на потребности будущего должна опираться на принцип опережающего действия, прогнозируя и предотвращая всевозможные социальные проблемы этнической, религиозной и миграционной направленности. Как справедливо отмечает А. И. Голышев, диалог культур в позитивном смысле разрушает их изоляцию. Терпимость к чужой культуре является условием дальнейшего развития и обеспечивает межцивилизационное взаимодействие. «В результате социокультурная сфера

[63] Голышев А. И. Региональная культурная политика: культурологический подход. Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. № 4. 2016. С. 78.

региона приобретает не только форму целостной системы, общественно предпочитаемых и реализуемых ценностных ориентаций, но и внутренне многообразный, плюралистический характер» [64] . Проведение культурной политики на разных уровнях - от государственного до регионального - обеспечивает разнообразие подходов и конкретизацию методов решения культурных вопросов, развитие локального культурного многообразия и способствует «культуротворческой активности населения»[65]. Постановлением «О реализации стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года в субъектах Российской Федерации» от 1 февраля 2017 года было предложено включить проект «Культура» в перечень приоритетных проектов стратегического развития РФ[66]. Изучая место культурной политики в структуре государственного управления, Аванесова Г. А. и Афанасьева О. Н. приходят к выводу, что в данной ситуации основной целью государства является «формирование ценностно-смыслового пространства для социокультурных взаимодействий» [67] , в рамках которого будут сформулированы высшие ценности и «смысложизненные принципы национального и личного существования» [68] и будет вестись диалог о назревших или потенциальных культурных трансформациях.

В рамках внешней культурной политики «Основы культурной политики» предлагает активно задействовать национальную культуру в качестве инструмента «мягкой силы» для увеличения «интереса к русскому языку и русской культуре во всех странах мира, в первую очередь в странах, входящих

---

[64] Голышев А. И. Региональная культурная политика: культурологический подход. Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. №4. 2016. С. 78.

[65] Астафьева О. Н., Аванесова Г. А. Культурная политики и национальная культура: перспективы стратегического вектора современной России // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5. С. 198.

[66] Постановление «О реализации Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года в субъектах Российской федерации» URL: http://council.gov.ru/activity/documents/76702/ (Дата обращения 15.01.2020).

[67] Аванесова Г. А., Афанасьева О. Н. Национальная культура и культурная политика современной России // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 2. С. 3.

[68] там же.

в СНГ и составляющих так называемое «постсоветское» пространство»[69]. В целях развития интереса к изучению русского языка внешняя культурная политика предполагает целенаправленные «усилия по его продвижению в мире, по поддержке и расширению русскоязычных сообществ в иностранных государствах»[70], а также расширение присутствия русского языка в Интернете, а также увеличение качественных русскоязычных ресурсов образовательной и просветительной направленности, предоставляющие информацию о русской культуре.

Стратегия государственной культурной политики до 2030 года называет главной целью культурной политики России «создание условий для максимального привлечения граждан к участию в культурной жизни страны за счет сохранения и развития источников культуры - объектов духовного и материального наследия, культурной среды, художественного и самодеятельного творчества, новых возможностей информатизации и коммуникации» [71] . Данная сстратегия поддерживает смену парадигмы цивилизованного развития: задействование социокультурного подхода при развитии современного информационного общества ознаменовало переход к культуроцентризму, который базируется на «динамичном взаимодействии государства, общества и культуры и затрагивает все аспекты жизнедеятельности человека»[72].

Образование бесспорно является как инструментом социокультурных преобразований, так и инструментом культурного влияния. С целью повышения привлекательности и конкурентоспособности российского высшего образования и увеличения несырьевого экспорта в Российской Федерации было запущено несколько национальных проектов в сфере образования. Один из них

---

[69] Основы государственной культурной политики URL: http://kremlin.ru/events/administration/21027 дата доступа 15.01.2020.

[70] Основы государственной культурной политики URL: http://kremlin.ru/events/administration/21027 дата доступа 15.01.2020.

[71] Голышев А. И. Региональная культурная политика: культурологический подход. Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. №4. 2016. С. 74.

[72] Там же С. 74.

- «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» (срок реализации с мая 2017 по ноябрь 2025г.) - нацелен на повышение узнаваемости «бренда» российского образования за рубежом и увеличение числа иностранных студентов. Для достижения этой цели планируется разработать целевую модель деятельности вуза по экспорту образования и внедрить ее во всех вузах страны с 2021г., а также создать международные службы поддержки иностранных студентов, усовершенствовать нормативную базу, задействовать каналы дипломатических представительств и СМИ для рекламы российского образования за рубежом. Финансовая выгода от экспорта российского образования должна составить свыше 373 миллиардов рублей в 2025г.[73]. Национальный проект «Наука и университеты» объединяет систему высшего образования с целями и задачами национального проекта «Наука». Планируется, что в рамках этого проекта будут направлены усилия на интеграцию науки, расширения взаимодействия между университетами и индустриями, развитию инфраструктуры для научных исследований и росту научно-технологических проектов, и, конечно, развитию человеческого капитала. Программа «Повышение академического стратегического лидерства», которую Минобрнауки планировал запустить в 2020 г.[74], будет способствовать развитию региональных вузов и увеличению их доли на рынке экспорта образовательных услуг.

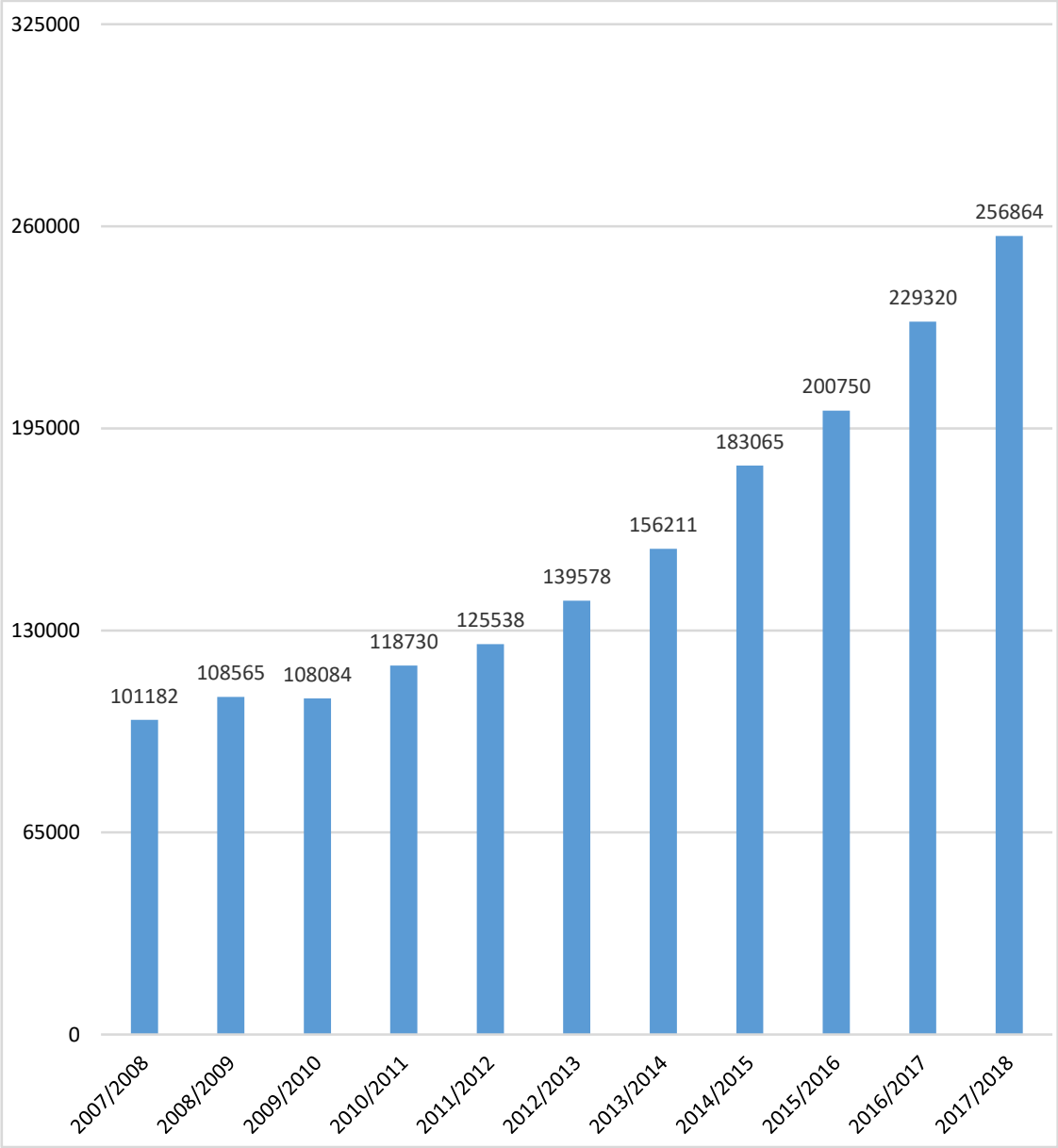
Надо признать, что усилия государства дают свои плоды. Количество иностранных студентов, обучающихся в российских вузах в 2017/18 году увеличилось более чем в два раза по сравнению с 2007/08 учебным годом и

---

[73] Паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» [Электронный ресурс].
URL:http://static.government.ru/media/files/DkOXerfvAnLv0vFKJ59ZeqTC7ycla5HV.pdf
(дата обращения 11.10.2020).

[74] «Для чего науке университеты: что думают эксперты о создании нового нацпроекта» // ТАСС [электронный ресурс] URL: https://futurerussia.gov.ru/nacionalnye-proekty/dla-cego-nauke-universitety-cto-dumaut-eksperty-o-sozdanii-novogo-nacproekta (дата обращения 11.10.2020).

составило 256 864 человек [75] . В 2018/19 учебном году их количество увеличилось до 297 500 человек[76]. Специализациями, которые были наиболее востребованы среди иностранных студентов, традиционно стали инженерно-технологические специализации, медицина и экономика.

[75] Экспорт российских образовательных услуг: статистический сборник, Выпуск 16 / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. М.: Центр социологических исследований, 2019. 208 с.

[76] Аверьянов А. О., Гуртов В. А., Семенов Д. Н., Круглов В. И. Развитие экспорта российского образования: ориентация на потребность национальных рынков труда // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 4. С. 9-21. DOI: 10.31992/0869-3617- 2021-30-4-9-21.

Рис. 1. Изменение общей численности иностранных граждан, обучавшихся в российских вузах в 2007/2008 - 2017/2018 учебных годах, (человек).

К 2018 году Российская Федерация вышла на шестое место в мире по экспорту образовательных услуг, уступив место США, Великобритании, Австралии, Германии и Франции. Хотя США не является членов Европейского союза, их история высшего образования этой страны и современная политика в данной сфере учитывает европейские реалии образовательной деятельности и строится на основе конкуренции с ними.

Несмотря на выход Великобритании из ЕС в 2020 году деятельность ее образовательных структур и Британского Совета сохраняет, в основных чертах, направленность, имевшую место в период ее членства в Европейском Союзе.

Таблица 1.

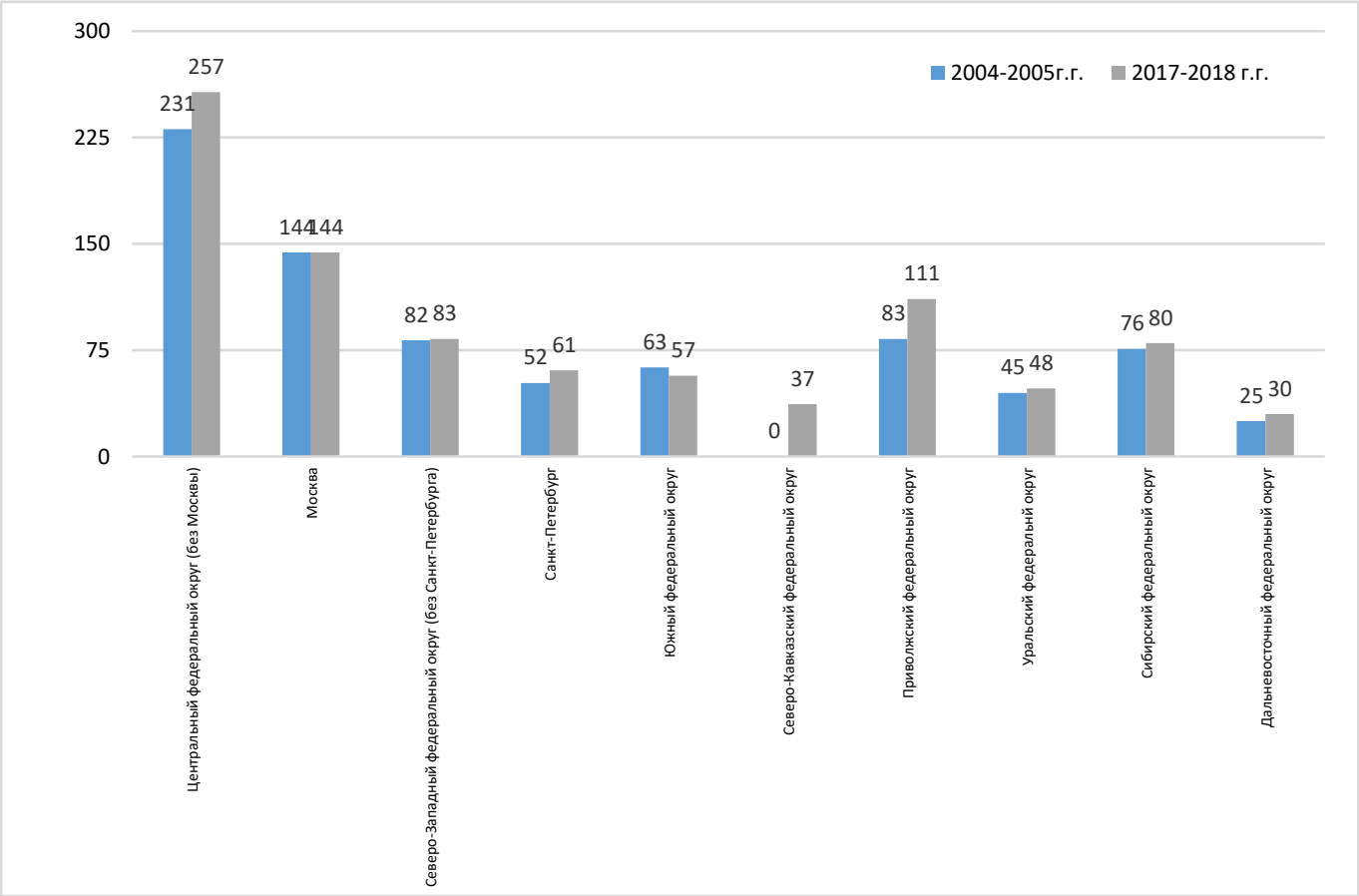
Ключевые показатели экспорта образовательных услуг стран-лидеров

№ п\п	Страна	% от общемирового континента международных студентов	Популярные отрасли науки		Страны / Континенты происхождения международных студентов	
			Название	%	Название	%
1.	Соединённые Штаты Америки	28,14	инженерия	20,8	Китай	31,5
			бизнес и менеджмент	19,2	Индия	15,9
			математика и компьютерные науки	13,6	Саудовская Аравия	5,9
2.	Великобритания	11,3	бизнес и менеджмент	37,6	Китай	30,1
			инженерия	32,5	Малайзия	5,8
			право	26,4	США	5,7
			менеджмент и коммерция	55	Китай	30
			инженерное дело	12	Индия	11

3.	Австралия	9,13	информационные технологии	9	Корея	4
					Таиланд	4
					Вьетнам	4
					Бразилия	4
					Малайзия	4
4.	Германия	7,10	инженерные науки	24,8	Азия	37,6
			искусство	24	Восточная Европа	24,8
			сельское, лесное хозяйство, питание, ветеринарные науки	16,1	Западная Европа	18,9
5.	Франция	6,1	Искусство и гуманитарные науки	19	Африка	43
			Информатика	17	Европа	26
			Социальные науки и менеджмент	15	Азия	19
6.	Россия	5,6	инженерно-технические специальности	22.3	Казахстан	32,5
			медицина	20,8	Китай	16.7
			экономика	12.3	Туркменистан	12,6

В отличие от стран-лидеров, чье образование привлекает иностранных студентов со всего мира, Россия развивает экспорт образовательных услуг, привлекая студентов прежде всего из бывших советских республик. В 2017/2018 учебном году в российских вузах проходили обучение 136 090 человек из стран СНГ. Основными импортерами российского высшего образования являются Азия (64 621 человек), страны Ближнего Востока и Северная Африка (22 180 человек), Центральная и Южная Африка (14 589 человек). Тесные связи с Китаем позволили увеличить долю китайских студентов до 16,7% в 2017/18 учебном году. Ужесточение политической риторики между Россией и Грузией привело к сокращению иностранных

студентов из Грузии на 26% по сравнению с 2004/05 годом. В частности, число украинских студентов, получавших высшее образование в российских вузах, сократилось на 575 человек только за один год и составило 13 078 человек в

2017/18 году.

Рис. 2. Количество вузов, в которых с 2004/05 по 2017/18 учебный год обучались иностранные граждане, по федеральным округам РФ

Как видно из таблицы, составленной по данным статистических сборников по экспорту российских образовательных услуг, вузы, в которых обучаются иностранные студенты, расположены в, Центральном (без Москвы), Северо-Западном (без Санкт-Петербурга), Южном, Северо-Кавказском, Приволжском, Уральском, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах, а также в северной и южной столицах. За период с 2004/05 по 2017/18 количество вузов, обучающих иностранных студентов, сократилось лишь в

Южном федеральном округе на 6 вузов, количество московских вузов осталось неизменным - 144 высших учебных заведения.

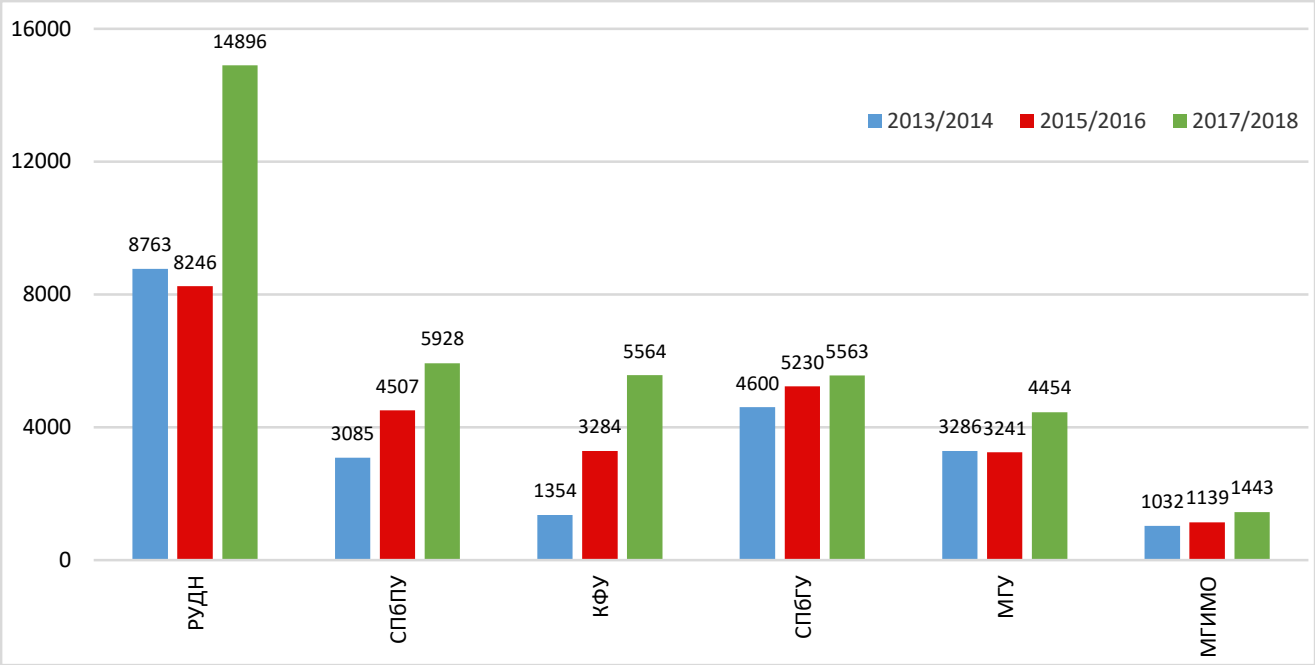

Рис. 3. Рейтинг российских вузов по показателю общей численности иностранных граждан очной формы обучения в 2013/14, 2015/16 и 2017/18 учебных годах, (человек)

Среди вузов - экспортеров образования - первые пять мест занимают Российский университет дружбы народов, Санкт-Петербургский политехнический университет имени Петра Великого, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Санкт-Петербургский государственный университет и Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. МГИМО находится на 41 месте по числу иностранных студентов. Во всех университетах прослеживается тенденция к увеличению экспорта образовательных услуг.

Российская Федерация целенаправленно интегрирует свою образовательную систему в различные образовательные пространства:

Европейское образовательное пространство, образовательные пространства СНГ, ШОС, БРИКС.

Развитие трансграничных регионов и трансграничного сотрудничества в сфере высшего образования позволяет формировать новые образовательные пространства. Наиболее успешным можно назвать Баренцев Евро-Арктический регион.

Баренцев Евро-Арктический регион является крупнейшей ареной межрегионального сотрудничества международной профессиональной коммуникации в Европе, которая объединяет территории четырех государств, примыкающих к Баренцеву морю. Создание БЕАР было инициировано 11 января 1993 г. Киркенесской декларацией, которую подписали министры иностранных дел России, Финляндии, Норвегии и Швеции. Целью его создания было расширение сотрудничества в Баренцев Евро-Арктическом регионе, которое должно способствовать стабильности и долгосрочному социально-экономическому развитию региона.

Преимуществом БЕАР является его географическое положение. На территории циркумполярного региона проживает коренное население саамы, которым удалось, несмотря на национально-культурные особенности разных стран, сохранить историческое наследие и культурные традиции. Приверженность к европейским ценностям и долгая история мирных трансграничных взаимоотношений также способствуют естественным связям России и скандинавских стран.

Установление долгосрочных экономических связей происходит благодаря наличию крупных природных ресурсов. Устойчивое экономическое развитие региона ориентировано на современные научно-технические достижения, что существенно повышает значимость и востребованность высшего образования. Образование становится необходимым условием развития региона, и страны-участницы делают упор на модернизацию национальной системы образования как основы научно-технического развития.

В 2003 году была создана Объединенная рабочая группа по образованию и науке Совета Баренцева-Евро-Арктического региона, во главе которой сейчас находится Северный (Арктический) федеральный университет. Работа ведется на межрегиональном и межнациональном уровнях, выстраиваются связи между университетами и научно-исследовательскими учреждениями северных территорий России, Финляндии, Швеции и Норвегии, расширяется научно-образовательное сотрудничество.

Международная академическая мобильность студентов стимулируется различными программами обмена («Эразмус+», «Север к Северу», «Нордплюс», «Баренц Плюс», Финляндско-Российские программы обмена студентами и преподавателями «FIRST» и «CIMO») и может принимать различные формы – от языковых программ до программ полного курса обучения в зарубежных вузах.

На территории Баренцева региона расположено более 32 университетов и 10 академий и колледжей. За последние три года количество вузов, сотрудничающих на территории региона, увеличилось более чем в три раза.

Общее пространство для научных исследований и образования дает возможность обмена опытом международной деятельности между вузами, разработки единых стандартов системы ВПО, которая будет способствовать выравниванию системы образования скандинавских стран и России, а также разработки совместных научно-образовательных проектов и программ как по поддержке академической мобильности, так и трансграничной мобильности вузов.

В университеты БЕАР увеличивают количество совместных образовательных программ, организовывают летние и зимние языковые школы для студентов. В июле 2015 года совместного проекта Арктического университета на базе исследовательского центра Абиско (Швеция) была открыта Barents PhD School (Баренц-аспирантура). Для развития академической мобильности и привлечения иностранных студентов ряд программ преподается на английском языке.

Наряду с международной академической мобильностью активно развиваются новые формы интернационализации образования, которые характеризуются трансграничной мобильностью вузов. Финляндско-Российский трансграничный университет (CBU) является проектом девяти российских и финских университетов и призван осуществлять поддержку совместных магистерских программ. Главная цель этого проекта — обмен опытом между университетами, а также предоставление студентам более углубленных теоретических знаний и возможность совместить их с производственной практикой. Преподавание ведется на английском языке как в российских, так и в финских университетах. По окончании вуза студент получает двойной диплом либо диплом национального образца.

Сегодня в Баренц-регионе можно наблюдать интенсивный коммуникативный процесс многоаспектного взаимодействия культурных форм. По мнению А.Ю. Белогурова, современные вызовы, с которыми сталкивается российское образование, следует рассматривать в контексте диалектики регионализации и глобализации: «С одной стороны, образование, формирующееся в условиях глобалистических проектов, становится полипарадигмальным и полифункциональным по своей сути, с другой стороны, под влиянием процессов регионализации строится с ориентацией на сохранение этнокультурных приоритетов развития и социально-политической независимости регионов России»[77].

В свете негативных последствий процесса глобализации перед БЕАР сейчас особенно остро стоит проблема сохранения культурной идентичности малочисленных народов Севера. В этой связи реализуется ряд международных проектов в различных областях - от образования и здравоохранения до экологии и бизнеса, направленных на создание благоприятных условий для диалога и сотрудничества, а также разработки и внедрения принципов устойчивого развития и укрепления потенциала региона. Подчеркивается

[77] Белогуров А. Ю. Этногенез и «национально-региональный компонент» // Высшее образование в России. 2002. № 6. С. 34.

«необходимость сохранения у студентов национальной идентичности в эпоху глобализации»[78].

По мнению Л. Костиковой, «глобализация для многонациональных социумов протекает в условиях жесткой конкуренции различных цивилизационных моделей, что оказывает неоднозначное воздействие на культуру этноса в целом и на образовательно-воспитательную политику в частности»[79]. С целью избежать унификации и стандартизации многих явлений быта и культуры народов Севера страны БЕАР на государственном уровне реализуют программы, целью которых является сохранение своей национальной культуры и языка, проводят международные научно-практические семинары и конференции, научные фонды обеспечивают поддержку различных проектов, направленных на изучение самобытной саамской культуры Баренц-региона. В современных реалиях особенную актуальность приобретает подготовка к межкультурной коммуникации в реальных условиях, «в том числе к иноязычному общению с учетом сходства и различия этнолингвокультур», поэтому тем, кому предстоит общение в международной среде, «необходимо еще на этапе обучения <…> овладеть системой ценностей, присущих <…> иноязычной культуре, и научиться проявлять толерантность к «чужой культуре»»[80].

Глобализация, интеграция образовательных систем в единое образовательное пространство, доступ к информационным ресурсам и возможностям получения непрерывного образования сегодня сделали образовательное пространство неотъемлемой частью культурного пространства в целом. Специфика различных культурно-образовательных пространств

---

[78] Воевода Е. В. Формирование межкультурной компетенции: проблемы и пути их решения / Языковой дискурс в социальной практике. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тверской государственный университет». 2013. С. 40.

[79] Костикова Л. П. Российское образование в условиях глобализации и поликультурного социума // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. № 6 (30). С. 5.

[80] Воевода Е. В. Социокультурные компетенции в профессиональной иноязычной подготовке специалиста-международника // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. 2007. № 8. С. 120-121.

обусловливается распределением и характером ролей действующих в них субъектов культуры. Многие ученые подчеркивают «системообразующую роль культурного-образовательного пространства, которое интегрирует «в себе природную сущность культуры с социокультурными возможностями образования»[81].

1.2. Структура образовательного пространства ЕС

Глобализация способствует ускорению темпов культурной эволюции. Государства-представители западной, восточной и русской культуры пытаются найти способы структурирования социальных систем таким образом, чтобы сделать их адекватными будущим культурным реалиям. Конец XX века - начало XXI века характеризуется глобальными изменениями как в мировой экономико-политической сфере, так и в сфере образования. Еще в 1970-ые годы рядом западных ученых в докладе «Человечество у поворотного пункта» в рамках проекта Римского клуба была отмечена необходимость модернизации образования путем универсализации современных систем морали, согласования детальности человека с современными реалиями и трендами.

Возросшее влияние Запада после распада Советского Союза вкупе с развитием глобализационных процессов привело к доминированию западной модели образования и ее распространению по всему миру, что привело к становлению глобального характера интеграционных образовательных процессов.

Целенаправленное формирование единых образовательных пространств не только трансформирует образование с точки зрения его содержания, но приводит к стандартизации и унификации образовательных систем государств, входящих в образовательное пространство. Традиционно ученые выделяют четыре основных характеристики мирового образовательного пространства:

Русаков А. Ю., Тураев А. С. Культурно-образовательное пространство России и современные информационные технологии // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 2 (27). С. 6.

доступность образования для широких масс, усиление международного сотрудничества в сфере образования, индивидуализация образования, приобретение поликультурного характера. Однако четвертая характеристика образовательного пространства появилась лишь недавно.

Если в начале Болонского процесса государства-участники были готовы жертвовать уникальностью национальных образовательных систем в условиях новых экономических детерминант и политических ориентиров, то спустя двадцать лет возникает кризис мирового образовательного пространства. Образование региональных образовательных пространств свидетельствует, что государство готово реформировать существующие национальные системы образования и внедрять инновации при условии сохранения национальной культуры и идентичности, а также учета национальных интересов государства.

Говоря о современном образовательном пространстве, можно согласиться с характеристикой С. Ивановой, что «образовательное пространство становится поликультурным и социально ориентированным, направленным на развитие человека и цивилизации в целом, более открытым для формирования международной образовательной среды, национальным по характеру знаний и приобщению человека к мировым ценностям»[82].

Описывая образовательное пространство, П. И. Касаткин выделяет шесть основных его характеристик: изменение во времени, безграничность, унифицированность, адогматичность, информационность и мобильность[83].

Принимая во внимание описанный выше материал, образовательное пространство действительно меняется вследствие: а) изменения культурных эпох; б) эволюции и трансформации компонентов педагогической культуры; в) взаимодействия различных образовательных культур во времени и пространстве.

---

[82] Иванова С. В. Современное образовательное пространство в социокультурном и геополитическом аспектах // Ценности и смыслы. 2014. № 2 (30). С. 43.
URL: https://mgimo.ru/science/diss/Kasatkin_diss.pdf дата обращения 26.02.2019.

[83] Касаткин П. И. Ценностная аксиоматика образовательного пространства : дисс. … доктора философских наук. // П. И. Касаткин. Москва, 2019. 392 с.

Развитие информационных технологий фактически возродило заочную форму образования. Дистанционное образование позволяет учиться в любой точке мира и более доступно, так как не подразумевает дополнительных расходов, связанных с визой, переездом в другую страну и проживанием. Использования онлайн-платформ и онлайн-программ обеспечивает, во-первых, доступность образования, а во-вторых, позволяет поддерживать и повышать квалификацию, реализуя таким образом принцип непрерывности образования - life-learning education. Дистанционное образование, наличие компьютерного оборудования и доступ в Интернет обеспечивают безграничность образовательного пространства.

Единое образовательное пространство ЕС подразумевает единые требования к качеству и стандарту образования. Государства, интегрирующие свои национальные образовательные системы в единые образовательные пространства, обязаны адаптировать свои образовательные программы и учебные планы для введения степеней бакалавриата и магистратуры и создания новых специализаций, а также разработать единые критерии оценки. Справочные инструменты, разработанные в контексте проекта Болонского процесса, помогли, на наш взгляд, повысить качество и сопоставимость учебных программ, в частности, стандарты и рекомендации по обеспечению качества в европейском пространстве высшего образования и систему квалификационных рамок на европейском национальном, отраслевом и предметном уровне. Вместе с тем эти шаги приводили к унификации образования при неразумном подходе к утрате национального компонента образовательной деятельности. Следует отметить, что единое европейское образовательное пространство в рамках Болонского процесса не является единственным в своем роде. Схожие процессы идут в Латинской Америке и Азии.

Активное внедрение новых форм и методов обучения, а также упор на индивидуальную траекторию обучения провоцирует отход от классической классно-урочной и лекционно-семинарской систем обучения. Преподавание

дисциплины все реже строится по форме монолога и заменяется диалогом как между преподавателем и обучающимся, так и между обучающимся и обучающимися между собой (peer learning). Резкие темпы устаревания информации и рост внедрения инноваций в процесс обучения также способствуют адогматичности образовательного пространства.

Стремительные темпы развития информационных технологий, повсеместный доступ к Интернету привели к возникновению новых источников знаний. Современные студенты предпочитают искать информацию в глобальных информационных сетях, а не полагаться на знания, получаемые в образовательных учреждениях. Резкие темпы развития науки привели к ускорению темпов устаревания информации. Разработка, печать и обновление учебных пособий требуют определенного времени, и очень часто в ряду прикладных дисциплин складывается такая ситуация, что к моменту издания того или иного учебника информация, содержащаяся в нем, оказывается частично устаревшей. Использование электронных ресурсов как вуза, так и сети Интернет позволяет оперативно обновлять информацию. Более того, сегодня ведется целенаправленная разработка и внедрение в учебный процесс глобальных платформ LMS (Learning Management System - система управления обучением) для управления и распространения учебных онлайн-материалов с обеспечением совместного доступа. Создание подобных глобальных информационных сетей стирает национальные границы в сфере потоков открытой информации и подтверждает критерий информационности образовательного пространства.

Что же касается критерия мобильности образовательного пространства, то развитие академической мобильности является одной из основополагающих задач государств-участников Болонского и альтернативных процессов. Академическая мобильность безусловно способствует интернационализации высшего образования и гармонизации национальных образовательных систем.

Многие ученые (Г. Н. Сериков, А. Лоуренс, Дж. Паркер и др.) рассматривают пространство как совокупность элементов (координат) в их

целостности. Г. Сериков выделяет несколько координат образовательного пространства - нормативно-регламентирующую, перспективно-целевую, потребностно-стимулирующую и коммуникативно-информационную[84].

Нормативно-регламентирующая координата связана с законодательными актами, которые определяют условия существования всякого образовательного пространства и условия функционирования любой образовательной системы в конкретном образовательном пространстве. На основе существующих законов об образовании разрабатываются правовые механизмы реализации образовательной деятельности в рамках образовательного пространства. Что же касается нравственных оснований, то культура общества транслируется образованием через специфические социокоды.

Перспективно-целевая координата ориентируется на определение социальной ценности прогнозируемых результатов образования. В силу законов синергетики в системе образования всегда присутствует «инновационный компонент как прообраз будущей культуры и, соответственно, будущей модели образования»[85]. Ведущие идеи, выраженные посредством перспективно-целевой координаты, являются гарантом сохранения единства и целостности образовательного пространства.

Потребностно-стимулирующая координата образовательного пространства связана с материальными и нематериальными условиями деятельности субъектов и объектов образовательного пространства. Более того, изменение направления данной координаты оказывает влияние на развитие потребностей участников образования и в некоторых случаях, как справедливо отмечает Е. Мещерякова, может служить «одним из источников внешнего управления соответствующими образовательными системами»[86].

---

[84] Сериков Г. Н. Образование: аспекты системного отражения. Курган: Изд-во «Зауралье», 1997. 464 с.

[85] Видт И. Е. Образование как феномен культуры: Эволюция образовательных моделей в историко-культурном процессе : дисс. … док. пед. наук. / И. Е. Видт. Тюмень, 2003. С. 102.

[86] Мещерякова Е. В. Целостный подход в формировании языкового образовательного пространства // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания» № 6 (33). Июль 2014. С. 96. URL: http://www.grani.vspu.ru/jurnal/38 дата обращения 23.08.2018.

Коммуникационно-информационная координата отвечает за налаживание диалога между различными образовательными системами, интегрированными в образовательное пространство. Также она характеризует информационную обеспеченность участников средствами, несущими осваиваемые социально-культурные коды.

На сегодняшний день существует много попыток дать определение понятию «образовательного пространства», однако, на наш взгляд, наиболее удачным является определение, предложенное Ю. Шабалиным, которое является достаточно широким, чтобы охватить различные компоненты и координаты. По его определению, образовательное пространство - это «комплекс политических, социально-культурных, научных, образовательных, экономических институтов, средств массовой информации, ориентированных на образование, на общественность, вовлеченную в решение проблем образования, а также на социльно-психологические стереотипы»[87].

Образовательное пространство состоит из двух частей - регулируемой нормативными документами и представленной национальными системами образования и нерегулируемой, представленной интернет-ресурсами и средствами массовой информации, негосударственными организациями, а также внешним влиянием. Регулируемой (официальной) компоненте образовательного пространства относится сама образовательная система как таковая. По своей структуре любая система образования является иерархичной, что приводит к жесткому и подчас неравноправному обмену знаниями и информацией и лишает обучающегося возможности определять свой путь саморазвития. То есть индивид, обладая правом на образование, закрепленном в Конституции, может принимать решения относительно своего пути обучения только в рамках существующей системы образования и получать ограниченную информацию и знания, прописанные в рамках учебных программ.

[87] Шабалин Ю. Е. Система образования региона в условиях трансформирующегося регионального образовательного пространства / Россия как трансформирующееся общество: экономика, деловая культура, управление. М., 2003. 230 с.

Более того, распределение ресурсов с точки зрения «центр - периферия» в рамках системы образования тоже происходит неравномерно. Центральные университеты по сравнению с региональными получают большее финансирование и больше возможностей участвовать в международных образовательных структурах и процессах и соответственно повышать качество образования и рейтинг учебных заведений и, как следствие, становятся более привлекательными для студентов. Разность потенциалов как вузов в частности, так и регионов в целом может спровоцировать кризис образования в рамках единой системы образования.

Образовательное пространство «предполагает наличие некого центра, где формируются основные структуры образовательного пространства и методологические подходы, служащие к выгоде государства, народа, отдельного человека» [88] . Однако по мере расширения образовательных пространств и развития глокальных процессов прослеживается тенденция к одновременному образованию сразу нескольких центров, что может свидетельствовать о кризисе образования, дроблении образовательного пространства и возникновении региональных образовательных пространств.

Очень часто образовательные программы, целенаправленно разработанные для нужд центра, игнорируют нужды регионов и не соответствуют их потребностям. В таких условиях возникает ситуация, что при массовом доступе к образованию, в том числе и высшему, растет элитизм образования, провоцирующий социальный раскол общества.

Если основной компонентой образовательного пространства является образовательная система, регулируемая государством, то нерегулируемой компонентой сегодня становятся идеи массовой или интеллектуальной культуры, проникающие в сознание людей через средства массовой информации. Широкий доступ к интернет-ресурсам дает индивиду свободу выбора и возможности саморазвития и самообразования.

---

[88] Тухтамышов Н. К. Структура и функционирование образовательного пространства // Известия КГАСУ. 2012. № 2 (20). С. 306.

Однако для поддержания опережающего характера образования и сохранения целостности образовательного пространств необходимо соблюдение баланса между регулируемой и нерегулируемой доминантами образования. Чрезмерное усиление нерегулируемой доминанты может привести к потере культурной идентичности и фрагментарности общества; в то же время усиление контроля со стороны государства способствует усилению традиционного компонента педагогической культуры, что приводит к негибкости и застою образовательной системы. В данном случае она утрачивает способность реагировать на текущие потребности рынка, что негативно сказывается на экономическом и социальном развитии государства.

Именно поэтому необходимо рассматривать условия формирования образовательного пространства не только с точки зрения экономических предпосылок и политических ориентиров, но и культурного развития.

Если сравнивать экономику и культуру, то первая является гораздо более динамичной по своему характеру. Образование направлено на удовлетворение экономических потребностей государства. Однако прежде всего образование существует в культуре того или иного общества и является ее отражением. Именно общность культур способствует развитию и поддержанию целостности образовательного пространства. Успех образования оценивается через экономические показатели: конкурентоспособность, развитие технологий и науки и их прикладное применение. Одновременно престиж образования той или иной страны повышает ценность и доминантность ее культуры, способствуя притоку интеллектуальных ресурсов и лидирующей позиции на мировой арене.

Анализируя вышеупомянутые факты, можно сделать вывод, что современное образовательное пространство отличается наличием неравномерной («центр-периферия») и нестабильной структурой, что приводит к постоянной трансформации образовательного пространства и созданию региональных образовательных пространств на стыке трансграничных регионов.

Регионализация повышает уровень самостоятельности и комплексности развития регионов в различных сферах экономической и социальной жизни, в том числе и в образовании.

Личностный фактор развития играет немаловажную роль в развитии регионального образовательного пространства. Выбор будущей профессии, направления повышения квалификации, переподготовки индивида напрямую зависят от профессиональной и личностной социализации, которые существуют в конкретном регионе. В данном ключе образование рассматривается не только как инструмент достижения специфических образовательных целей: повышения грамотности, овладения общими знаниями и воспитания гражданина своей страны, а целей, связанных с развитием региональных комплексов в целом и возможностей личностного и профессионального роста. Данный подход предполагает целенаправленное развитие деятельности университетов в рамках конкретных социально-экономических и социокультурных программ развития региона, а также разработку и внедрение региональных программ профессионального образования. Для успешного выполнения целей образования, базирующихся на социально-экономических потребностях региона, региональные образовательные системы должны обладать открытостью, которая обеспечивает не только равный доступ к образованию, но и готовность системы к модернизации и внедрению инноваций, саморазвитию и самоорганизации, что, в свою очередь обеспечивает гибкость региональной системы образования, приближение содержания образования к реалиям жизни и, следовательно, повышает ее конкурентоспособность. Открытость образовательной системы служит не только обеспечению равенства доступа к образованию на всех уровнях, повышению качества образования и его эффективности, но становится инструментом личного профессионального и социального роста индивида.

Вторым признаком эффективной региональной системы образования является преемственность, обеспечивающая последовательное взаимосвязанное

и взаимообусловленное построение воспитательного процесса в соответствии с уровнями и ступенями образования.

Третьим признаком является непрерывность образования. Таким образом индивид получает возможность последовательного и профессионального становления и роста с учетом расширяющейся сферы научных знаний и потребностей рынка. С другой стороны, грамотная кадровая политика и использование экономических критериев в работе с персоналом, тесное сотрудничество на уровнях «регион - государство» и «работодатель - образовательная система» препятствует оттоку человеческого капитала из региона и приводит к усилению социально-экономических и политических связей региона.

Сегодня в связи с ростом миграции страны все больше сталкиваются с потребностью формирования новой гражданской идентичности при сохранении этнокультурной идентичности и необходимостью сохранения социокультурного пространства. Развитие и противоречия процессов глобализации и регионализации приводят к возникновению ценностно-идентификационных конфликтов и впоследствии, к смене социокультурных доминант. В таких условиях вторым немаловажным фактором формирования современного образовательного пространства становится *этнический* фактор.

Этнокультурная идентичность формируется как «результат развития индивидуального и общественного сознания, отождествления личности и общества со своим историческим прошлым, настоящим и будущем, так и на неосознаваемом, архетипическом уровне» [89] . «Особенности этнической культуры передаются от поколения к поколению посредством традиций, представляющих собой совокупность стереотипов и правил поведения,

[89] Овчинникова Т. М. Трансформация этнической идентичности в условиях полиэтнической образовательной среды // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 3 (16). С. 35.

культурных канонов, политических и хозяйственных форм, мировоззренческих установок, характерных для определённой этнической общности»[90].

По мере образования образовательных пространств как международных, так и национальных представители этнокультуры, особенно если они относятся к национальному меньшинству, оказываются в заведомо проигрышной позиции. В попытке получить более качественное образование им приходится преодолевать лингвосоциокультурные барьеры. Помимо изучения языка, на котором будет вестись обучение, им придется осваивать новые социокультурные коды той страны или региона, где они будут обучаться. Столкновение этнических различий в культуре может не только затруднять процесс обучения, но и приводить к социальным и межнациональным конфликтам.

Обучение в столичном регионе или за рубежом подразумевает дополнительные расходы. Неравномерное развитие регионов и благосостояние населения, проживающего в них, приводит к неравному доступу к образованию и, как следствие, профессиональному росту представителей тех или иных этнокультур.

А. Багдасарова справедливо указывает, что в случае формирования национального образовательного пространства проблему этнокультурной идентичности следует рассматривать с точки зрения этнокультурной и гражданской идентичности. Гражданская идентичность занимает доминантную позицию и «обеспечивает легитимизацию и функционирование демократической системы управления, позволяя интегрировать в рамках гражданской общности этнокультурные идентичности. Позитивная гражданская идентичность свидетельствует о наличии двух не вступающих в конфликт уровней самосознания: возможности одновременно ощущать себя

[90] Багдасарова А. Б., Попов М. Е. Гражданская и этнокультурная идентичность в образовательном пространстве современной России // Обсерватория культуры. 2007. № 5. С. 112.
URL: http://www.ifapcom.ru/files/Monitoring/bagdasarova_grazhd_identichnost.pdf .

частью самобытной этнокультуры и представителем гражданской общности – полиэтничной <…> нации»[91].

Формирование полиэтнического образовательного пространства предполагает позитивное социокультурное самоопределение, развивает межкультурную чувствительность и компетентность, формирует уважительное отношение к культурным ценностям различных этнических сообществ, а также способствует сохранению целостности социокультурного региона.

Третьим фактором успешного формирования единого образовательного пространства является *нормативно-правовой*. Нормативно-правовое обеспечение образовательного процесса обеспечивает повышение качества и эффективности образования. Как справедливо отмечает Е. Воевода, «образовательное пространство невозможно создать без синхронизации стандартов и программ, а также принятия правовых обязательств по взаимному признанию дипломов на всех уровнях высшего образования»[92]. Участие в международных оценках и успеваемости студентов и рейтингах университета обеспечивает дополнительную информацию о качестве образования, предлагаемую как вузами, так и национальными образовательными системами. «Синхронизация образовательных стандартов для учебных заведений различного уровня и критериев оценки качества образования с привлечением представителей бизнеса, заинтересованных в квалифицированной рабочей силе"[93], будет способствовать однородности и конкурентоспособности образовательного пространства. Разработка и внедрение квалификационных рамок помогают обеспечить единообразие политики в области образования и политики в области развития профессиональных навыков.

---

[91] Багдасарова А. Б., Попов М. Е. Гражданская и этнокультурная идентичность в образовательном пространстве современной России. Обсерватория культуры. 2007. № 5. С. 112. // [Электронный ресурс] URL: http://www.ifapcom.ru/files/Monitoring/bagdasarova_grazhd_identichnost.pdf (дата обращения 23.08.2018).

[92] Воевода Е. В. Коммуникационные барьеры образовательного пространства БРИКС // Международные процессы. Том 13. № 4. С. 117.

[93] Там же. С. 118.

К сожалению, уровень среднего, высшего и профессионального образования в различных государствах и регионах ЕС неоднороден, что препятствует интеграции их образовательных систем в единое образовательное пространство и ограничивает выбор места получения образования для их граждан и ограничивает их получением образования заведомо более низкого качества.

Еще одним немаловажным фактором образовательного пространства является его *экология,* «основанная на принципах природо- и культуросообразности, демократичности, свободы выбора, экология образовательного пространства, <…> на ценностном отношении к культурному разнообразию, диалогу, уникальности социоприродной сферы каждого народа, уважении людей к своей личности, личности другого и народу как субъектам ноосферы»[94]. Сохранение и развитие культурного разнообразия способствует не только созданию эффективного сотрудничества на национальном и международном уровнях, но и будет способствовать расширению образовательного пространства за счет возникновения новых центров. М. Якушкина предлагает механизм последовательного формирования полей взаимодействия субъектов образовательного пространства, адекватных его экологии: политико-правового, согласования ценностных ориентаций и деятельности[95].

В политико-правовом поле взаимоотношение участников образовательного пространства строится на добровольной основе и партнерских отношениях. А сотрудничество в рамках образовательного проекта является разработка и внедрение целевых культурно-образовательных и социальных программ, направленных на развитие образовательного пространства. В поле согласования ценностных ориентаций происходит выявление и продвижение общих культурных ценностей, базирующихся на

[94] Якушкина М. С., Илакавичус М. Р. Экология образовательного пространства СНГ // Мир образования - Образование в мире. Моск. псих.-соц. ун-т. Москва. 2016. № 3 (63). С. 84.
[95] Якушкина М. С., Илакавичус М. Р. Экология образовательного пространства СНГ // Мир образования - Образование в мире. Моск. псих.-соц. ун-т. Москва. 2016. № 3 (63). С. 84.

историко-культурных взаимоотношениях участников образовательного пространства, интересов и целей. По мнению М. Якушкиной, эти два поля служат для создания условий приобретения качества адекватности экологии образовательного пространства и перехода «в деятельностное поле для реализации международного проекта» [96] и создания нового центра образовательного пространства. Нестабильность образовательного пространства способствует диалогу государства и бизнес-структур как заказчиков образовательной политики.

Болонская декларация, подписанная в 1999 году 29 министрами высшего образования европейских стран, оказала большое влияние на образование в Европе. Декларация положила начало беспрецедентному и амбициозному процессу панъевропейской интеграции в области, традиционно отмеченной разнообразием национальных систем. Изначальной идеей было создание Европейского пространства высшего образования (ЕВПО) с единой структурой дипломов в Европе, путем усиления контроля качества и упрощения признания квалификаций и периодов обучения. В 2010 году ЕВПО было создано. Процесс его создания, несомненно, внес свой вклад в формирование ландшафта высшего образования в Европе и в 48 странах, которые со временем подписали декларацию. И все же проект Болонский процесс — это не тот случай, когда «миссия выполнена». Такие фундаментальные ценности высшего образования, заявленные в Болонской декларации, как академическая свобода, институциональная автономия, вклад в общественное благо постепенно были отодвинуты на второй план структурными вопросами по созданию единого пространства. Одновременно наметились тревожные тенденции, которые бросают вызов ценностной основе высшего образования. Приоритеты политики в области высшего образования сосредоточены на превосходстве отдельных вузов и глобальных рейтингах. Ведущие европейские университеты находятся в выигрышной позиции, являясь привилегированными участниками процессов

[96] Там же. С. 87.

интернационализации высшего образования, получая большее финансирование научных проектов, привлекая больше иностранных студентов и имея большее влияние на формирование образовательной политики. Основное внимание в деятельности университетов уделяется тем формам взаимодействия, которые приносят более ощутимые экономические выгоды и легче поддаются измерению: передача университетских технологий и связанная с ними деятельность, направленная на коммерциализацию интеллектуальной собственности.

Культурно-образовательное пространство состоит из четырех базовых компонентов: ценностей и норм культурного пространства, носителей и ретрансляторов ценностей и норм, а именно общественных и государственных институтов, систем коммуникаций, границ пространства. В современных реалиях не географические границы, а границы информационного пространства выступают ограничительными рамками культурно-образовательного пространства.

Связь всех четырех компонентов с информацией и информационным пространством в той или иной степени позволяет поднять вопрос об информационно-интеграционном аспекте понятия культурно-образовательного пространства, в котором «культура отражает смысловые и ценностные компоненты деятельности человека, а образование является способом целенаправленного воздействия для получения-передачи определённой информации, в том числе для планирования и управления процессом овладения культурой» [97] . Таким образом идут параллельные потоки информации из культурной среды, и через социокультурные коды индивид получает информацию из определенной культурной среды и параллельно получает информацию, которая формируется и транслируется через образовательную систему.

[97] Русаков А.Ю., Тураев А.С. Культурно-образовательное пространство России и современные информационные коммуникации // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 2 (27). С. 7.

Исторические и экономические этапы развития общества создают новые предпосылки для пересмотра и модернизации уже существующих концепций воспитания и образования для воспитания личностей, способных отвечать на вызовы и удовлетворять потребности современного мира. Взаимодействие рыночной экономики и образования приводит к возникновению новых проблем и задач.

Развитие культуры происходит параллельно с историческими стадиями развития человеческого общества и оказывает влияние на развитие системы образования в частности и формирование образовательных пространств в целом. В.И. Гинецинский, анализируя образовательный процесс с точки зрения различных исторических, социально-экономических и культурологических условий, считает, что Новейшая модель образования характеризуется комплексистским типом. Данный тип образования, типичный для конца XX века, включает в себя культурологическую парадигму, которая исходит из представления, что образовательная система несет не только академические знания, но и отражает пространство культуры, соответствует ее содержанию и формам. Появляется «идея единства и взаимодополняемости образования и культуры»[98]. Таким образом, культура становится непременным условием развития личности и модернизации образовательного процесса. Образование понимается как сложный процесс усвоения индивидом духовных ценностей, накопленных человечеством в процессе истории. В основу данной парадигмы положена идея культуросообразности, которая определяет отношения как между образованием и культурой как социальной средой, так и между образованием и развитием человека как представителя определенной культуры. Задачей образования становится обучение культурной преемственности, роста человеческого потенциала государства и развитие личности, необходимого для успешного существования индивида в социуме и культурной среде. Иными

[98] Ворошилова Н. В. Культурологический подход как методологическая основа реализации развивающей функции образования // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 2-3. С. 14.

словами, можно сказать, что в процессе воспитания и образования происходит превращение человека природного в человека культурного. Система образования разрабатывает единые стандарты социализации, необходимые для приобщения индивидов к общепринятым социальным нормам и культурным ценностям. Можно сказать, что в контексте комплексистского подхода образование выступает в качестве инструмента трансляции культуры, образованный человек не только адаптируется к условиям постоянно изменяющийся социальной среды, но и может сам оказывать влияние на социум.

Каждая культура обладает собственным набором норм и ценностей, которые определяют ее бытие и развитие, выступая как «сила, определяющая особенности сознания, мировоззрения и поведения любого субъекта - будь то отдельный человек, нация, этнос, государство»[99].

Культура является первичным явлением, а образование, хоть и несет все признаки культуры, вторично по отношению к культуре, хотя и существует в ее рамках. Именно поэтому историко-культурные модели образовательного пространства тесно связаны как с социокультурными ценностями образования в частности, так и с ценностями той или иной культуры на определенном этапе исторического развития в целом.

И. Видт предлагает классифицировать стадии развития образования и образовательных пространств не с точки зрения моделей, а с точки зрения культурных эпох - архаичной культуры, индустриальной культуры и постиндустриальной культуры.

Архаичная культурная эпоха характеризуется социальной статичностью и ей соответствует традиционный тип образования, при котором социокод представляет собой опыт бытовой жизнедеятельности и передается от старшего поколения к младшему через традиции и обычаи. Основной целью образования

[99] Дымина Е. В. Мир ценностей и проблема осмысления действительности // Ценности и смыслы. 2009. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mir-tsennostey-i-problema-osmysleniya-deystvitelnosti (дата обращения: 19.01.2020). С. 34.

того времени было обеспечение индивида тем рядом компетенций, которые позволили бы ему занять свое место в строго иерархичном социальном обществе с «извечной системой ценностей и «незыблемыми» общественными институтами, такими, как семья, цех, церковь и пр.»[100].

Индустриальная культура отличается более социально динамическим характером, а структура социальной жизни подчиняется требованиям машинного производства. Образование начинает носить инструктивный характер и ориентируется на унификацию индивида и включение его в безличный социальный порядок. Именно в этот период «субъектом образования начинает выступать государство в лице организованной системы, а объектом образования становится человек»[101], способный реализовать свой профессиональный потенциал в заданных социально-производственных условиях. Государством разрабатываются нормативные документы – законы об образовании, а учеными – различные концепции и методики.

Индустриальная культура является по своей сути культурой рационалистической и ориентированной на социальный заказ, что выразилось не только в изменении ценности образования как инструмента социального роста, но и в изменении отношения к труду, который превратился из безальтернативного способа существования в средство обеспечения первичных потребностей. Прежде всего это отразилось в отборе содержания образования: стали превалировать предметы, дающие «полезные» практические навыки и знания. Более того, отраслевая структура индустриальной культуры способствовала формированию предметного типа преподавания, а также дифференциации образовательной структуры. Конечной целью образования становится человек-профессионал, вооруженный научными знаниями, умеющий пользоваться результатами научно-технического прогресса и ориентированный на покорение природы.

---

[100] Видт И. Е. Образование как феномен культуры: Эволюция образовательных моделей в историко-культурном процессе : дисс. … док. пед. наук./ И. Е. Видт. Тюмень, 2003. С. 81.
[101] Там же. С. 88.

Становление постиндустриальной культуры связано с развитием информационных технологий, замещением производства товаров производством услуг, развитием интеллектуальных технологий, позволяющих планировать социальное развитие.

Постиндустриальную культуру отличает интегративный характер. Отраслевое деление уходит в прошлое, и на современном этапе развития общества культурная конвергенция встречается не только в науке и искусстве, но и в стиле жизни, когда стираются национальные границы и формируется стиль и образ жизни, объединяющий регион.

Тесная коммуникация на личностном, корпоративном, государственном уровнях; гибкость мышления и диалогичность социальной диффузии (выстраивание диалога в современном поливариантном мире) также являются отличительными чертами постиндустриальной культуры. Необходимо отметить, что важной общественной ценностью становится саморазвитие и самореализация индивида в культуре, подчеркивается уникальность и самоценность личности.

Обществоведы отмечают изменение основного жизнеобеспечивающего ресурса. Если по способу использования основного ресурса архаичная культура относится к добывающему типу, индустриальная - к производящему, то культура постиндустриального периода становится обрабатывающей. В современный период человек со своей способностью к саморазвитию, самоорганизации, преобразованию информации и открытостью к инновационным процессам сам становится жизнеобеспечивающим ресурсом. С развитием технологий меняется и мотивация к труду. Если в индустриальной культуре повышение уровня жизни рассматривалось как стимул к труду, то в постиндустриальной культуре стимулом уже становится изменение качества жизни. Соответственно более высокий уровень дохода позволяет тратить свободное время на саморазвитие, и творческий потенциал человека становится основной производительной силой. Как верно отмечает И. Видт, «проблемой постиндустриального общества становится не трудоустройство, как в

индустриальную культуру, а проблема формирования стимула к продуктивной деятельности и саморазвитию в ней»[102]. Данные изменения не могли не отразиться на сфере образования.

Смена образовательных моделей обусловлена эволюцией компонентов педагогической культуры - традиционного, актуального и инновационного (потенциального). Сочетание реалий предыдущей культуры общества и представлений о будущих культурных кодах влияет на характер образования.

1.3. Вызовы современного глобализационного развития и трансграничных регионов в международной культурной политике

Переход к постиндустриальной экономике, резкие темпы роста сферы услуг и становление экономики знаний создали предпосылки для экспансии высшего образования. Тенденция к массовому спросу на высшее образование во второй половине XX века охватила сначала США, потом Западную Европу, Азию и Латинскую Америку. Академические преобразования в сфере высшего образования на мировом уровне в конце XX - начале XXI веков вследствие глобального характера стали самыми масштабными и беспрецедентными по своему разнообразию. Интегрированность мировой экономики, быстрые темпы развития информационных и коммуникационных технологий (ИТК), развитие и становление экономики знаний обусловили развитие глобализационных процессов в сфере высшего образования. «Интернационализация экономической, социально-политической, культурной жизни современного мира требует обмена не только товарами и капиталами, но и знаниями, интеллектуальными ресурсами – студентами, преподавателями, научными сотрудниками образовательных и научных учреждений зарубежных стран. Таким образом, глобализация образования стала вполне логичной и

[102] Видт И. Е. Образование как феномен культуры: Эволюция образовательных моделей в историко-культурном процессе // дисс. док. пед. наук. / И. Е. Видт. Тюмень. 2003. 382 с. С. 95.

закономерной составляющей всеобщей глобализации»[103]. Реалии XXI века привели не только к увеличению глобального контекста, но и к беспрецедентной доминантной роли английского языка в современном академическом мире. Развитие ИТК способствовало созданию универсальных средств мгновенной связи и доступа к всемирной информационной сети, что в значительной степени упростило научные коммуникации. Однако в ходе развития глобальной конкуренции, благодаря достижениям в сфере технологий и научного прогресса, ключевые научные ресурсы оказались в собственности сильнейших университетов, расположенных исключительно в развитых странах мира. Информатизация общества, развитие информационных технологий, высокие темпы накопления информации не могли не оказать влияние на ценности общества и ценностные ориентиры личности. Современный человек должен обладать современными знаниями, ориентироваться в социокультурном пространстве и определять свое место в мире. Таким образом, мы наблюдаем смещение акцента с «человека знающего» на «человека, подготовленного к жизни». В современном обществе образование превратилось в стратегический товар, потенциал общества, определяющий его способность адекватно и своевременно реагировать на современные экономические и социально-политические вызовы, обеспечивая свое экономическое и культурное процветание в условиях глобализации, что положительно повлияло на рост его значимости.

В этом контексте дистанционное или онлайн-форма обучения рассматривается в качестве следующего (современного) этапа развития высшего образования. Говоря о его преимуществах, адепты онлайн-образования подчеркивают его доступность, гибкость, вариативность, адаптацию студента к текущему социально-экономическому укладу, развитие его навыков в сфере информационных технологий. Несмотря на многие плюсы дистанционного образования многие профессора западных и российских

[103] Федотова Г. А. Глобализация и присоединение к ВТО: риски и возможности профессионального образования // Научные исследования. 2012. № 5. С. 20.

университетов (Эдвард Тафти, Эрик Андерман, Гейл Синатра, Боб Сэмюэль, М. Сидорова и другие) задаются вопросом: останется ли дистанционное образование технологией или станет новой формой обучения? Для обозначения своей позиции они приводят следующие контраргументы:

- онлайн-образование не способствует охвату большого количества контента. Онлайн-курс модифицируется, а по сути, упрощается и обедняется в угоду технологиям, хотя именно технологии должны подстраиваться под содержание и задачи курса, так как они выполняют функцию вспомогательного ресурса;

- обесценивание соприсутствия. Соприсутствие обладает рядом информационных ценностей: создает взаимные обязательства; обладает большей информационной насыщенностью, т.к. невербальные способы коммуникации способствуют передаче более разноплановой информации в единицу времени; способствует быстрому темпу коммуникативного обмены, благодаря считывают невербальной реакции участников; обеспечивает среду для свободного, не скованного рамками общения. Соприсутствие является необходимым условием формирования доверия, навыков коммуникации и взаимодействия, которые наравне с профессиональными знаниями являются залогом успешной карьеры. Личностное общение на занятии способствует созданию атмосферы раскованной доверительности. Глубокие межличностные контакты и непосредственные отношения между преподавателем и студентами благоприятствуют созданию творческой, «живой» атмосферы, положительно сказывающейся на вовлеченности, научном интересе и академической успеваемости. Дистанционные занятия физически отдаляют участников учебного процесса друг от друга, что выражается в шаблонности общения и подачи материала, клипировании сознания студентов, снижении их порога восприятия и, как следствие, выстраивании коммуникационных барьеров. Рутинное выполнение грамматических или лексических заданий вполне можно выполнять в режиме онлайн, но поддержание острой дискуссии практически невозможно. Более того, проведение научных конференций онлайн не

способствует продолжению научных дискуссий после окончания работы секций и установлению личных контактов. Налаживание дружеских отношений с одногруппниками и сокурсниками формирует в дальнейшем среду совместного продвижения по карьерной лестнице. Выпускники закрытых университетских сообществ элитных вузов очень часто продолжают поддерживать связь после окончания университета и используют личные связи для карьерного роста в том числе. В условиях онлайн-общения налаживание личных связей и поддержания общения за пределами социальных сетей практически невозможно;

- продвижение идеи индивидуальных образовательных траекторий. Адепты онлайн образования ссылаются на перегруженность современных образовательных программ теоретическими знаниями и способность нового поколения студентов, которых называют интернет-аборигенами за их навыки обращения с всемирной сетью, находить информацию в сети и пользоваться образовательным контентом Интернета. Их оппоненты в лице действующих профессоров университетов указывают на отсутствие навыков у современного поколения анализировать, обобщать и противопоставлять информацию, работать с научными текстами, использовать научную аргументацию. Сегодня найти информацию для студента не составляет труда, но ее самостоятельное осмысление и усвоение является довольно сложным. Для получения знания требуется не просто ознакомится с материалом, но и самостоятельно изложить его в одной из доступных для обучающегося форм - эссе, реферат, доклад и т.п. Современные компьютерные технологии пока неспособны заменить преподавателя в оценке творческой работы, хотя жесткая структура письменной работы, типичная для английских и американских университетов, уже отдает предпочтение значимости формальных критериев, а не содержанию. Отсутствие у обучающихся навыков и критериев не позволяет им оценить, достаточно ли они овладели знаниями данного научного поля и в каком направлении им следует продолжать свою траекторию индивидуального обучения. М. Сидорова справедливо сравнивает их с не умеющим плавать

человеком, который оказался за бортом в открытом море, так как в голове у них нет «ни представлений о смысле процесса обучения, ни модели деятельности, в которой они участвуют, ни набора познавательных инструментов»[104]. Именно поэтому в современных реалиях «совершенствование работы с информационными потоками, формирование информационной грамотности нового уровня, способствующей устойчивому использованию научного мышления и навыков аналитической работы» [105] , является абсолютно необходимым;

- обесценивание авторитетов. Умение современного поколения находить информацию при неумении работать с ней затрудняет ее оценку с позиции «истинный - ложный». «Лавинообразное нарастание информации сопровождается трансляцией гипотетических допущений и просто непроверенных данных и утверждений в общий информационный поток»[106]. Наличие разнообразных источников информации при отсутствии фундаментальных знаний ставит вопрос: какому источнику можно верить и почему именно этому? Доступ к разнообразным онлайн-платформам и онлайн-курсам зарубежных университетов, а также внедрение онлайн-лекций профессоров столичных университетов вместо очных лекций в региональных учебных заведениях в рамках повышения эффективности вуза, подрывает авторитет местных преподавателей, дискредитируя их как трансляторов знания. Более того, демократизация высшего образования уже поставила преподавателя на одну ступень со студентами, разрешив ему лишь направлять и рекомендовать. Развитие peer-learning, когда студенты оценивают друг друга и обучение происходит в рамках полемики друг с другом, вводит путаницу между ролями студента и преподавателя и в попытке рационализации процесса исключают последнего. Использование компьютерных программ для оценки

[104] Сидорова М. Ю. Почему мы не договоримся с онлайнизаторами. URL:https://www.pravmir.ru/pochemu-my-ne-dogovorimsya-s-onlajnizatorami/ (дата обращения 30.08.2020.).
[105] Глаголев В. С. Культура образования в условиях современного российского общества // Человеческий капитал. 2017. №9 (105). С. 9.
[106] Там же С. 8.

работ и успеваемости студентов также устраняет роль преподавателя. Но если высшее образование не сводится к механическому запоминанию и стандартизации, то по каким параметрам компьютер может оценить уровень критического мышления студента или креативность его подхода к выполнению задания? «Доверительные отношения с его научными наставниками создают предпосылки своевременного осознания самим обучаемым особенностей своей глубинной мотивации и влияет на структуру и профиль его самостоятельной информационно-поисковой деятельности»[107]. Именно поэтому такое большое значение имеет личный авторитет преподавателя. В Оксфорде и Кембридже индивидуальное общение или в группе из двух-трех студентов с преподавателем лежит в основе системы обучения. Интересно отметить, что все больше западных университетов предпочитает заключать краткосрочные контракты с внештатными лекторами для прочтения тех или иных курсов. Такой подход оправдывает себя с точки зрения финансовой эффективности вуза, но обесценивает профессию преподавателя университета;

- разрушение образовательной среды университета. Критикуя потоковые лекции за подачу того же материала, который можно прочесть в учебнике, адепты онлайн-образования полностью отказываются от ценности преподавателя как творческой единицы. Способность заинтересовать студентов, эффективно управлять их процессом обучения, обеспечить чувство активного вовлечения в образовательный процесс, добиться от студентов высоких академических результатов - эти качества преподавателя вуза исключительно индивидуальны, и именно они способствуют созданию образовательной среды конкретного вуза. Еще одним ключевым моментом, которое неспособно обеспечить дистанционное образование, является работа в лаборатории и учение в научных экспериментах. В ряде дисциплин теоретический материал, не подкрепленный практическим знанием, не может быть основой профессионального знания. Некоторые вузы пытаются проводить

[107] Глаголев В. С. Культура образования в условиях современного российского общества // Человеческий капитал. 2017. №9 (105). С. 8.

аналогии между заочной формой обучения, довольно популярной в прошлом, и современным дистанционным обучением. Большой объем индивидуальной работы студента - наверное, единственный критерий, который объединяет эти формы обучения. Усиление развлекательного аспекта дистанционного образовательного курса, который сейчас приобрел термин «геймификация образования», не способствует, с одной стороны, психологическому взрослению студента, а с другой, не готовит его к тому, что рабочий процесс чаще всего не связан с развлечением и не подстраивается под индивидуальные потребности наемного служащего. Именно такой развлекательный и ни к чему не обязывающий подход в сфере образования и воспитания растит новое поколение Z, которое не готово сталкиваться с критикой, не считает чужое мнение авторитетным, обладает поверхностным набором знаний, легко утомляется от однообразной работы, имеет слабые навыки коммуникации и отличается способностью к мультизадачности. К сожалению, в отличие от Юлия Цезаря, который, как утверждали историки, мог делать несколько дел одновременно, подрастающее поколение обычно предпочитает слушать лекцию и просматривать сторис в Инстаграмм или комментировать посты друзей в социальной сети, то есть для них мультизадачность — это неспособность полностью сосредоточиться на одном виде работы и игнорировать отвлекающие факторы. Как следствие, академическая успеваемость таких студентов находится на низком уровне. Домашняя обстановка, работа с выключенной камерой, возможность просыпаться за десять минут до начала первой пары не только влияют на внешний вид студента, но и на их отношение к учебе. Сложно представить, что в аудитории студент будет сидеть с ногами на стуле и с капюшоном на голове, так как не успел привести себя в порядок, чередуя выполнение задания с поеданием завтрака. Гибкость дистанционных курсов, которые позволяют, как выразился Стивен Ликок, получить порцию образования, «переодеваясь к обеду»[108], обесценивают усилия тех студентов,

[108] Ликок, С. Очерки обо всем. Пособие для занятых людей.

которые сделали все возможное, чтобы поступить и успешно получать высшее образование в выбранном вузе;

- языковая манипуляция. Язык онлайн-курсов отличается англофицированностью: кейсы, инструменты коллаборации, дистант, митап, коуч и так далее. Слова, заимствованные из английского языка, становятся обязательным вокабуляром для тех, кто использует образовательные онлайн-платформы. С одной стороны, использование иностранных слов создает иллюзию сопричастности к получению передового западного образования, с другой стороны, такой язык не имеет ничего общего с тем способом выражения, который принят в академических и университетских кругах. Гораздо больший интерес вызывает усиление частотности употребления термина «офлайн-обучение». Как и в случае замены понятия «заочный» на «дистанционный» и «онлайн», вместо русского прилагательного «очный» теперь используется английский эквивалент «офлайн». Интересно отметить, что так как слово «офлайн» появилось в русском языке после уже вошедшего в широкий лексикон слова «онлайн», то оно воспринимается как производное от него. То есть сначала было широко растиражированы понятие онлайн-обучения, а потом ему было противопоставлено офлайн-обучение, а не наоборот. Именно по этой причине адептам дистанционного обучения, рекламируя свои онлайн-курсы и платформы, выгодно представлять офлайн-обучение как устаревшее. Подвергнуть сомнению эффективность очной формы обучения гораздо сложнее из-за когнитивного восприятия родных и заимствованных понятий и терминов.

Изучая последствия внедрения онлайн-обучения, Боб Сэмюэль, президент Совета университетов (США), пришел к выводу, что потенциальным положительным результатом нынешнего увлечения онлайн-образованием

URL: https://www.litmir.me/br/?b=17469&p=1 (дата обращения 02.09.2020).

является то, что университеты и колледжи могут быть вынуждены определять и защищать качественное образование[109].

Университетское образование — это нечто большее, чем набор теоретических знаний. Выпускник университета должен уметь критически мыслить, концентрироваться и удерживать внимание, обладать навыками публичного высказывания и аргументации своих идей. Обучение происходит в рамках «взаимодействия, основанном на профессиональном общении, то есть на специфическом познавательном интересе, включающем прежде всего интеллектуальный резонанс»[110]. Широкое распространение онлайн-образования уменьшает роль преподавателя в процессе обучения. Более того, оно исключает аспект воспитания из образовательной стратегии. Также онлайн-образование не решает проблему неравного доступа к образованию. Наоборот, коммерческий подход к онлайн-обучению делает качественное очное образование еще более элитным и востребованным.

Пандемия COVID - 19 способствовала вынужденному переходу высшего образования из аудиторий на онлайн-платформы, что не могло не отразиться на его качестве. Некоторые страны (страны Латинской Америки, Аргентина, Чили, Зимбабве, Малайзия, Пакистан) не смогли перейти на онлайн-обучение по ряду объективных причин: отсутствие материально-технического обеспечения, недостаточная квалификация преподавательского состава для перехода в режим онлайн-обучения, отсутствие широкого покрытия интернет-сетями, низкий уровень жизни населения и другие. Развивающиеся страны и студенты из социально-незащищенных слоев населения пострадали больше всего. По данным ЮНЕСКО 826 миллионов студентов, что составляет половину от общего числа, лишились доступа к высшему образованию, так как не обладают

---

[109] Samuels, B. (2020). Online education and the dangers of multitasking. // The University world news. URL:https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20140129114437933 Дата обращения 30.08.2020.

[110] Силантьева М. В. Единство воспитания и обучения - стратегический приоритет современного образования // Образование как единство обучения и воспитания: материалы международной науч.-метод. конференции (Новосибирск, 3 февраля 2016 г.) / Сибирский государственный университет путей сообщения. - Новосибирск : Изд-во СГУПСа, 2016. С. 56.

компьютером, и 706 миллионов - из-за отсутствия доступа к Интернету[111]. В развитых странах больший удар пришелся на частные университеты, которые полностью зависят от платы за обучение. Филип Алтбах и Ханс де Вит, исследуя последствия пандемии для высшего образования, предполагают, что только в Соединенных Штатах пандемия приведет к закрытию 20% высших учебных заведений [112] . Крупные исследовательские университеты и вузы, признанные во всем мире и на национальном уровне, смогут с небольшими репутационными потерями выйти из кризиса и, вполне возможно, сохранят и даже усилят свое влияние на рынке образовательных услуг. Последствия вынужденного и поспешного перехода на онлайн-обучение вероятно будет иметь во всем мире существенный и негативный эффект для высшего образования, увеличивая разрыв и неравенство между учащимися, учреждениями и странами.

Согласно отчетам, опубликованным в ряде стран, вузы адаптировались к условиям пандемии и проводят занятия онлайн или внедряют гибридную модель обучения. Например, в США осенью 2020 года каждый пятый иностранный студент (20% от общего числа иностранных студентов) находился в своей стране и проходил обучение онлайн[113]. В России треть иностранных студентов не может въехать в страну[114], а оставшаяся часть (более 200 тысяч студентов) продолжают учиться на территории России в режиме онлайн или в очном формате, так как в ряде регионов вузы продолжают работать в традиционном формате. Если иностранные студенты не могут по техническим причинам заниматься онлайн, то им будет предложено перенести занятия на

---

[111] UNESCO. URL: https://en.unesco.org/news/startling-digital-divides-distance-learning-emerge дата обращения 02.09.2020.

[112] Altbach, Philip G., de Wit, Hans (2020). Post pandemic outlook for HE is bleakest for the poorest. URL: https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200402152914362 (дата обращения 02.09.2020).

[113] Baer, J., Martel, M., Ph.D. (2020). Fall 2020 International student enrollment Snapshot // Institution of International education. URL: https://www.iie.org/en/Research-and-Insights/Publications/Fall-2020-International-Student-Enrollment-Snapshot (Дата обращения 20.12.2020).

[114] Министерство науки и высшего образования в России. (2020). Валерий Фальков встретился с иностранными студентами. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=26443 (дата обращения 20.12.2020).

более поздний срок или уйти в академический отпуск. На имя вице-премьера Т. Голиковой было направлено обращение с просьбой рассмотреть возможность въезда в РФ иностранных студентов, обучающихся в российских медицинских вузах[115], в связи с невозможностью получения качественного медицинского образования в онлайн формате.

Зарубежные и отечественные университеты стараются оказывать поддержку иностранным студентам. Согласно отчету института международного образования (Institution of International Education), большинство американских вузов (79%) оказывают поддержку иностранным студентам как в кампусе, так и в формате онлайн. Поддержка может включать расширение спектра виртуальных занятий и мероприятий, адаптацию методов обучения и расписания к онлайн режиму, а также экстренное финансирование иностранных студентов в кампусе. Помимо технических причин, затрудняющих обучение иностранных студентов онлайн, разница во времени препятствует получению качественного образования. Университеты сообщают об адаптации консультационных услуг к формату онлайн, а также о формировании кластеров иностранных студентов для организации академических консультаций в различных часовых поясах, дополнительных платформ или вариантов для иностранных студентов, которые будут способствовать улучшению качества их общения с преподавателями. Около половины университетов (49%) адаптировали свое расписание курсов к разным часовым поясам, предлагая асинхронное время для занятий.

Однако, несмотря на усилия университетов сохранить количество иностранных студентов, пандемия коронавируса привела к снижению их численности. В России не отмечается заметного оттока иностранных студентов. По сравнению с прошлым годом количество поступивших в российские вузы

[115] ТАСС. (2020). Депутат Госдумы попросил Голикову разрешить въезд в Россию иностранным студентам медвузов. URL: https://tass.ru/obschestvo/10239527 (дата обращения 20.12.2020).

иностранных студентов сократилось на 3000 человек[116]. По данным Института международного образования в США общее количество иностранных студентов, обучающихся в высших учебных заведениях США как в онлайн так и в традиционном формате, снизилось на 16%, а прием новых иностранных студентов осенью 2020 года сократился на 43%. Также сообщается, что 40 000 студентов отложили зачисление на следующий семестр[117].

Информационный документ касательно финансового воздействия пандемии на высшее образование в Великобритании, представленный в палату общин в сентябре 2020 года, прогнозирует, что Британские университеты понесут долгосрочные убытки от сокращения набора иностранных студентов в размере от 1.4 миллиардов до 4.8 миллиардов фунтов стерлингов[118]. Количество иностранных студентов существенно различается в разных университетах Великобритании, а это означает, что влияние существенного сокращения количества студентов не будет равномерно распределяться по всему сектору. Например, в Лондонской школе экономики в 2018/2019 учебном году иностранные студенты составляю 70% от общего числа студентов, в то время как в университете Вулверхэмптона (University of Wolverhampton) в тот год обучалось менее 5% иностранных студентов. По данным Института финансовых исследований (Institute for Fiscal Studies) финансовые потери 90% британских университетов из-за сокращения иностранных студентов составят менее 15% от бюджета университета[119].

Финансовые потери университетов от пандемии объясняются не только потерей доходов от платы за обучение, но и потерей доходов из-за сокращения

---

[116] Соловьева О. (2020). Дистанционное обучение оставит российские вузы без денег // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/economics/2020-12-10/4_8037_education.html (Дата обращения 20.12.2020).

[117] Baer, J., Martel, M., Ph.D. (2020). Fall 2020 International student enrollment Snapshot // Institution of International education. URL: https://www.iie.org/en/Research-and-Insights/Publications/Fall-2020-International-Student-Enrollment-Snapshot (Дата обращения 20.12.2020).

[118] House of Commons Library. (2020). Coronavirus: Financial impact on higher education. URL: https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-8954/ (дата обращения 20.12.2020).

[119] Institute for Fiscal Studies. (2020). Drop in international students would imperil university finances. URL: https://www.ifs.org.uk/uploads/publications/bns/BN283-Drop-in-international-students-would-imperil-university-finances.pdf (дата обращения 21.12.2020).

исследовательской доходы по контрактам, доходов от проживания на территории кампуса, общественного питания, конференцсвязи и т.п. Британские университеты видят несколько способов решения проблемы компенсации финансовых потерь. Первая – компенсировать нехватку иностранных студентов за счет увеличения набора местных студентов. Однако полностью компенсировать финансовые потери не удастся так как, во-первых, плата за обучение для местных студентов гораздо ниже, чем плата за обучение для иностранных студентов; во-вторых, ресурсов университета (количество преподавателей, учебных аудиторий, жилья в кампусе и т.п.) может не хватить в условиях диспропорционального роста числа студентов, что приведет к дополнительным расходам; и в-третьих, увеличение числа в одних университетах будет означать сокращение числа студентов в других менее престижных вузах. Доходы вузов с более низким рейтингом в Великобритании сильно зависят от платы за обучение и если они потеряют местных студентов в связи с их оттоком в более престижные университеты, то ряд университетов могут оказаться нежизнеспособными в долгосрочной перспективе без получения государственной поддержки.

Еще одним способом решения вопроса нехватки бюджета в британских университетах является сокращение профессорско-преподавательского состава, работающего на контрактной основе. По данным Times Higher Education в Великобритании в попытке сократить расходы в период с 1 марта по 20 сентября 2020 году были уволены свыше 3000 преподавателей и сотрудников университетов[120]. Наибольшее количество сокращений было зарегистрировано в Манчестерском университете – 528 человек, университете Шеффилда – 424 человека, Оксфордском университете – 416 человек[121].

---

[120] Mckie A. (2020). UK universities axe thousands of jobs during pandemic // Times Higher Education. URL: https://www.timeshighereducation.com/news/uk-universities-axe-thousands-jobs-during-pandemic?utm_source=THE+Website+Users&utm_campaign=1a183ae6ea-EMAIL_CAMPAIGN_2020_12_07_02_34&utm_medium=email&utm_term=0_daa7e51487-1a183ae6ea-76415306 (Дата обращения 21.12.2020).

[121] Mckie A. (2020). UK universities axe thousands of jobs during pandemic // Times Higher Education. URL: https://www.timeshighereducation.com/news/uk-universities-axe-thousands-jobs-during-

Судя по опубликованной информации, только к маю 2020 года студенты подали судебные иски более чем на 50 колледжей и университетов в связи с неудовлетворенностью качеством онлайн-обучения и требуя возмещения стоимости обучения [122] . Среди университетов-ответчиков оказались Калифорнийский университет, Колумбийский университет, Нью-Йоркский университет и другие. В попытке оправдать высокую плату за обучение, которая может превышать 70 000 долларов в год, американские университеты и колледжи рекламируют свою уникальную университетскую среду, возможность университетской инфраструктуры, тесный контакт с профессорами, возможность ведения проектной деятельности и поддержки талантливых студентов. Переход на онлайн-обучение и вынужденное возвращение иностранных студентов домой из-за локдауна в условиях пандемии лишило студентов университетской образовательной среды и снизило качество образования, поэтому теперь многие студенты требуют компенсации за разницу в стоимости между виртуальным и личным опытом. Юридические фирмы, как, например, Anastopuolo Law Firm, создали сайт Collegerefund2020 с целью сбора подписей для организации коллективного иска против университетов. Однако несмотря на требования студентов большинство университетов «Лиги плюща» не собирается снижать стоимость обучения в условиях онлайн-обучения. Проблема соответствия «цена-качество» образования в условиях пандемии возобновила дискуссию о доступности американского образования и его излишней коммерциализации. Введение в сферу образования коммерческого лексикона, когда студенты считаются «потребителями», выпускники - «стейкхолдерами», которые успешно «инвестировали» в свое образование, а университет беспокоится об узнаваемости своего «бренда», лишь подчеркивает инструментализм и

---

pandemic?utm_source=THE+Website+Users&utm_campaign=1a183ae6ea-EMAIL_CAMPAIGN_2020_12_07_02_34&utm_medium=email&utm_term=0_daa7e51487-1a183ae6ea-76415306 (Дата обращения 21.12.2020).

[122] Van Voris, B., Lorin, J. Angry Undergrads Are Suing Colleges for Billions in Refunds // The Bloomberg. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-05-01/angry-undergrads-studying-online-sue-for-billions-in-refunds (дата обращения 20.10.2020).

прикладное значение высшего образования, обесценивает его социальную и культурную значимость[123].

Мнение педагогической общественности по поводу последствий глобализации в сфере образования разделилось на два лагеря. Одни оценивают воздействие глобализации как положительное, поскольку оно обусловливает новые возможности развития образования и научных исследований вследствие их выхода за национальные границы. Другие рассматривают его в негативном свете как посягательство на национальную культуру и утрату независимости. Глобализация является довольно сложным, противоречивым и одновременно объективно обусловленным и неизбежным процессом. Именно неготовность многих государств и социальных институтов к участию в этом процессе обусловливает его негативную направленность.

Интенсификация современных глобализационных и интернационализационных процессов в экономике и обществе создали предпосылки к возникновению интернационализации высшего образования. Согласно определению, данному Джейн Найт, интернационализация образования — это «процесс интеграции межнационального, межкультурного и глобального измерения с целями, функциями и организацией представления образовательных услуг» [124] . Интернационализация высшего образования способствует расширению межвузовского сотрудничества в научно-исследовательской сфере, поддержке академической мобильности, разработке и внедрению единых образовательных стандартов, развитию совместных образовательных программ, а также созданию региональных образовательных пространств.

Сейчас процессы интернационализации образования активно развиваются на международном и региональном уровнях. Проект Болонский

[123]La Berge, L.C. From low wage to No wage. Think adjuncts are underpaid now? Soon they might not get paid at all. [Электронный ресурс] URL: https://www.chronicle.com/article/from-low-wage-to-no-wage/ (дата обращения 14.10.2020).

[124] Джейн Найт. Пять истин об интернационализации // «Международное образование» - русскоязычная версия информационного бюллетеня International Higher Education (Бостонский колледж, США). НИУ ВШЭ. 2015. № 78. с. 24.

процесс является одним из наиболее ярких примеров международного сотрудничества в сфере высшего образования, который привлек более 40 стран к добровольному участию в создании общеевропейского образовательного пространства. Позже были образованы единые образовательные пространства в других частях мира, как например ENLANCES в Латинской Америке, БЕАР в Баренц-Арктическом регионе или Брисбенское коммюнике в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Экспорт образовательных услуг развивается большими темпами, и все больше университетов осуществляет научную и образовательную деятельность на международном уровне. Ряд стран Ближнего Востока и Азии (Сингапур, ОАЭ и др.) объявили интернационализацию образования одним из направлений своей национальной политики и пригласили ведущие зарубежные вузы открыть отделения в их стране с целью обеспечения доступа молодежи к лучшим международным образовательным программам.

Создание единых образовательных пространств, расширение автономии вузов, децентрализация и совершенствование механизмов управления вузами, поиски альтернативных механизмов финансирования вузов, повышение эффективности сотрудничества высших учебных заведений с бизнес-структурами и потенциальными работодателями, приведение квалификаций в соответствие с потребностями рынка, поддержание тесной связи между образованием и научными исследованиями отвечает потребностям глобализации и способствует диверсификации высшего образования[125]. Данные изменения также затрагивают содержание учебных программ и формы предоставления образования. Использование современных технологий способствовало развитию дистанционного образования; создание зарубежных филиалов, франчайзинга и заключение договоров о партнерстве с местными учебными заведениями обусловили формирование рынка высшего образования «без границ»; приватизация государственных вузов и создание частных и

[125] ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ГЛОБАЛЬНЫЕ И БОЛОНСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ / Под науч. ред. д-ра пед. наук, профессора В. И. Байденко. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2010. – 352 с.

корпоративных университетов способствовали развитию узкопрофильного профессионального образования, ориентированного на потребности рынка.

Вызовы XXI века внесли существенные изменения в отношения между высшими учебными заведениями и государством. Внедрение рыночных отношений в сферу высшего образования ослабило его связи с государством. Отказ государства от роли единого заказчика образования обусловил диверсификацию высшего образования. Считается, что именно автономия вузов может помочь им успешно отвечать на возникающие потребности общества.

Переориентация университетов, более тесные связи с бизнес-сообществом, необходимость поиска дополнительных источников финансирования приводят к возникновению в реалиях современной экономики знаний формулы «научные исследования - образования – инновации». Постоянное повышение качества образования, междисциплинарный подход, академическая мобильность, использование современных информационных технологий в процессе обучения, в идеале позволяет высшему образованию стать ключевым фактором развития человеческого потенциала и экономического процветания.

Реалии современности, вызванные глобализационными, экономическими и социальными процесса ставят новые вызовы перед высшим образованием.

Наиболее острой проблемой XXI века стала демографическая ситуация, вызванная старением населения в развитых странах. Средний возраст населения развитых стран в целом и Европы в частности составляет около 45 лет и, по прогнозам ученых, будет только увеличиваться. Сохранение тенденции к старению населения вкупе с быстрыми темпами роста технического прогресса в условиях глобальной конкуренции ставит перед государством задачу обеспечить надлежащее количество профессионалов и сформировать гражданскую культуру, с целью поддержания преемственности поколений. Одним из способов решения этой проблемы стало создание и развитие образования в течение всей жизни (life-long learning), которое

позволит поддерживать и повышать квалификацию среднего поколения. Образование в течение всей жизни не только способствует расширению знаний, но и личностному и карьерному росту. Повышение уровня образования для специалистов будет способствовать не только их профессиональному росту, но и при необходимости позволит им получить компетенции, необходимые для смены сферы деятельности. Однако некоторые исследователи выражают опасения, что упор на стимулирование спроса и повышения мотивации к участию в обучении взрослых (Adult Learning), хоть и объясняется расширением предоставляемых возможностей для обучения между поколениями, приводит к доминирующей роли компетентностного подхода образования[126]. Если для трудоустройства необходимо лишь получить ряд компетенций, то отпадает необходимость в получении диплома о высшем образовании.

Следующим вызовом стала проблема миграции, превратившись в наше время в неотъемлемый фактор глобализации, обусловленный геополитическими процессами. Будучи сама следствием глобальных изменений, миграция способствует дальнейшим изменениям в обществе. Это сложный социальный процесс, обеспечивающий определенный уровень подвижности населения и территориального распределения. Миграция может негативно сказываться на сбалансированности рынка труда, на социальном и экономическом положении общества. Для успешной интеграции мигрантам нередко требуется повышение образовательной и профессиональной подготовки. Массовая миграция способствует усилению социальных противоречий между коренными жителями и мигрантами вследствие различий культуры, религии, норм поведения и культурных ценностей последних. В новом сообществе «мигрант оказывается перед необходимостью определения новой жизненной стратегии - социально-профессионального статуса,

[126] Fátima Antunes (2019): Europeanisation and adult education: between political centrality and fragility, Studies in Continuing Education, DOI: 10.1080/0158037X.2019.1615425.

экономического положения, культурно-этнической дискриминации» [127] . Современная практика показывает, что новые поколения мигрантов имеют тенденцию присоединяться к своим соотечественникам, иммигрировавшим ранее, что приводит к образованию этнических анклавов. Интенсивное общение с представителями своего этноса обусловлено, в первую очередь, лингвистическими трудностями, а во вторую, сложностью принятия чуждой культуры и неосознанной потребностью сохранить свою социокультурную идентичность. Тесные связи внутри этнических анклавов обусловливают создание собственной инфраструктуры жизнеобеспечения. Таким образом, в условиях отсутствия прочных социальных связей с коренным населением вышеперечисленные факторы приводят к образованию сегрегации районов поселения мигрантов.

Массовая иммиграция вызывает проблемы, в первую очередь связанные с обеспечением взрослых рабочими местами, а их детей - образованием. Сталкиваясь с правовыми, лингвистическими, социальными, культурологическими, религиозными проблемами, мигранты сразу оказываются на низшей ступени социальной лестницы. Отсутствие возможностей к социальной интеграции вкупе с нежеланием коренного населения понимать особенности их культуры может спровоцировать вспышки социальной напряженности и неприятия. Для успешной интеграции мигрантам требуется культурно-образовательная поддержка со стороны принимающего государства. В условиях усиливающихся миграционных потоков необходимы комплексные меры для решения негативных последствий иммиграции, однако их решение невозможно без социокультурной адаптации и внедрения технологий межнационального взаимодействия. Именно образованию отводится решающая роль в социокультурный адаптации мигрантов, а именно в создании среды минимизации рисков миграции, способствующей развитию

[127] Дюжакова М. В. Актуальные проблемы образования в России в контексте миграционных процессов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 88. С. 126.

этнотолерантности с одной стороны, и сохранению социокультурной идентичности с другой стороны. Система образования представляет языковые программы, помогающие изучить и усовершенствовать владение языком новой страны проживания, программы профессионального обучения, помогающие овладеть новыми навыками и компетенциями. Система образования обеспечивает знакомство с особенностями новой культуры, обучает этикету деловой и повседневной культуры. Вузам также отводится активное участие в процессах массовой адаптации мигрантов. Перед высшими учебными заведениями ставится задача по внедрению взаимодействия разных культур, взаимовыгодного плодотворного сотрудничества в учебные программы подготовки специалистов для современной экономики поликультурного государства.

Третьим вызовом современного образования стала утрата социальной функции вузов. Децентрализация вузов, межвузовская конкуренция за рейтинг и финансирование, ориентация сугубо на потребности рынка привели к тому, что основные усилия профессорско-преподавательского состава направлены на развитие тех или иных компетенций у студентов, в то время как социальная функция образования отошла на задний план. Эта тенденция особенно заметна в вузах, придерживающихся континентальной модели образования. В условиях современных реалий, вызванных глобализационными, геополитическими, экономическими и социальными процессами, международное сотрудничество в области высшего образования может способствовать успеху не только в научно-исследовательской деятельности, но и возродить утраченную социальную функцию вузов, направленную на развитие межкультурный компетенций, понимание различных этносов, их традиций, культур и религий, воспитание гражданской ответственности.

Побочным эффектом глобализационных и интеграционных процессов стало ограничение возможностей учебных заведений стран Третьего мира конкурировать с ведущими университетами на международном уровне. Это

привело к росту неравенства между национальными системами высшего образования.

Возрастающая тенденция к использованию образования и научных исследований как инструмента экономического развития государства привела к росту инвестиций в интеллектуальные активы, а именно в научно-исследовательскую деятельность, развитие научного и человеческого капитала. Качество полученного образования стало влиять на возможности трудоустройства и карьерного роста. Введение критериев академического рейтинга университетов способствует не только глобальной конкуренции вузов, но и повышению качества образования. Сейчас в рейтингах учебных заведений участвуют университеты более 40 стран. Рейтинги не только определяют уровень академической и научно-исследовательской деятельности вуза, но и оказывают влияние на развитие структуры вуза и его научную и образовательную деятельности. Они используются университетами для формирования бренда и привлечения как инвестиций, так и студентов, а политиками - как индикатора экономической мощи страны, таким образом способствуя маркетизации и глобализации высшего образования. Ряд авторов подчеркивает корреляцию рейтинга государств с рейтингом их университетов, объясняя это тем, что чем выше человеческий капитал, тем выше конкурентоспособность государства и, следовательно, его способность влиять на мировые процессы[128]. С одной стороны, ранжирование высших учебных заведений стимулирует их конкурентоспособность на мировом и национальном уровнях, однако, с другой стороны, будучи политизированными, рейтинги ведущих университетов мира могут влиять на содержание учебных программ высших учебных заведений разных стран, способствовать напряжению отношений «центр-периферия» и обусловливать элитарность высшего образования.

[128] Подберезкин А. И., Большова Н. Н., Подберезкина О. А. Современные университеты – кузница идей, технологий и креативного класса // Вестник МГИМО. 2012. №3(32). С. 231-244. С. 234.

Увеличение миграционных потоков, демографические изменения общества, массовый спрос на высшее образование, развитие информационных технологий и доступ к Интернету создают новые условия, выигрышные для крупных стран - экспортеров образовательных услуг - и заведомо проигрышные для традиционных вузов и стран с закрытой национальной системой высшего образования. Вызовы современности обусловлены глобализационными, геополитическими и экономическими реалиями и увеличивают значение глобального контекста. Ведущие мировые университеты, с целью сохранения лидерских позиций в сфере образования, чутко реагируют на международные социально-политические и экономические тенденции.

Новые социально-экономические реалии оказывают существенное воздействие на модернизацию современного образования. «Целью образования становится создание среды трансформации социальных отношений, развитию межкультурного взаимодействия и становлению мультикультурного общества, разработки новых форм социального поведения»[129], воспитанию гражданской идентичности и сохранению этнического разнообразия.

Глобализация обусловила всеобщность и необратимость процессов межкультурного взаимодействия. Развитие межкультурной чувствительности и навыков межкультурного общения способствует пониманию чужой культуры и позволяет использовать ее как потенциал для индивидуального развития.

В основе становления мультикультурализма в образовании лежат два важных фактора. Во-первых, в постиндустриальном обществе глубокое знание своей культуры является залогом успешной профессиональной и личностной самореализации человека. Однако овладеть потенциалом собственной культуры невозможно без понимания принципов и отличий от другой культуры. Следовательно, овладение навыками и технологиями понимания чужой

[129] Панина Г. В. Роль образования в социокультурный адаптации мигрантов // ALMA MATER (Вестник Высшей школы). 2013. № 11. [Электронный ресурс].
URL: https://www.bmstu.ru/ps/~panina/profile/publications/ (дата обращения 23.10.2020).

культуры способствует реализации межкультурного взаимодействия, основанного на взаимном уважении и многообразии культур, личностной самореализации и успешной жизнедеятельности. Во-вторых, современный человек вынужден адаптироваться к постоянно меняющимся реалиям современного мира. И чем лучше развита компетенция межкультурной коммуникации, чем тоньше чувствует человек межкультурные различия, тем большим количеством культурных кодов владеет человек, тем легче будет процесс его адаптации к глобальным экономическим и социально-политическим процессам. Посредством образования люди овладевают компетенциями постоянного развития, совершенствуют технологии межкультурной коммуникации, учатся цельно-интегральному восприятию мира.

Интернационализация образования и участие в образовательных процессах на международном уровне являются ключевым фактором развития российского образования на сегодняшний день. По показателям, используемым для составления международных рейтингов университетов, российские вузы пока проигрывают зарубежным. Однако «установления активных партнерских отношений с коллегами за рубежом, создания международных авторских коллективов, стимулирования мобильности студентов и преподавателей, организации активного обмена опытом на уровне учреждений и предметных областей»[130], а также расширение списка учебных программ на английском языке будет способствовать активной модернизации российского высшего образования и получения достойного места в глобальном рейтинге зарубежных образовательных систем.

Обеспечение академической мобильности - способствует не только культурной интернационализации образования, но и личностному развитию и карьерному росту. Обучение в чужой культурной среде развивает навыки межкультурной коммуникации, формирует уважение к многообразию и

[130] Марджинсон С. Российская наука и высшее образование в условиях глобализации // Вопросы образования. 2014. № 4. С. 32.

способствует пониманию разных культурных кодов. Получение образования за рубежом способствует развитию лингвистических навыков и закладывает основы многоязычной традиции единых образовательных пространств, в частности европейского, что также способствует развитию сотрудничества и конкуренции между высшими учебными заведениями.

Разработка единых стандартов качества образования, признание компетенций, полученных в рамках прохождения курса обучения в зарубежном вузе, введение единой системы квалификаций обеспечивают прозрачность всех уровней образования и создают инструменты перехода между различными системами квалификаций, способствуют «модернизации национальных систем образования и укрепления связей между образованием, подготовкой, переподготовкой и занятостью»[131].

Трудоустраиваемость выпускников, которая является одним из принципов проекта Болонского процесса, должна стать одним из основных критериев качества образования. Задача образования развить в индивидууме компетенцию постоянного обновления знаний, что полностью совпадает с концепцией образования в течение всей жизни. Обновление квалификации рабочей силы рекомендуется проводить на базе тесного сотрудничества вузов с правительством, коммерческими структурами и социальными организациями. Такое сотрудничество обеспечит более глубокое понимание тенденций рынка и требований работодателей к потенциальным работникам. В программы российских высших учебных заведений рекомендуется включать стажировки, обучение на рабочем месте, что также будет способствовать трудоустройству и развитию карьеры будущих выпускников вузов.

Российские реформы в области образования также, как и мировые ориентированы, в первую очередь, на принцип открытости образовательных процессов. Как мы видим, под влиянием процессов интернационализации и

---

[131] Д. А. Еделев, В. М. Кантере, В.А. Матисон, Ст. Игнар. Модернизация высшего образования. Болонский и Копенгагенский процессы. Рамки квалификаций. Проблемы и перспективы. Методическое пособие. Изд-во МГУПП, 2012, С. 24.
URL: http://www.bgsha.ru/files/docs/faculties/izkim/proekt%20530690/material/7.pdf.

глобализации образования на первый план выходят такие актуальные проблемы как право на образование, доступность образования, непрерывность образования, унификация систем образования и повышение конкурентоспособности национальных систем образования, развитие межкультурной коммуникации.

Выводы по первой главе

В документах, определяющих государственную культурную политику стран Европейского союза и Российской Федерации, определены приоритетные принципы развития профессионального образования, которые соответствуют стратегии социокультурного развития страны. В то время как страны Евросоюза делают упор на инструментализм культурной дипломатии, Россия уделяет большое внимание работе с молодежью с целью воспитания гармонично развитой культурной личности.

Глокализация привела к появлению доктрины нового регионализма, когда регион становится изменяющейся социальной структурой политического и экономического пространства. Затрагивая концепцию регионального развития, «Основы культурной политики» подчеркивают, что формирование статуса региона должно строиться на принципах культуросообразности, что превращает региональную культуру в системообразующий фактор, способствующий формированию современных культурных стратегий и новых форм культурного развития региона.

Высшее образование выступает важной частью социального развития, ресурсом цивилизационных изменений, сферой воспроизводства и развития человеческого фактора. В эпоху глобализации система высшего образования подвергается значительным изменениям, связанным с возникновением новых акторов, способных оказывать мощное воздействие на ход мировой истории, развитие наукоемких производств, разработки стратегий будущего развития. Резкий рост информационных технологий, доступ к информации и транспарентность национальных границ способствуют появлению новых

проблем и вызовов, характерных для XXI века, которые, в свою очередь, формируют стратегию культурной политики, определяют место и роль высшей школы в ее эффективной реализации.

Основная стратегическая цель государственной культурной политики в сфере высшего образования заключается в формировании личности студента, готового к эффективному решению профессиональных задач в изменяющихся социокультурных условиях глобализирующегося мира, обладающего необходимыми личностными качествами для успешной межкультурной коммуникации в решении поставленных цивилизационных задач.

Определяя культурную политику как совокупность принципов и норм, которыми руководствуется государство в деятельности по сохранению, развитию и распространению культуры, выделим в качестве одного из основных противоречий, на разрешение которого направлено данное исследование. Это противоречие между необходимостью рассмотрения образования как ресурса социокультурного развития и необходимостью определения приоритетов культурной политики в построении высшей школы, в полной мере отвечающей запросам глобализирующегося общества.

Начиная со второй половины XX века главными ценностями образования становятся утилитарность и функциональность. В современном обществе главными ценностями образования становятся его доступность, экономическая эффективность, прикладное применение знаний и гарантия трудоустройства с последующим карьерным ростом. В XXI веке по мере возникновения нового информационного общества и развития глобализационных процессов в сфере образования формируются две основные тенденции. Глобалистская (постмодернистская) фокусируется на усилении технократического аспекта, назначая функциональность главной ценностью образования. Вторая тенденция, связанная с гуманитарной направленностью, настаивает на сохранении культурной компоненты образования и считает его главной задачей воспитания всесторонне развитой личности, способной

сохранить свои культурные корни, являясь одновременно частью мировой культуры.

Развитие процессов глобализации и открытость информационного пространства выводят образование за территориальные границы отдельного государства и способствуют формированию образовательных пространств. Сегодня образовательное пространство рассматривается как неотъемлемая часть культурного пространства в целом, которое не привязано к географическим границам, а скорее к границам информационного пространства, в котором культура отражает ценностные компоненты деятельности человека, а образование также является способом передачи социокультурных кодов.

Анализ историко-культурных моделей образовательного пространства подтверждает тесную связь как между образовательным пространством и социокультурными ценностями образования в частности, так и ценностями той или иной культурной эпохи. Наличие этой тесной связи на всех этапах исторического развития общества позволяет сделать вывод, что культура является первичным явлением, а образование, хоть и существует в рамках культуры, вторично по отношению к ней. Смена образовательных моделей обусловлена эволюцией традиционного, отражающего реалии предыдущей культуры общества, и инновационного, включающего в себя представление о будущих культурных кодах, компонентов педагогической культуры. Их сочетание представляет собой актуальный компонент, влияющий на характер образования. На каждом этапе развития общества данные компоненты хоть и имеют различное наполнение, но тесно связаны с культурными реалиями прошлой и будущей культуры.

Образовательное пространство не является статичным и постоянно меняется вследствие изменения культурных эпох, эволюции и трансформации педагогической культуры, «взаимодействия различных образовательных

культур во времени и пространстве»[132]. Оно состоит из частей - регулируемой нормативными документами и представленной национальными системами образования и нерегулируемой, представленной интернет-ресурсами и средствами массовой информации, негосударственными организациями, а также внешним влиянием. Распределение ресурсов с точки зрения «центр-периферия» происходит неравномерно, что способствует возникновению разности потенциалов как образовательных учреждений в частности, так и регионов в целом, что может спровоцировать кризис образования в рамках единой системы. Однако по мере расширения образовательных пространств и развития глобальных процессов прослеживается тенденция к одновременному образованию сразу нескольких центров, что может свидетельствовать о конкурентной борьбе между образовательными пространствами.

Для поддержания опережающего характера образования и сохранения целостности образовательного пространства необходимо соблюдать баланс между регулируемой и нерегулируемой доминантами образования. Чрезмерное усиление нерегулируемой доминанты грозит потерей культурной идентичности и возникновению фрагментарности общества, в то же время усиление контроля со стороны государства приводит к застою образовательной системы и ее неспособности адаптироваться к реалиям будущего. Именно наличие неравномерной и нестабильной структуры образовательного пространства способствует его постоянной трансформации и приводит к созданию региональных образовательных пространств на стыке трансграничья. Общность культур и открытость образовательной системы не только способствуют повышению качества образования и его эффективности, но и становятся инструментом личного и профессионального роста индивида.

Глобализация способствует ускорению темпов культурной эволюции. Многие государства в формировании концепции государственной культурной политики основываются на принципах культуроцентризма и

[132] Касаткин П. И. Современное образовательное пространство: особенности и перспективы // Философия образования. 2017. №3. С. 8.

культуросообразности. Формирование поликультурного образовательного пространства предполагает позитивное социокультурное самоопределение, воспитывает этнокультурную компетентность, формирует уважительное отношение к культурным ценностям разных этнических сообществ, развивает компетенции межкультурного общения, а также способствует сохранению социокультурной целостности региона.

Основными проблемами современного общества, справиться с которыми стало первостепенной задачей образования, являются старение населения в развитых странах, усиление миграции, утрата вузами социальной функции и замещение очного образования онлайн-обучением. Сохранение тенденции к старению населения вкупе с быстрыми темпами технического роста в условиях глобальной конкуренции ставит перед государством задачу обеспечить надлежащее количество профессионалов и сформировать гражданскую культуру с целью поддержания преемственности поколений. Решение негативных последствий иммиграции невозможно без социокультурной адаптации и внедрения технологий межнационального взаимодействия. Именно образование должно способствовать социокультурной адаптации мигрантов и развитию этнотолерантности, с одной стороны, и сохранению социокультурной идентичности, с другой стороны. В условиях современных реалий, обусловленных геополитическими, экономическими и социальными процессами, перед вузами стоит задача возродить социальную функцию, направленную на развитие межкультурных компетенций, понимание различных этносов и их культур, воспитание гражданской ответственности. А попытки обеспечить доступность образования путем развития онлайн-технологий и онлайн-курсов привели к упрощению учебных программ, уничтожению образовательной среды университетов и обесцениванию авторитетов. В условиях пандемии коронавируса онлайн-технологии трансформировались из вспомогательного ресурса в форму обучения. И, парадоксальным образом, обеспечивая доступ к образованию, с одной стороны,

способствовали элитизму высшего образования очной формы обучения, с другой стороны.

И хотя научные исследования[133], [134], [135] выявили многочисленные минусы дистанционного обучения, в современных реалиях онлайн-обучение частью образовательного процесса. Для адаптации к негативным последствиям онлайн-формата вузам рекомендуется интенсификация онлайн-общения не только во форме монолога, но и в формах интерактивного взаимодействия (студенческие конференции, викторины, обсуждение докладов, уточнение неточностей в изложении лекторов и докладчиков).

Последние десятилетия ознаменовались сильным ростом интереса к многоуровневому феномену культурной политики, который был вызван изменениями в социокультурной действительности. Осознание роста рисков межкультурных конфликтов, опасности исчезновения самобытных культур и развитию культурной унификации вследствие глобализации обусловливает растущий интерес к сохранению культурного многообразия и культурных традиций разных народов.

---

[133] Decuypere, M., Landri, P. Governing by visual shapes: university rankings, digital education platforms and cosmologies of higher education. *Critical Studies in Education*, 62:1, 17-33, (2021) https://doi.org/10.1080/17508487.2020.1720760.

[134] Hoi, S.C.H., Sahoo, D., Zhao, P., Online learning: A comprehensive study. *Neurocomputing*, 459, 249-289 (2021). https://doi.org/10.1016/j.neucom.2021.04.112.

[135] Williamson, B. Making markets through digital platforms: Pearson, edu-business, and the (e)valuation of higher education. *Critical Studies in Education*, 62:1, 50-66, (2021). https://doi.org/10.1080/17508487.2020.1737556.

ГЛАВА II. ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК КОМПОНЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО МИРА

1.1. Культурно-исторические предпосылки и основные тенденции современного высшего образования

Глобализация создала условия для глубоких изменений в системе международных отношений, которые связаны с возникновением новых влиятельных акторов, представленных транснациональными корпорациями, влиятельными международными общественными организациями и научными центрами, которые стали оспаривать монополию государства на влияние на события в мире. И хотя на данном этапе развития мирового сообщества государство как международный актор сохраняет свои лидирующие позиции, глобализация «способствует диверсификации акторов и вынуждает государства менять свои внешнеполитические стратегии и видение международной системы» [136] . Более того, развитие технологий дает преимущество одним акторам над другими, которые становятся более уязвимыми в вопросах экономической и военной безопасности. И как следствие всех вышеперечисленных факторов глобализации уже не сила государства определяет его место в структуре международных отношений, а именно место, занимаемое государством в структуре международных отношений, играет основную роль в определении уровня силы и влияния международного актора, а также способствует выбору наиболее эффективных стратегий во внешней

[136] Агеева В. Д. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации // диссер. … канд. политических наук. / В. Д. Агеева. Санкт Петербург, 2016. С. 55.

политике. Однако, несмотря на возникновение современных акторов, их цель остается неизменной, а именно —власть, сила и влияние на мировой арене.

В традиционных регистрах идея дипломатии в основном ассоциировалась с отношениями между странами через их назначенных представителей. Однако в последние десятилетия становится все более очевидным, что отношения, которые обычные граждане могут наладить через национальные границы, не менее важны для дипломатии. В условиях глобализации по мере того, как все больше людей становятся глобально мобильными, они могут развивать и поддерживать тесные связи на транснациональном уровне. Благодаря этим связям позитивные международные отношения теперь могут быть продвинуты широким кругом субъектов и действий, а не только представителями правительства. Как верно отмечает М. Лебедева, «сотрудничество же государств и негосударственных акторов в последнее время порождает различные формы партнерства и взаимодействия так, что становится всё сложнее провести грань между государственными и негосударственными акторами»[137].

Идея использования отношений между людьми с целью оказания влияния и продвижения национальных интересов способствовала развитию публичной дипломатии.

Из множества институтов, через которые может осуществляться публичная дипломатия, ключевая роль отводится высшему образованию. Университет — это место, где академический обмен может способствовать межкультурному диалогу о сложных идеях и противоположных интересах и выстраивать эффективные международные отношения с помощью так называемой «мягкой силы».

По мнению Дж. Найя, «мягкая сила» — это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью

[137] Лебедева М.М. «Мягкая сила» : понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. 3(54). С. 212-223 DOI 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223. С. 220.

принуждения или подачек»[138]. «Мягкая сила» предполагает использование ненасильственных средств, позволяющих влиять на мышление и расположение других. Ее цель — направлять людей, а через них их сообщества и нации к предпочтительному набору культурных ценностей и политических идеологий. Как верно отметила И. Горлова, «Использование «мягкой силы» — это использование силы ценностей»[139]. Различные страны задействуют разнообразные концептуальные подходы к созданию своего позитивного имиджа. США и Великобритания делают упор на привлекательность своих политических и экономических ценностей, страны Западной Европы подчеркивают привлекательность культурно-исторических ценностей, ЕС фокусируется на продвижении социокультурный ценностей, Китай использует инструменты «мягкой силы» для защиты своей культурной безопасности, Россия в использовании инструментов несилового воздействия опирается на богатый культурный пласт и этническое многообразие.

Идея о том, что высшее образование может быть инструментом публичной дипломатии, не нова. Университеты и учебные центры всегда привлекали ученых и студентов со всего мира в поисках новых знаний. Например, на протяжении столетий европейские ученые путешествовали по всему миру, принося с собой понимание других культур и достижения их цивилизаций. Таким образом, идея межкультурного общения и понимания всегда была целью академий продвинутого обучения.

На сегодняшний день некоторые страны сильнее преуспели в использовании высшего образования как формы «мягкой силы» для формирования менталитета иностранных студентов. Например, США, Великобритания и Евросоюз доминируют на рынке экспорта образовательных услуг. Политика и практика интернационализации образования включают в себя трансграничное сотрудничество, открытие филиалов за границей, развитие

---

[138] Най Дж. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения [Электронный ресурс] // URL: http://smartpowerjournal.ru/soft-power/ (дата обращения: 02.09.2020).

[139] Горлова И. И. Культура как «мягкая сила»: инструменты и точки приложения // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 268.

академической мобильности, программы обмена студентами и языковые программы, направленные как на изучение иностранного языка, так и на создание языковой и межкультурной среды.

Высокое качество образования, высокие шансы на последующее трудоустройство и привлекательность западной культуры стали основными факторами, которые способствуют привлечению тысяч студентов для получения высшего образования за рубежом. Например, Соединенные Штаты ежегодно принимают тысячи иностранных студентов в рамках международных образовательных программ.

В области экспорта образовательных услуг Соединенные Штаты прочно удерживают лидирующие позиции. Наиболее известной международной обменной программой в области образования является финансированная правительством программа Фулбрайт, которая предоставляет гранты на обучение и ведение научной деятельности. Также Бюро по делам образования и культуры поддерживает всемирную сеть EducationUSA, которая имеет более 400 консультационных центров по всему миру и ежегодно информирует миллионы потенциальных студентов о возможности получения образования в США.

И хотя США транслируют основную цель международного сотрудничества в области образования как желание помочь другим странам улучшить свои экономические условия, поднять культурный и материальный уровень жизни через передачу конкретных навыков и методов, Государственный Департамент как орган, регулирующий отношения США с другими правительствами, рассматривает международные образовательные программы как инструмент для углубления понимания американской культуры, а также как средство поддержки демократии за рубежом, укрепления связей с союзниками и обеспечения поддержки политики США. Признание Колина Пауэлла, бывшего госсекретаря США, что они считает дружбу будущих мировых лидеров, получивших образование в США, самым ценным активом страны («I can think of no more valuable asset to our country than the friendship of

future world leaders who have been educated here»[140]) подтверждает тот факт, что США прекрасно понимают, что «образование является одним из наиболее важных инструментов для достижения в перспективе доминирования на мировой арене»[141].

Подобно США, Великобритания также развивает международное сотрудничество в области образования. Университеты нового поколения, так называемые post-1992 universities, получившие статус университетов после 1992 года, изначально ориентированы на «интернационализацию обучения, совершенствование системы управления и финансового менеджмента, а также на потребности рынка труда»[142]. Появление новых специализированных вузов олицетворяет смену курса образовательной политики государства, усиление государственного присутствия в области высшего образования.

«Переориентация британской системы на задачи транснационального образования»[143] и создание зарубежных филиалов британских университетов способствовало увеличению экспорта образовательных услуг. Исследования и иностранные студенты также являются важными источниками дохода. В 2017–2018 годах британские университеты получили 8,2 млрд фунтов стерлингов (10,5 млрд. долларов США) в виде дохода от исследований, 1,39 млрд. фунтов стерлингов из которых поступили из международных источников. 437 000 иностранных студентов, обучающихся в Великобритании, по данным на 2014/15 годы, приносят экономике Великобритании 26 миллиардов фунтов стерлингов (33 миллиарда долларов США), а также привносят свои навыки и

[140] Powell, C. Statement on International Education Week 2001. U.S. Department of State, November 2001. URL:https://2001-2009.state.gov/secretary/former/powell/remarks/2001/4462.htm дата обращения 24.03.2020.
[141] Nye, J. Smart Power // New Perspectives Quaterly, 2009, Vol. 26, İss. 2. P. 17
[142] Вахштайн В. С. Система высшего образования в Великобритании // Вестник Российской академии наук. 2007. № 12. С. 1136.
[143] Вахштайн В. С. Две модели образовательных систем : континентальная и атлантическая// Прогнозис. 2006. № 6. С. 321-352. С. 327 URL: http://www.intelros.ru/pdf/prognosis/321-352_vahshtain.pdf (дата обращения 08.10.2017).

идеи в исследования и промышленность Великобритании[144]. В 2018 году в Великобритании обучались около 460 тысяч студентов-иностранцев, не считая тех, кто проживал в ЕС[145]. Правительство Великобритании через Министерство иностранных дел и по делам Содружества поддерживает развитие академической мобильности через различные стипендиальные схемы. Эти стипендии включают стипендии Содружества и стипендии Chevening, которые предлагают награды выдающимся ученым с лидерским потенциалом со всего мира для обучения в аспирантуре в университетах Великобритании. Политики ссылаются на важность этих проектов в рамках усилий Великобритании по укреплению своей «мягкой силы».

В Европе социально-экономическая ситуация создала новые условия для развития высшего образования. Такие факторы, как интернационализация образования, рост конкуренции в сфере высшего образования, ослабление роли государства как заказчика образовательных услуг, усиление влияния требований рынка на политику и практику высшего образования, создание международной системы лицензирования, аккредитации и сертификации вследствие экономического влияния глобализационных процессов, привели к возникновению согласованного европейского понимания необходимости комплексного подхода в области структуры высшего образования, признанного превосходства университетов в качестве среды для культурного сознания и повышения конкурентоспособности в качестве движущей силы перемен, отвечающих потребностям глобальной экономики. Таким образом, образованию непосредственно присваивается статус инструмента «мягкой силы», способствующего развитию внешних отношений посредством когнитивной социальной ценности.

---

[144] O'Malley, B. MPs warn of China's threat to UK academic freedom // The University world news. URL: https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20191111215390721 [Электронный ресурс] (Дата обращения 13.09.2020).

[145] BBC News. Русская служба. Иностранные студенты смогут остаться в Британии на два года после диплома. URL: https://www.bbc.com/russian/news-49659835 (дата обращения 13.09.2020).

Для привлечения зарубежных студентов стартовали различные программы международного обмена: Leonardo Da Vinci, Erasmus, Socrates и прочие. Позже было создано Объединение институтов культуры стран Европейского союза (European Union National Institutes for Culture), в которое входят такие организации, как Институт имени Сервантеса, Британский совет, Институт Гёте и др., которые осуществляют образовательные программы за пределами ЕС. Проект Болонский процесс используется как европейский инструмент «мягкой силы» для продвижения привлекательности европейской модели развития и популяризации европейских языков. Расширение культурных и социальных связей не ограничивается только европейским пространством. Инвестиции в высшее образование в третьих странах рассматриваются как способ расширения взаимодействия и сотрудничества в будущих отношениях ЕС и Азии.

А. Чумаков объясняет успешное и долгосрочное сотрудничество западных стран в сфере высшего образования наличием «относительно общей идеологии и совпадением стратегических позиций – приверженностью либерально-демократическим ценностям и капиталистическому пути развития»[146].

Но современный мир является многополярным, и сейчас за усиление глобального влияния борются четыре глобальных актора — коллективный Запад, Исламский мир, Китай и Россия. В отличие от Запада у России, ее партнеров по БРИКС и других развивающихся стран Азии и Южной Америки отсутствует «идеология, которая могла бы стать прочным объединяющим началом для других стран, поэтому у них фактически нет и стратегических союзников, а их объединения и всевозможные альянсы складываются на прагматической основе, когда, поскольку и если отдельные стороны

[146] Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов // Проспект. М. 2018. Электронный ресурс URL:https://www.researchgate.net/publication/323783609_GLOBALNYJ_MIR_STOLKNOVENIE_INTERESOV (дата обращения 23.05.2020).

соглашения усматривают в этом свой интерес»[147]. Данный фактор создает дополнительные трудности в конкуренции с западными странами в сфере образования и культурного влияния.

Так как именно «уровень развития образования во многом определяет так политико-экономический, так и социокультурный уровень развития страны»[148], многие быстро развивающиеся государства, в первую очередь Россия, Китай, Индия, Бразилия, параллельно с реализацией экономических реформ уделяют особое внимание реформированию и модернизации национальных систем образования. Ведь «в неослабевающей психологической и информационной борьбе качественно поставленное высшее образование не менее действенно в сравнении со специальными инструментами нейтрализации ложного представления о государстве и его национальных интересах»[149].

В последние десятилетия такой инструментальный подход к публичной дипломатии был институционализирован, превращен в объект государственной политики, координировался через программы и управлялся организациями, специально созданными для продвижения национальных интересов.

Соединенные Штаты, например, давно продвигают свои интересы через программу Фулбрайта, основная цель которой — способствовать взаимопониманию между людьми и странами, хотя программа едва скрывает гегемонистские интересы Америки в ее усилиях по созданию привлекательного культурного и политического имиджа страны. Точно так же Британский совет описывает себя как международную организацию по возможностям получения образования и культурных связей, но редко скрывает свое мнение о том, что посредством академического обмена между университетами он желает использовать «мягкую силу» особенно в отношении стран, которые когда-то были британскими колониями. Немецкая служба академических обменов

---

[147] Там же.

148 Воевода Е.В. История организации профессиональной языковой подготовки специалистов-международников: от Киевской Руси к Российской империи. Монография. М.: МГОУ, 2010. 156 с.

[149] Мишин Ю. Д., Дёмина О. А., Постников П. М. Модернизация высшего образования и национальные интересы России // Концепт: философия, религия, культура. 2018. № 1. https://doi.org/10.24833/2541-8831-2018-1-5-84-94 С. 90.

DAAD играет аналогичную, но менее целенаправленную роль. Другие европейские страны, такие как Швеция и Нидерланды, последовали примеру Великобритании и Германии и создали свои собственные агентства для продвижения публичной дипломатии через образование. До своего распада Советский Союз также принимал большое количество иностранных студентов из развивающихся стран. В современных реалиях Россия рассматривает высшее образование как один из основных инструментов культурного влияния.

Эти примеры показывают, что, когда страны спонсируют мобильность студентов и ученых по всему миру в поддержку инициатив в области публичной дипломатии, их собственные национальные интересы неизменно затрагиваются. Неудивительно, что по мере изменения геополитических условий меняются и характер их интересов, и формы поддержки международного образования.

«Формирование образования в качестве политикообразующего фактора»[150] обеспечило ему важное место во внешней политике ведущих государств. Образование становится эффективным инструментом расширения влияния на глобальном уровне, продвижения конкретных социальных, культурных и политических ценностей. Сейчас образование, особенно высшее, стало не только средством передачи знаний и развития критического мышления, но и формой публичной дипломатии. «Только развитая система образования, отвечающая требованиям, предъявляемым инновационной высокотехнологичной экономикой и интегрированная в международное образовательное и научное пространство, способна стать одним из важнейших конкурентных преимуществ»[151] современного государства, и использоваться в качестве инструмента «мягкой силы» для получения лидерских позиций на международной арене.

---

[150] Лебедева М. М. Международно-политические процессы интеграции образования // Интеграция образования. 2017. Т. 21. №3. С. 385-394. DOI: 10.15507/1991-9468.088.021.201703. С. 388.

[151] Торкунов А .В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // [Электронный ресурс] URL: http://ehd.mgimo.ru/IORManagerMgimo/file?id=DBCAFE0C-DAD8-6FAE-48F4-57A948C3CB44 (дата обращения 02.08.2019). С. 86.

Проводя аналогии между понятиями «мягкая сила» и «пропаганда», М. Лебедева приходит к выводу, что в рамках реалистического подхода, построенного на принципе конкуренции за мировое влияние, эти два понятия могут рассматриваться как тождественные. «Применение «мягкой силы» может нередко сопровождаться элементами «жёсткой силы», а именно, назойливости при демонстрации привлекательности, в том числе и в области образования»[152]. Например, когда страны Азии и Африки стали независимыми, колониальные державы нуждались в новом обосновании для поддержки иностранных ученых и студентов в своих университетах. Это проявилось в форме идеологии «девелопментализма» (Developmentalism), которая предполагала, что колониальные державы несут ответственность за развитие знаний и навыков, необходимых новым независимым странам для реализации их национальных целей социального и экономического развития. Однако этот акт публичной дипломатии не был проявлением альтруизма, а был основан на интересах экономически развитых стран в поиске новых рынков для своих товаров и услуг и в продвижении своих геополитических интересов. «Используя «мягкую силу» и, в частности, ее культурное влияние, страна-гегемон стремится к смене культурных кодов других стран и замене их на свой код или побуждает местные политические и культурные элиты к выработке собственных мифологизированных ложных кодов»[153].

Современное понимание ценности международного высшего образования основывается на предположениях о рыночной рациональности, благодаря которым мобильность студентов через национальные границы все чаще рассматривается с коммерческой точки зрения. Да и многие студенты теперь рассматривают международное высшее образование как экономическую инвестицию в свое будущее, особенно в условиях быстрой глобализации экономики и возникающего глобального рынка труда. Таким образом,

[152] Лебедева М. М. «Мягкая сила» : понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. 3(54). DOI 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223. С. 216.
[153] Горлова И. И. Культура как «мягкая сила»: инструменты и точки приложения // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 269.

отношения между высшим образованием и его целями стали привязаны к логике рынка. В контексте этого исторического сдвига меняется и характер отношений между международным образованием и публичной дипломатией. Хотя предполагается, что иностранные студенты по-прежнему являются агентами международного взаимопонимания и сотрудничества, их отношения с высшими учебными заведениями за рубежом более не отрываются от их личных интересов. Для них актуальный образовательный опыт часто связан с ценностями экономического обмена и их перспективами трудоустройства на глобализирующемся рынке труда. В связи с этим возникает вопрос: будут ли они принимать стратегические и инструментальные решения в отношении себя как глобальных потребителей образования или как представителей своих сообществ или стран, несущих ответственность за продвижение национальных интересов за рубежом?

Подобный инструментальный подход не мог не иметь далеко идущих последствий. Национальные государства и университеты также начали по-другому рассматривать взаимосвязь между интернационализацией и публичной дипломатией. Высшее образование, безусловно, является инструментом «мягкой силы», но в современных реалиях происходит сдвиг в сторону использования университетами своих потенциалов культурного влияния в целях повышения собственной конкурентоспособности. Высшие учебные заведения адаптируют свои учебные программы с требованиями глобальных рынков. Сейчас наблюдается отказ от таких традиционных целей образования, как обучение как способ саморазвития и обучение как средство более широкого вклада в общество. Такие идеи, как воспитание глобальной гражданственности, в рамках более узкой логики рынков, высокие идеалы, которые эти идеи часто представляют, неизменно принижаются, становясь второстепенными по отношению к инструментальным целям. Таким образом, прежнее понимание того, как международное образование может способствовать развитию публичной дипломатии — роли высшего образования в работе по модернизации, социальному и культурному развитию более бедных стран,

наращиванию их потенциала и продвижению международного взаимопонимания и межкультурных отношений — полностью не исчезло; теперь оно включено в более широкую рыночную рациональность.

Еще одной тенденцией современной публичной дипломатии стало понимание, что «мягкая сила» не может «рассматривается только как воздействие одного субъекта на другого, без понимания того факта, что противоположная сторона также является субъектом, а не объектом»[154]. Для защиты своей культурной безопасности противоположная сторона может использовать инструменты культурного влияния. Например, Китай, защищая свою культурную безопасность от западного влияния, стремится углубить понимание европейцами и жителями тех стран, на которые он пытается распространить свое культурное влияние, своей культуры и особенностей мировоззрения[155]. С целью популяризации китайской культуры, изучения китайского языка и развития дружеских взаимоотношений Китай развивает сеть культурно-образовательных центров — Институтов Конфуция. Институты Конфуция объединяются с местными университетами и школами, они более рассеяны и укореняются в национальные системы образования гораздо глубже и быстрее, чем западные университеты и институты западной культуры, которые ориентируются на крупные города. Важно отметить, что в отличие от других национальных институтов культуры, которые содействуют изучению языка и культуры определенной страны, способствуют развитию международного культурного обмена и отношений и находятся под управлением некоммерческих организаций, Институт Конфуция полностью финансируется и регулируется правительством Китая, что способствует их быстрому внедрению и распространению. Планируя увеличить число

[154] Лебедева М. М. «Мягкая сила» : понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. 3(54). DOI 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223. С. 219.
[155] Dewen, T. (2017) Cultural exchanges as a pillar to the China-EU relations. In: Hong Zhou, ed., China – EU Relations. Singapore: SSAP-Springer, p. 102.

Институтов Конфуция до 1000 к 2020 году, Китай демонстрирует успех в использовании «мягкой силы» в экспорте своей идеологии[156].

Конкурентная борьба между ведущими игроками на рынке образовательных услуг, в частности, и на мировой арене, в целом привела к сдвигу образования как инструмента «мягкой силы» в категорию инструмента давления и принуждения. Международные эксперты в сфере образования (Фабрис Жомон, Магди Тафик Абдельхамид, Вагди Савахел) выражают опасение, что США используют инструменты международного сотрудничества в сфере высшего образования как метод кнута и пряника[157]. Например, участие африканских университетов в совместных американо-африканских образовательных программах UPI (Unified Progress International) и YALI (Young African Leaders Initiative) могут служить как наградой за вклад в развитие африканского высшего образования и расширение прав и возможностей молодежи, и в то же время США используют африканские университеты как прокси-поле битвы для противодействия влиянию других международных держав, таких как Китай и Россия, и как инструмент «мягкой силы» для расширения сфер своего культурного, политического и экономического влияния. Также отказ в визе и введение санкций в качестве наказания других стран для защиты своих интересов наносят вред академическому сообществу и сектору высшего образования в целом. Требование о том, что публикации результатов научных исследований в ведущих научных журналах должны быть исключительно на английском языке, также является препятствием развития глобального научного сообщества и создает неравные условия для ученых из разных стран.

Борьба США с Китаем не могла не отразиться на сфере международного сотрудничества в области высшего образования. По обвинению в

[156] Luwei Rose Luqiu & John D. McCarthy (2019) Confucius Institutes: The Successful Stealth “Soft Power” Penetration of American Universities, The Journal of Higher Education, 90:4, 620-643, DOI: 10.1080/00221546.2018.1541433.

[157] Savahel, Wagdy. (2020) University partnerships - A carrot and stick approach // The University world news. [Электронный ресурс] URL: https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200226130741533 (дата обращения 13.09.2020.)

«злоупотреблении студенческими визами для эксплуатации американских академических кругов» 9 сентября 2020 года были отменены более 1000 виз китайских студентов и исследователей. По данным Национальной ассоциации ученых, некоммерческой правозащитной группы, количество институтов Конфуция в Соединенных Штатах сократилось до 31 в конце 2021 года[158]. Американские университеты приводили различные причины закрытия институтов, в том числе опасения по поводу академической свободы, потенциального влияния китайского правительства и рисков для национальной безопасности США.

Сходная ситуация произошла в июне 2020 года в Бельгии, когда один из ведущих университетов Бельгии решил закрыть финансируемый государством китайский Институт Конфуция в своем кампусе после обвинений бывшего сотрудника в шпионаже в пользу Китая[159]. Швеция также объявила о закрытии всех университетов и классов Конфуция в апреле 2020, аргументируя этот шаг растущей обеспокоенностью по поводу безопасности, прав человека и заключением в тюрьму в Китае издателя китайского происхождения со шведским гражданством[160]. Прискорбно отметить, что происходит растущая политизация культуры, которая подрывает доверие общества к культурным обменам, деятельности и учреждениям. Политика двойных стандартов также становится неотъемлемой частью борьбы за культурное влияние. Комментируя в газете University World News закрытие университетов Конфуция в Швеции, Тобиас Хубинетт, адъюнкт-профессор международного образования в Карлстадском университете, сказал: «Китайское правительство и Коммунистическая партия проводят культурную политику, как это делали

---

[158] Congressional Research Service. (2021) Confucius Universities in the United States: Selected Issues. [Электронный ресурс] URL: https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11180 (Дата обращения 31.03.2022).

[159] South China Morning Post. University closes its Confucius Institute after spying claims // The University world news. URL: https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20191214101035453 дата обращения 13.09.2020.

[160] Myklebust, J.P. Confucius institutions close as China relations deteriorate // The University world news. URL: https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200513092025679 дата обращения 13.09.2020.

другие диктатуры»[161], тем самым закрепляя право на культурное влияние за одними странами и отказывая в культурной безопасности другим.

Европарламент также рассматривает использование сферы образования как инструмент давления в отношении России. Политические скандалы на фоне пропагандистской кампании, связанной с голословными обвинениями в отравлении Скрипалей и Навального, военной операции РФ на Украине, распространение русофобских настроений в европейских странах и США, а также попытки Запада ограничить контакты в сфере международного сотрудничество и прецеденты с отменой студенческих виз вызывают недоверие со стороны потенциальных студентов и негативно сказываются на академической мобильности и расширении участия в совместных научных проектах и образовательных программах. Со своей стороны, пытаясь сохранить приток иностранных студентов из России, в 2020 году Европарламент порекомендовал ЕС разработать стратегию для привлечения российских студентов на учебу в европейские университеты и создать в одном из государств ЕС «русский университет в изгнании». Но уже в марте 2022 года в ответ на военную операцию России на Украине Европейский парламент принял резолюцию «немедленно заблокировать или прекратить финансирование всех программ научно-инновационного сотрудничества с Россией, поддерживаемых средствами ЕС, и приостановить межрегиональные программы»[162].

1.2. Социокультурные приоритеты глобализации в развитии высшего образования партнеров России на международной арене

С начала XIX века мир пережил три волны глобализации, каждая из которых сопровождалась интернационализацией высшего образования. Первая волна охватывает период с 1870 по 1914 год. Интернационализация

[161] Myklebust J.P. Confucius institutions close as China relations deteriorate [Электронный ресурс] URL: https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200513092025679 (дата обращения 13.09.2020).

[162] https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2022-0052_EN.html (дата обращения 25.03.2022).

образования данного периода развивалась очень медленными темпами, и была в основном второстепенной деятельностью и проявлялась в обучении за рубежом тех, кто мог финансово себе это позволить. Второй волне глобализации в период с 1945 по 1980 год. способствовало увеличение торговых, коммуникационных и миграционных потоков, которые основывались на межправительственных соглашениях и на деятельности межправительственных организаций. В это время интернационализации образования способствовало развитие международного аспекта образования как модели для ускорения экономического роста и политического развития, продвижения демократических ценностей и прав человека, а также для улучшения межкультурных отношений и мира во всем мире. Анализируя современные мегатренды мировой политики М. Лебедева, отмечает, что «углубление глобализационных процессов, распространение интеграционных практик и тренд демократизации мира – три ключевых мегатренда современности – обусловили совокупность условий для расширения трансрегионального сотрудничества» [163]. Университеты, расширяя доступ к высшему образованию для все слоев населения и выполняя функцию социального лифта, начинают играть главную роль в борьбе с социальным неравенством. Также университеты расширяют свои образовательные программы, увеличивая количество выпускников, обладающих навыками и компетенциями, необходимыми для экономического роста. Третья волна глобализации длится с 1980 года по настоящее время и «характеризуется ростом степени участия развивающихся стран в международной торговле, продолжающимся крахом колониальных и коммунистических режимов во всем мире и прорывными достижениями в области глобальных коммуникаций, транспорта и научных технологий»[164]. На данном этапе интернационализация

[163] Лебедева М. М., Кузнецов Д. А. Трансрегионализм - новый феномен мировой политики // Полис. Политические исследования. 2019. No 5. С. 71.

[164] Никонова Е. Н., Абсалямова Г. А., Никонов Н.М. Некоторые тенденции интернационализации высшего образования в мире и в регионе Большого Алтая // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 1(41). С. 361.

высшего образования является ответом на усиление процессов глобализации в целом и демократизации высшего образования, в частности. Становясь инструментом «мягкой силы», высшее образование фокусируется на привлечении иностранных студентов за счет новых программ и способов предоставления образования, развитии многосторонних партнерских отношений с другими вузами, расширении научной деятельности и взаимодействия с представителями бизнеса, повышении качества и востребованности предоставляемого образования и компетенций, росте репутационного престижа учебного заведения. Таким образом, ведущие университеты могут не только рассматриваться в качестве инструментов несилового влияния и культурной привлекательности, но и приобретать вес как самостоятельные акторы, способные оказывать воздействие на международном уровне.

Глобализация, которую Р. Робертсон описал как «процесс всевозрастающего воздействия на социальную действительность отдельных стран различных факторов международного значения: экономических и политических связей, культурного и информационного обмена»[165], неизбежна и обусловлена объективными предпосылками. Каждому государству приходиться делать выбор: готово ли оно участвовать в данном процессе и до какой степени или лучше отдать предпочтение международной самоизоляции?

Условия развития рынка и темпы развития информационных технологий привели к тому, что процессы глобализации затронули не только экономические и политические сферы, но и сферу культуры, актуализировав проблему культурной глобализации.

Учитывая то влияние, которое оказали экономико-политические и социокультурные реформы вкупе с распространением массовой культуры на уничтожение культурных границ, мы считаем представление о геокультурном пространстве устаревшим. Вследствие усиления миграционных потоков и

[165] Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture . London, 1992.

открытости информационного пространства географические границы уже не в состоянии изолировать ту или иную этнокультуру. Глобализация привела к «транснационализации культуры», которую О. Астафьева определяет как «одну из базовых характеристик глобализации культуры как процесса интеграции отдельных национальных культур в единую мировую культуру на основе развития транспортных средств, экономических связей, информационной техники и коммуникационных технологий»[166].

Среди исследователей нет единой точки зрения относительно потенциальных последствий возникновения единой глобальной культуры. В начале XXI века многие глобалисты (А. Урсул, А. Романович, М. Уотерс и другие) отождествляли глобализацию с усилением экономических, финансовых, политических, социально-культурных, информационных, экологических и других взаимосвязей. По их мнению, созданное единое человеческое сообщество не будет зависеть от географических границ и национальных интересов. А универсальная глобальная культура, созданная в процессе добровольной интеграции национальных культур в единую глобальную культуру, поможет избежать расовых и религиозных конфликтов. А. Голышев также поддерживает идею добровольного формирования мирового гуманистического единства, но скептически относится к утрате национальных культур, утверждая, что в культуре каждого народа «содержатся схожие ценности и идеалы, общепринятые нормы и правила поведения людей, которые воспринимаются как всеобщие, общечеловеческие»[167]. Глобалисты настаивают, что устойчивое развитие человеческого общества в условиях глобализации осуществимо только при взаимопроникновении различных культур и их синтеза на основе общечеловеческих ценностей.

---

[166] Астафьева О. Н. Транснационализация культурного пространства: государство и проблемы координации коммуникативных стратегий. Текст выступления на Международной конференции «Человек, культура и общество в контексте глобализации» (25–27 ноября 2005 г., Москва) - URL: http://www.ifapcom.ru/files/Monitoring/astafyeva_transnac_kult_prost.pdf (дата обращения 21.05.2020).

[167] Голышев А.И. 2014. Глобализация: культурологический подход. - Вестник Псковского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. № 6. С. 75.

Концепция плюрализма культур, поддерживаемая западными бюрократами и университетами, привела к непредсказуемым последствиям. Равенство вытеснило традицию, а мультикультурализм - цивилизацию. Процесс внедрения в учебную программу работ представителей различных рас и национальных меньшинств с целью искоренения исторического «превосходства белого человека» привело к тому, что «процесс оказался столь интенсивным, что по дороге потерялась та самая хрестоматия, которую прогресс собирался расширять»[168].

Понятие нации уже основывается не на этничности, а на гражданственности. Таким образом, культура выступает в качестве инструмента, формирующего национальное единство и сознание. Классическим примером может служить Европейский союз, где культура призвана обеспечить европейскую гражданскую идентичность представителям различных национальностей. Внимания заслуживает позиция А. Костиной, утверждающей, что для культурной идентичности, базирующейся на этнических культурных параметрах, типична изоляционность и неприятие чужой культурной среды, в то время как национальная идентичность не зависит от этнического происхождения граждан и, соответственно, «не означает отрицания возможности их полноправного общения с представителями иных общностей, народов и цивилизаций»[169].

Уве Брандербург и Ханс де Вит, исследуя последствия интернационализации высшего образования для общества, подчеркивают, что правительства в разных странах пытаются использовать университеты для воспитания чувства единства и национальной принадлежности, а также продвижения национальных ценностей[170]. И хотя программы гражданского

---

[168] Генис А. Американская утопия. 2020. [Электронный ресурс] URL: https://novayagazeta.ru/articles/2020/09/16/87109-amerikanskaya-utopiya (Дата обращения 21.09.2020).

[169] Костина А. В. Национально-культурная идентичность как основание для диалога культур и партнёрства цивилизаций // Диалог культур и партнерство цивилизаций : XIV Международные Лихаческие научные чтения, 15-20 мая 2014 г. - СПб.: СПбГУПб. 2014. С. 306.

[170] Brandenburg, U., de Wit, H., Jones, E. & Leask, B. (2019) Internationalisation in Higher Education for Society. University World News 20 April 2019 [Электронный ресурс] URL:

образования могут различаться в разных странах, гражданское образование воплощает в себе базовые ценности, включая солидарность и патриотизм, и закрепляет эти ценности в образовательных стандартах, учебниках и на занятиях. Таким образом идеологические настроения находят свое отражение в идеологическом контроле за воспитанием гражданственности. Например, в Англии университеты юридически связаны законодательством о предотвращении экстремизма, которое требует от них ежегодно отчитываться перед Управлением по делам студентов о своих инициативах по продвижению британских либеральных ценностей и своих стратегиях борьбы с экстремизмом, в которые входит и борьба с антидемократическими ценностями и влиянием [171] . Нельзя не отметить, что националистические тенденции современности мешают развитию космополитизма.

Исследователи, выступающие против идеи культурной глобализации, выражают опасения, что унификация культуры приведет к утрате культурного многообразия и культурной идентичности. У. Бек опасается, что глобальные экономические изменения не могут не затронуть культуру, справедливо отмечая, что «глобализация экономической активности сопровождается волнами трансформации в сфере культуры» [172] . С. Хантингтон выдвинул предположение, что национальные культуры можно подразделять на «сильные» и «слабые», опираясь на уровень экономического развития и политический статус нации, а также сохранение культурного мировоззрения. По его мнению, по мере развития культурной глобализации «сильные» культуры, благодаря своей доминирующей позиции на мировой арене и широкому арсеналу инструментов «мягкой силы», будут использовать их для распространения и навязывания своей культуры другим. По этой причине

---

https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20190414195843914 (Дата обращения 17.09.2020.).

[171] UK Preventing Violent Extremism Programme. Sixth report of session 2009-2010 [Электронный ресурс]. URL: https://publications.parliament.uk/pa/cm200910/cmselect/cmcomloc/65/65.pdf (дата обращения 18.09.2020.).

[172] Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма - ответы на глобализацию . М .: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.

многие исследователи рассматривают культурную глобализацию в первую очередь как культурную гегемонию США. В. Степин разделяет вышеуказанные опасения, говоря, что «в процессах модернизации, которые осуществлялись в постиндустриальную эпоху, культура техногенных обществ позиционировала себя в соответствии с идеалом прогресса как символ более высокой ступени развития по сравнению с традиционными культурами. Эта позиция пока доминирует и в современных процессах глобализации»[173]. Соответственно, «можно говорить о приоритете создания глобальной техногенной цивилизации, сопровождающейся деформацией национально-духовной культуры»[174].

Э. Смит и другие ученые отвергают идею создания единой глобальной культуры, указывая на особенность развития каждой этнокультуры в рамках конкретной истории и конкретного этноса. Именно поэтому сама идея формирования единого культурного пространства им кажется искусственной и идеологизированной. Исторически любая культура была консервативной. Передача ценностей и культурного мировоззрения передавалась от поколения к поколению, и внедрение новых ценностей происходило через постепенный процесс их адаптации и модификации, что обеспечивало стабильность культурного ядра.

Позволим себе не согласиться с теми, кто не замечает темпов взаимодействия и взаимопроникновения культур и отвергает идею создания глобального культурного пространства. Однако идея неизбежности культурной глобализации также вызывает сомнения. Становление информационного общества и развитие информационных технологий разрушили обособленное существование этнокультур, а социоэкономические и политические реформы создали условия для неравномерного взаимопроникновения элементов разных культур. Формирование глобального коммуникационного пространства внесло значительные коррективы в диалог культур, что позволило говорить о трансформации культуры. Анализируя стирание границ локальных культур и

[173] Степин В. С. 2011. Цивилизация и культура. СПб: СПб ГУП. С. 262.
[174] Касаткин П. И. Глобализация культуры: проблемы и перспективы // Власть. 2017. № 8. С. 42.

их вовлечение к коммуникационное пространство путем интеграции чужеродных элементов и внутреннего изменения системы социокультурных кодов, В. Миронов проводит аналогию с воздействием вируса на клетку, называя данный процесс «инфицированием культуры»[175]. Под «вирусами» он подразумевает информацию и форму ее подачи медиа источниками, а под иммунитетом - способность или неспособность той или иной культуры противостоять внедрению культурных стереотипов, не связанных с ее историческим прошлым или особенностями функционирования. Тем не менее теория о доминантном положении западной культуры в сфере культурного влияния и распространении своих ценностей подвергается критике. Данное положение было справедливым для 1990-х начала 2000-х годов, но по мере развития инструментов «мягкой силы» в борьбу за культурное влияние вступает Китай, Россия, Бразилия и другие страны. Усиление роли религии, особенно ислама, оберегающего свои многовековые устои общества, особенно заметно в странах Евросоюза, открывшего двери миллионам мигрантов с Ближнего Востока.

Сегодня не вызывает сомнений тот факт, что социоэкономические реформы и технические инновации породили множество острых социополитических проблем и подставили под угрозу традиционные представления о национальном суверенитете. Ведущее положение Запада во всех аспектах глобализации можно объяснить высокими экономическими и политическими достижениями на мировой арене. Немаловажную роль играет и использование английского языка как основного во многих сферах международного сотрудничества. Развитие тесного сотрудничества в бизнес-сфере, внедрение более эффективных западных бизнес-моделей также способствовали распространению западной бизнес-культуры. Доминирующая позиция английского языка обеспечивается высоким политическим статусом

[175] Миронов В.В. Диалог культур или глобализационный монолог? // Диалог культур и партнерство цивилизаций : XIV Международные Лихаческие научные чтения, 15-20 мая 2014 г. - СПб.: СПбГУПб 2014. С. 112.

США и Великобритании, а также влиянием, которое имеет Соединенное Королевство на страны, входящие в Британское Содружество. Английский язык постепенно теснит французский с позиций lingua franca для дипломатии и становится рабочим языком в международных организациях. Интересно отметить, что английский язык используется как инструмент для создания псевдокультурного поля общения, диалог в котором строится на основе совпадающих смысловых структур. Одним из таких полей становится научная сфера. Помимо различных курсов, которые читаются на английском языке как наиболее доступном для иностранных студентов, независимо от родного языка преподавателя, студента, локации учебного заведения, научные исследования, опубликованные в журналах, входящих в базы данных Скопус и Web of Science, должны быть опубликованы на английском языке. Введение общих требований к оформлению материала, общих параметров и критериев, не только способствует усилению глобальной позиции английского языка, но и внедрению глобальных параметров представления научной работы, разработке глобальных критериев научной деятельности.

Доступ к сети Интернет, возникновение социальных сетей и расширение сферы и инструментов их влияния положительно сказывается на распространении массовой культуры. В начале 2000-х годов в странах, переживших смену политического строя и рыночные реформы, молодое поколение жаждало лучшей жизни, стремилось к большей свободе, отвергая свое культурное прошлое, впитывало западную культуру, ожидая больших возможностей. Все вышеперечисленные факторы, вкупе с ожиданием того, что культурная глобализация принесет свободу, новые возможности и более высокое материальное благосостояние, привели к значительными социальным и культурно-ценностным изменениям в обществе.

Столкновение глобализации и локальных культур происходит в рамках предложенной А. Тойнби теории «вызова и ответа», в которой «вызов», олицетворяет зарождение и распространение изначальной по своему происхождению западной культуры, а «ответ» - со стороны обществ,

подвергающихся данному влиянию[176]. С. Хантингтон считает, что в будущем взаимоотношение стран и сообществ будут построены на принципе конфронтации культур. Он отвергает идею, что формирование унифицированной культуры будет способствовать созданию единства: «Я полагаю, что в нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой <…> наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям»[177].

Утверждая, что цивилизация представляет собой «некую культурную сущность», С. Хантингтон предлагает группировать страны, основываясь на культурных и цивилизационных критериях, а не на политических системах или уровню развития экономики. Цивилизация может быть как многочисленной или малочисленной, так и динамичной и нестабильной: состав и границы той или иной цивилизации могут изменяться в ходе изменения культурной самоидентификации людей. Усиление взаимодействия между народами разных цивилизаций неизбежно приводит «к росту культурного самосознания, к углублению понимания различий между цивилизациями и общностями в рамках цивилизаций»[178]. По мнению С. Харингтона взаимодействие между представителями различных цивилизаций запускает взаимообусловленный процесс: с одной стороны, люди укрепляют свое «цивилизационное самосознание», а с другой стороны, это неизбежно приводит к усилению разногласий между различными цивилизациями. Ещё одним фактором, дестабилизирующим размер и состав цивилизации, является ослабевание роли нации-государства как источника культурной идентификации.

---

[176] Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Прогресс., 1991. 736 С.
[177] Хантингтон С. 1994. Столкновение цивилизаций? - Полис. Политические исследования. № 1. С. 33-48. Доступ: URL: http://www.russ.ru/pole/Stolknovenie-civilizacij (проверено 08.03.2018).
[178] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003. С. 35.

Более того, на фоне ослабевания культурного самосознания по национальному признаку в XXI веке, после практически векового расцвета атеизма, происходит возрождение религии. В некоторых странах, например в Таджикистане, религия становится фундаментальной и формирует политический и культурный дискурс.

П. Бергер расширяет теорию «вызова и ответа» А. Тойнби, утверждая, что «ответ» должен расцениваться не только с позиции таких категоричных понятий, как «принятие» и «отрицание», а дополняться такими понятиями, как «синтез» и «сосуществование»[179]. Все большее количество исследователей сходятся во мнении, что культурную глобализацию необходимо рассматривать как единство двух взаимосвязанных процессов - глобализации и локализации. Р. Робертсон предлагает использовать термины «гомогенизация» и «гетерогенизация» для определения данных процессов. Гомогенизация общества характеризуется созданием глобальных мировых структур в различных сферах человеческой деятельности - политической, экономической, социальной, культурной и прочее. В случае гетерогенизации общества речь идет о взаимодействии локальных культур в рамках глобального сообщества. Утверждая, что процесс глобализации провоцирует столкновению локальных культур, Р. Робертсон вводит понятие «глокализации», как наиболее точно характеризующее взаимодействие глобального и локального уровней, которые ни в коем случае не исключают друг друга. В результате вышеуказанного взаимодействия образуется новая культура, которую он называет «глокальной» и описывает как «мировое культурное пространство, в котором осуществляется взаимодействие и взаимопроникновение локальных культур как культурно-исторических образований, обладающих собственной ментальностью и способных к сохранению своей идентичности в условиях глобализации»[180].

---

[179] Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона; Пер. с англ. В. В. Сапова под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Аспект Пресс, 2004. С. 59.

[180] Малиновский А. С. Культурная глобализация (глокализация). Локальное и транснациональное // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. №1. С. 177.

Х. де Вит, защищая концепцию космополитизма, говорит, что «компетенции локализованных граждан включают четыре аспекта: а) локальную идентификацию; б) глобальные перспективы; в) межкультурное общение; г) действия для человеческого благополучия»[181]. Это означает, что глокализированные граждане должны развивать местную и национальную самобытность, но при этом осознавать свою культуру. Имея глобальную перспективу, они должны уметь понимать и анализировать процессы человеческой цивилизации, мирового развития и глобальные проблемы. Проживая в чужой стране, они должны уважать культурное разнообразие, искать точки соприкосновения, активно участвовать в межкультурном общении, но параллельно сохранять свои культурные различия. Действия глокализированных граждан должны быть направлены на создание чувства общности вокруг общего будущего человечества, содействовать коллективному благополучию и устойчивому развитию мультикультурного общества.

Развитие академической мобильности, обмен знаниями, международное сотрудничество в проведении научно-исследовательских проектов, разработка и внедрение единых образовательных стандартов, способствовали закономерной глобализации образования. Именно образованию отводится ключевая роль в формировании национально-культурной идентичности и гражданского единства.

В эпоху растущего национализма стать космополитом совсем непросто. И перед университетами ставится задача подготовить студентов к будущим межнациональным и межкультурным вызовам, позволить им увидеть как локальную, так и глобальную перспективы.

[181] Brandenburg, U., de Wit, H., Jones, E. & Leask, B. (2019) Internationalisation in Higher Education for Society. University World News 20 April 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20190414195843914 (дата обращения 17.09.2020.).

1.3. Особенности развития высшего образования в условии трансграничных регионов и проблемы международного сотрудничества вузов

Одним из ключевых факторов международного сотрудничества является принцип общности интересов. Благодаря появлению новых негосударственных акторов, функции и влияние государства на международной арене уменьшаются, что приводит к переосмыслению понятия национального суверенитета и национальных интересов и появлению новых способов и механизмов их реализации. «В современных условиях сложившаяся архитектура подверглась двойному испытанию: общемировой тенденцией стала дезинтеграция государств, которая в силу формирования наднациональных структур бросает нравственный вызов понятию суверенитета»[182]. Процессы глобализации стерли функциональное значение государственной границы как барьера, ограничивающего передвижение людей, товаров, технологий, информации и идей. В своем исследовании нового феномена мировой политики М. Лебедева приходит к выводу, что «активизация негосударственных акторов, увеличение прозрачности границ и трансформация суверенитета в результате интенсификации транснациональных потоков, кризисное состояние ряда старых институтов и форматов взаимодействия в рамках эволюционирующей к полицентричности политической организации мира, поиск новых стимулов роста как национальными государствами, так и региональными объединениями, также стали причинами выдвижения трансрегиональных инициатив»[183].

В связи с усилением процессов глобализации и регионализации, с одной стороны, все больше усиливается взаимозависимость стран во всех сферах развития общества, с другой стороны, происходит усиление роли и значения

[182] Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к междунар. отношениям: пер. с англ. / Под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Ладомир, 2004. – С. 192.
[183] Лебедева М.М., Кузнецов Д.А. Трансрегионализм - новый феномен мировой политики // Полис. Политические исследования. 2019. No 5. С. 71.

регионов как международных акторов. В. Щипков справедливо отмечает, что «регионализм как комплекс историософских, культурологических, географических и политических идей становится одним из идеологических элементов глобализма»[184]. Единый рынок позволяет внутригосударственным регионам разных стран играть более активную роль в формировании внешних экономических связей и выводит межрегиональное сотрудничество на новый уровень. В своем исследовании региональной интеграции Д. Кузнецов поднимает вопрос: «является ли региональная интеграция и трансрегионализм явлениями одного типа?»[185]. Расширение региональной интеграции за пределы географических границ региона и «способность объединять регионы не географического, а функционального типа» [186] привели к возникновению феномена трансрегионализма. Сотрудничество на трансрегиональном уровне стало возможным благодаря целенаправленной политике государственных и негосударственных акторов, направленной на укрепление транснациональных связей и «обеспечение своих национальных и коллективных интересов посредством институционализации сотрудничества в различных областях и формирования общих политических, экономических и социальных пространств, имеющих потенциал обеспечить международную акторность в качестве интегрированного центра мировой экономики и политики» [187]. По мнению М. Лебедевой, трансрегионализм может рассматриваться как продолжение глобализации, одним из ее этапов «в эпоху демократизации мировой политики, становления полицентричности и продолжающейся

[184] Щипков В.А. Постсекулярная речь. Ценностное измерение современных культурных и политических процессов/ В.А. Щипков. – М.: МГИМО-Университет, 2019. С. 181.
[185] Кузнецов Д.А. От региональной интеграции к транснациональной: к постановке теоретической проблемы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Философия. Политология. Культурология. Том 5 (71). 2019. No 1. С. 94.
[186] Кузнецов Д. А. От региональной интеграции к транснациональной: к постановке теоретической проблемы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Философия. Политология. Культурология. Том 5 (71). 2019. No 1. С.96.
[187] Кузнецов Д. А. Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации // Сравнительная политика. 2016. № 7. С. 25.

пространственной дифференциации мира»[188]. Расширение международного сотрудничества в сфере образования в рамках трансрегионализма приводит к созданию сетевых университетов, как, например, сетевой университет БРИКС.

Помимо международного сотрудничества в масштабе трансрегиона, региональная интеграция выражается и в расширении сотрудничества и взаимосвязей в рамках приграничного сотрудничества между двумя государствами. Целью двухстороннего приграничного сотрудничества сопредельных территорий является развитие международных связей, в то время как основной целью трансграничного сотрудничества является взаимная интеграция и совместное развитие.

В Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ приграничное сотрудничество трактуется как любые согласованные действия, направленные на укрепление и поощрение добрососедских отношений между территориальными сообществами или властями, находящимися под юрисдикцией двух или более договаривающихся сторон, и заключение любых соглашений и договоренностей, необходимых для достижения этих целей[189].

В российском законодательстве, а именно в «Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации», приграничное сотрудничество определяется как согласованные действия федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, направленные на укрепление взаимодействия Российской Федерации и сопредельных государств в решении вопросов устойчивого развития приграничных территорий Российской Федерации и сопредельных государств, повышения благосостояния населения

---

[188] Лебедева М. М., Кузнецов Д. А. Трансрегионализм - новый феномен мировой политики // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 72.

[189] Европейская конвенция о трансграничном сотрудничестве между территориальными административными единицами или местными органами власти [Текст]. Мадрид, 21 мая 1980 года [Электронный ресурс]. URL: http://hrlibrary.umn.edu/euro/Rets106.html Дата обращения 27.09.2020.

приграничных территорий Российской Федерации и сопредельных государств, укрепления дружбы и добрососедства с этими государствами[190].

По мнению О. Дубровиной, трансформации, вызванные процессами глобализации и регионализации, «выявили особую роль приграничных районов в развитии государства <…> и превратили приграничье в контактную зону, в которой активно идет взаимодействие народов и наций, их культур и экономик»[191].

«Непрерывность территории, наличие органов управления, относительно тесных экономических, достаточно тесных социальных связей, наличие общей или скоординированной инфраструктуры, иногда этническое сходство и наличие общего исторического прошлого» [192] способствуют эффективному взаимодействию в экономической, культурной, образовательной и социальной сферах. Подобное приграничное сотрудничество способствует образованию особой территориальной системы, которая хоть и находится под юрисдикцией одного государства, ориентирована на экономическое и культурное развитие регионов, расположенных по другую сторону государственной границы. Данное явление можно объяснить этнической общностью и периферийным месторасположением.

Интересно отметить споры исследователей по поводу правильной терминологии международного сотрудничества в регионе, расположенном на приграничных территориях разных государств. М. Кузьмин предлагает разделять региональное сотрудничество на приграничное (cross-border cooperation), когда сотрудничество осуществляется местными и региональными властями; межрегиональное / трансграничное (interregional / transborder cooperation), когда сотрудничество осуществляется на уровне региональных и

---

[190] Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации от 9 февраля 2001 года, No196-р. [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/901780926 Дата обращения 27.09.2020.

[191] Дубровина О. Ю. Приграничное сотрудничество как форма межрегионального взаимодействия и регионализации // Власть. 2018. № 8. С. 98.

[192] Жуковский И. И., Баранова Ю. А. Международное научное и образовательное сотрудничество на Балтике // Высшее образование в России. 2011. № 5. С. 87.

национальных властей; и транснациональное (transnational cooperation), осуществляемое между странами[193].

К. Леконцева настаивает на использовании термина «трансграничный», так как приставка «транс» подчеркивает, что суть понятия лежит в пересечении границы и делает категорию границы ключевым компонентом трансграничности. Таким образом, главной характеристикой трансграничного региона становится наличие географических границ и, одновременно, их проницаемости. «Трансграничность — это всегда либо особое свойство, либо состояние процессов или объектов, которые определяют в первом случае направленность развития процесса, а во втором - условие функционирования единого объекта в состоянии некой разделённости»[194].

Трансграничное взаимодействие происходит на наднациональном уровне через пространственно интегрированную форму сотрудничества и направлено на формирование общности и взаимозависимости. Таким образом, «важным аспектом трансграничного взаимодействия является возникновение феномена трансграничной идентичности как составляющей региональной идентичности»[195].

Рассматривая различные аспекты изучения трансграничного региона, исследователи задействуют разные подходы к описанию понятия трансграничного региона. По мнению А. А. Зайкова и М. Ю. Шинковского, трансграничный регион объединяет «сопредельные пограничные территории (микрорегионы) государств, находящихся в определенных отношениях (связях), базирующихся на определенном природном, экономическом, социокультурном, этническом единстве в условиях динамичных процессов

---

[193] Кузьмин В. М. Приграничное и трансграничное сотрудничество Калининградской области в регионе Балтийского моря в новых геополитический условиях // Политическая наука. 2010. № 3. С. 14-15.

[194] Леконцева К. В. Интерпретация понятия «трансграничный регион» через призму современной социологической методологии // Весник ЗабГУ № 8. 2013. С. 61.

[195] Леконцева К. В. Интерпретация понятия «трансграничный регион» через призму современной социологической методологии // Весник ЗабГУ № 8. 2013. С. 60.

глобализации»[196]. С точки зрения социокультурного подхода А. А. Пылкова, исследуя социокультурный феномен трансграничного региона, предлагает следующее определение: «трансграничный регион является единым социокультурным пространством сопредельных регионов, структурируемый трансграничными социокультурными сетями»[197]. Д. Г. Еременко согласен, что взаимодействие внутри трансграничного региона обеспечивает социокультурную идентичность и дает более развернутое определение трансграничного региона как «потенциального региона, разделенного суверенитетом соседствующих государств, обладающего комплексом национальных, региональных, зональных элементов с собственными характеристиками, отражающими их историко-культурное своеобразие»[198].

Как уже отмечалось выше, важным критерием трансграничного взаимодействия является возникновение феномена трансграничной идентичности. В регионе исчезает жесткое деление общества на «своих» и «чужих», каждый житель старается не только сохранить собственную культурную идентичность, но и одновременно включается в другую культуру. В результате происходит взаимопроникновение культур в пределах определенной территории с сохранением общенациональной идентичности и сохранением региональных характеристик. Конструирование региональной идентичности происходит на базе общей системы ценностей и лояльностей, основанной на традициях взаимоотношений соседских народов, через когнитивный, ценностный и эмоциональный процессы.

Однако данный процесс формирования региональной идентичности может быть не только исторически обусловленным, но и политически и экономически навязанным.

---

[196] Зайков А. А., Шинковский М. Ю. Трансграничный регион: понятие, сущность, форма. Владивосток: Дальнаука, 2010. С. 37.

[197] Пылкова А. А. Приграничье как феномен культуры (на примере Дальнего Востока России) : автореф. дис. .... канд. культурологии. / А. А. Пылкова. Комсомольск-на -Амуре, 2004.

[198] Еремченко Д. Г. Трансграничный регион как социокультурный феномен : дальневосточная модель: автореф. дис. канд. культурологии. / Д. Г. Еремченко. Челябинск 2011.

Сфера образования всегда была одним из инструментов международных взаимоотношений. Развитие интеграционных процессов в сфере высшего образования и студенческой мобильности способствует большей интеграции как государства, так и отдельного региона в международные экономические процессы. Возрастает роль региональных университетов, которые наряду с национальными и региональными властями становятся самостоятельными субъектами и могут влиять на образовательную политику региона, опираясь на насущные потребности регионального образовательного пространства. По мере развития трансграничного сотрудничества увеличивается роль региональных и местных властей как посредников между сферой образования и сферой труда. По мнению Е. А. Наймана, «конкурентоспособность региона складывается из повышения квалификационного уровня региональных субъектов, комбинаций знаний, не воспроизводимого конкурентами»[199].

Регион становится средой сохранения общей базы знаний, способный контролировать обмен идеями, организовывать процесс коллективного обучения в сетях и развивать свой социально-экономический и человеческий капитал.

Термин «трансграничное образование» был введен в дискурс более двадцати лет назад с момента образования единого европейского образовательного пространства. Западные ученые, такие как С. Винсен-Ланкран, Х. де Вит, У. Брандербург, Дж. Найт и другие, используют этот термин в широком смысле как синоним международного образования. Английский термин cross-border education образован от слова «граница» и префикса «cross», символизирующего пересечение, который на русский язык переводится синонимичным префиксом «транс», что и вызывает путаницу в понятиях. Таким образом, принимая во внимание современные реалии, нам

[199] Найман Е. А. Институт высшего образования в системе обмена знаниями в регионе // Общество знания: философия, управление, образование: материалы III Сибирского филос. семин. Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Томск: Изд-во ТГУ, 2013. С. 180.

представляется целесообразным рассматривать трансграничное образование в качестве аспекта международного образования.

В своем исследовании «Трансграничное высшее образование: тенденции и перспективы развития» С. Винсент-Ланкран выделяет четыре ключевые стратегии, отражающие широкий набор политических мотиваций и инструментов, существующих в области интернационализации высшего образования: взаимопонимание, привлечение и использование возможностей квалифицированной миграции, стратегия получения дохода и стратегия укрепления потенциала и расширения возможностей [200]. И хотя автор не рассматривает трансграничное образование с позиций транснационального сотрудничества, в реалиях современного времени его стратегии справедливы в отношении развития международного сотрудничества в сфере образования в рамках трансграничного региона. Трансграничные регионы используют сферу образования как инструмент для развития человеческого потенциала региона, развития тех или иных сфер экономики, которую обеспечивают ресурсы региона, а также сохранения культурной и региональной идентичности. Многочисленные международные программы трансграничного сотрудничества в сфере образования, сотрудничество университетов на институциональном и региональном уровнях, поощрение студенческой мобильности, прохождение производственной практики на предприятиях трансграничного региона и возможность дальнейшего трудоустройства способствуют устойчивому развитию трансграничного региона в условиях глобализации.

Сотрудничество в трансрегионе отличается эффективностью благодаря незначительным культурным различиям, развитыми экономическими и социальными связями, близости вузов. Небольшие географические расстояния положительно влияют на расширение сотрудничества и развитие академической мобильности, а также позволяют выстроить действенную модель межвузовского партнерства, отвечающую запросам социально-

[200] Винсент-Ланкран С. Трансграничное высшее образование : тенденции и перспективы развития // Вестник международных организаций. 2010. № 3 (29) с. 86-109.

культурной среды и специфики трансрегиона. Создание собственного образовательного пространства - «важнейший путь оптимизации и развития экономики, национально-культурных и исторических традиций, формирования системы ценностей, обеспечивающей социальную и политическую стабильность трансграничного региона» [201] . Перед вузами трансрегиона ставится задача привести образовательные программы в соответствие с потребностями социального и личностного роста индивида, создания возможностей для самореализации, трудоустройства и карьерного роста. В случае успешной реализации вузовского сотрудничества трансрегион сможет сохранить человеческий ресурс и избежать утечки «мозгов». Таким образом расширение трансграничного сотрудничества вузов способствует повышению качества образования, разработке программ, отвечающих нуждам региона, развитию взаимосвязей с бизнесом.

Тесные связи с бизнесом не только приводят к модернизации образования, но и к развитию инноваций и расширению возможностей трудоустройства. Расширение взаимодействия между региональным бизнесом и вузами, включение новых технологий и инноваций в образовательную практику способствуют развитию инноваций. А усиление участия работодателей в определении насущных компетенций на рынке труда для последующей модернизации учебных программ вкупе с развитием прохождения практик на предприятиях трансрегиона облегчают переход от учебы к профессиональной деятельности.

Развитие межвузовского сотрудничества в рамках региональной интеграции приводит к развитию сетевого сотрудничества университетов, созданию ассоциаций и альянсов университетов, а также созданию трансграничных университетов. Например, в Баренцев Евро-Арктическом регионе успешно функционирует Финляндско-Российский трансграничный

[201] Гомбоева М.И., Старостин С.Е. Образовательная деятельность высшего учебного заведения в условиях трансграничья // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. 2009. № 4(27). С. 81.

университет, представленный пятью финскими и четырьмя российскими университетами. Университет предлагает совместные магистерские программы и двойные дипломы по окончанию. Университеты северных провинций Китая активно сотрудничают с университетами Иркутской области и Забайкалья и разрабатывают совместные нормативно-правовые базы. Целью трансграничного сотрудничества университетов является удовлетворение возрастающих потребностей трансграничного региона в высококвалифицированных специалистах, повышение качества регионального образования в соответствии с требованиями мировых стандартов, сохранение национальных культурных особенностей. Задействование интернет-технологий и платформ дистанционного обучения облегчает привлечение иностранных студентов.

К факторам, затрудняющим региональную интеграцию в сфере образования, можно традиционно отнести трудности с изучением языка соседнего региона, социокультурные мировоззрения, конфликт между национальным сознанием и космополитической моделью мировоззрения, а часто психологический фактор, обусловленный уверенностью, что хорошее образование можно получить только в ведущих столичных или зарубежных вузах, занимающих ведущие строчки в зарубежных рейтингах университетов.

Для трансрегионов высшее образование становится стратегическим вложением и средством экономического и социального развития, которое создает условия для создания более конкурентоспособного экономического блока. Создание образовательных кластеров будет способствовать интеграции ценностей, этики и взаимоуважению культур, с одной стороны, и самостоятельности и привлекательности вузов, с другой стороны, превращая их во влиятельных акторов международных отношений. Интернационализация образования позволяет убрать знак равенства между «периферийными» и «второсортными». В новых реалиях трансрегионального сотрудничества стратегическое развитие вузов будет направлено на понимание экономического и социокультурного устойчивого развития региона.

Глобализация и доминирование экономических и политических императивов привели к социокультурной трансформации университета. С одной стороны, он остается транслятором культуры и мировоззренческих установок с другой - «университет представляет собой коммуникативную площадку, сетевую организацию, предоставляя образовательные «услуги» - знания, «очищенные» от каких-либо философских, моральных и идеологических нагрузок» [202] . Перенос знания из категории «фундаментального» в категорию «непостоянного» и «контекстуального» ограничивает его рамками «полезности» и «конкретной практической применимости». Целью вуза становится коммерциализация знания, постоянное производство нового знания в условиях развития цифровизации и внедрения инноваций.

Одновременно с развитием процессов интеграции появляется новый тип университета - предпринимательский университет (entrepreneurial university). Концепция предпринимательского университета первоначально была предложена Б. Кларком (Burton Clark), когда он попытался применить политику американских университетов, основанную на рыночной экономике, к европейским университетам с целью повышения их эффективности[203]. Новый тип университета «соединил в себе образование и науку и генерирует идеи во взаимодействии с бизнесом, под руководством государства, формирующим нормативно-правовую базу» [204] . В условиях зарождающейся парадигмы предпринимательства университеты играют всё более важную роль в технологических инновациях, так как для университетов нового типа технологии являются стратегической переменной. Многие современные исследователи (Г. Ицковиц, Л.Лейдесдорф, Р. Барнетт) отмечают, что в

202 Воинова А.А. Университет в фокусе социокультурный трансформаций современного общества // диссер. … канд. философских наук. / А. А. Воинова. Москва. 2019. 204 с. С. 91.

203 Smith, D. Burton R. Clark 1998. Creating Entrepreneurial Universities: Organizational Pathways of Transformation. Higher Education 38, 373–374 (1999). https://doi.org/10.1023/A:1003771309048.

204 Павлова И. А. Университет в региональной инновационной системе: роли, функции, взаимодействия (на примере Томской области) // диссер. … канд. экономических наук / И. А. Павлова. Томск, 2016. 194 с. С. 59.

настоящее время университеты в современном обществе, все более основанном на знании, погружены в модель тройной спирали взаимоотношений между академической средой, бизнес-средой и правительством. По мнению Рона Барнетта современный университет представляет собой смесь разных степеней состояния бытия, что выливается в различные формы университета: «В рамках одного университета можно найти исследовательский университет, предпринимательский университет, бюрократический университет, а теперь и корпоративный университет. Есть даже следы метафизического университета» [205] . В своих попытках представить университет будущего Хашимшони и Хайна выделяют несколько факторов, которые будут влиять на характер будущего университета: финансовые проблемы, сотрудничество с бизнесом, увеличение количества студентов и большее социальное и расовое разнообразие, новые модели преподавания и обучения, рост междисциплинарных областей знаний. Авторы предполагают, что университеты претерпят серьезные организационные и физические изменения, поскольку они адаптируют свою деятельность к текущим и будущим потребностям, соответственно, физическая структура будущего университета должна будет реагировать на эти изменения[206].

Интернационализация требует от университетов приобретения межкультурных компетенций и предъявляет новые требования к университетам на всех уровнях, тем самым расширяя их миссию, видение и основные институциональные ценности. Однако интернационализация — это не только географическое расширение учреждения за пределы национальных границ. Это также внутренняя трансформация вуза с целью сделать его более глобализированным во всех отношениях.

На современном этапе экономического развития общества все большее значение уделяется качеству образования, ставшему основным критерием

[205] Barnett, R. (2011). Being a University. Abingdon and New York: Routledge. P. 50.
[206] Hashimshony, R. & Haina, J. (2006). Designing the university of the future. Planning for Higher Education, 34(2), 5–19.

международной интеграции и сотрудничества в области образования и научно-исследовательской деятельности. В условиях экономической глобализации и конкуренции возникает потребность в высококвалифицированных кадрах, способных работать в условиях международной интеграции с целью реализации совместных проектов в актуальных областях сотрудничества, которая приводит к росту конкуренции среди вузов и ставит вузы развивающихся стран в заведомо проигрышную позицию. Борьба за влияние на мировой арене, рост конкуренции за мировую репутацию, фонды, таланты, маркетинг услуг высшего образования и рост международного рынка труда для ученых и преподавателей вузов не только усилили конкуренцию вузов, но и привели к усилению межвузовского сотрудничества в регионах, системах и сетях[207].

В условиях глобализированного мира развитие партнерского сотрудничества вузов стало приоритетом в международных стратегических планах. Общими целями такого партнерства стали увеличение количества иностранных студентов и увеличение количества международных исследовательских проектов. Партнерские отношения позволяют минимизировать потенциальные риски, связанные с интернационализацией, и лучше использовать ограниченные ресурсы. По мнению П. Блессингера и Б. Коцца, стратегическое партнерство является частью более широкой стратегии интернационализации вуза[208]. «В настоящее время вуз становится центром сетевых и сетевых международных отношений (между университетами, университетом и работодателями, выпускниками и т. п.)»[209].

Университет может использовать стратегическое партнерство для улучшения и модернизации своих образовательных программ, повышения

[207] Van der Wende, Marijk. 2017. “Opening Up: Higher Education Systems in Global Perspective.” Centre for Global Higher Education working paper series Working paper no. 22.

[208] Blessinger P., Cozza B. How to make the most of international HE partnerships // World University News. 2016. [Электронный ресурс].
URL: https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20160913124749102 Дата обращения 16.09. 2020.

[209] Лебедева М. М. Международно-политические процессы интеграции образования // Интеграция образования. 2017. Т. 21. №3. DOI: 10.15507/1991-9468.088.021.201703.385-394. С. 391.

качества образования, узнаваемости бренда учреждения, расширения своего международного влияния. Вовлечение преподавателей и студентов в совместные исследовательские проекты, расширение программ академического обмена, привлечение иностранных студентов и иностранных инвестиций, организация и участие в научных конференциях способствуют развитию сотрудничества вузов. Выступление на международных конференциях и симпозиумах позволяет налаживать личные связи и выстраивать активный диалог. Публикация в известных научных журналах результатов совместных научных исследований в соавторстве с известными исследователями повышает коэффициент цитирования и способствует формированию научной репутации вуза. Важно отметить, что развитие стратегического партнерства вузов строится на добровольном сотрудничестве, взаимном уважении и общих интересах, что способствует развитию коллегиального сообщества.

Для глобальных университетов, благодаря достижениям в области технологий и сокращению международных торговых барьеров, облегчению визовых режимов, обучение и передача знаний посредством трехсторонней миссии университета - преподавание, исследовательская работа и предоставление образовательных услуг - больше не ограничивается традиционными барьерами пространства и времени. Создание международных ассоциаций и сетей университетов, как, например, Международная ассоциация университетов, способствует укреплению международного взаимопонимания, повышению качества образования и наращивания потенциала вузов-участников. Такое сетевое партнерство включает три или более высших учебных заведения для развития долгосрочного сотрудничества по различным направлениям. Их можно называть ассоциациями, союзами, консорциумами или сетями. Помимо высших учебных заведений, партнерами могут быть субъекты предпринимательской деятельности, правительственные или некоммерческие организации, исследовательские центры и другие субъекты.

Международные университетские сети могут быть созданы по инициативе университетов-партнеров, что является естественным расширением

их долгосрочного и плодотворного сотрудничества. Это могло бы способствовать эффективному сотрудничеству между вузами, привлечению к сотрудничеству коммерческих и некоммерческих организаций для реализации совместных проектов. Лига европейских исследовательских университетов (LERU), занимающаяся фундаментальными исследованиями в европейских университетах, может служить примером такого сотрудничества. Другим примером может быть Международная ассоциация преподавания и обучения высшего образования (International Higher Education Teaching and Learning Association), которая в своей деятельности уделяет особое внимание четырем стратегическим направлениям: 1) глобальное сетевое взаимодействие и междисциплинарное сотрудничество; 2) академические исследования, инновации и публикации; 3) развитие высшего образования и наращивание потенциала; 4) права человека, демократия и устойчивость. Своей основной задачей Ассоциация считает демократизацию высшего образования, поддержку международного понимания и взаимодействия путем создания совместных пространств для диалога и коллегиального сотрудничества. Подчеркивая важность создания культуры участия и чувства сопричастия в обучении, которые устраняют политические, социальные, географические, культурные и другие барьеры, Ассоциация заявляет своей целью демократизацию и устойчивое развитие глобального образования.

С точки зрения географии международные сети университетов можно разделить на две категории: те, которые не применяют никаких ограничений в отношении местоположения университетов-партнеров, и сети, состоящие из университетов, расположенных в странах, принадлежащих к конкретному региону. Вторая группа университетских сетей включает, например, Сеть университетов региона Австралии.

Инициаторами международных университетских сетей могут быть необразовательные учреждения. В 1999 году ООН и ЮНЕСКО создали Глобальную университетскую сеть по инновациям (GUNI), в которую входят

210 учреждений, расположенных в 78 странах, в которых существуют подразделения ЮНЕСКО.

Государственные органы также могут выступать инициаторами создания международных университетских сетей. Например, Министерство образования Китая способствовало созданию Международного стратегического технологического альянса, предназначенного для повышения глобальной конкурентоспособности ведущих технологических университетов Китая. Первая попытка создать наднациональный университет в Европе, который будет служить национальным целям и способствовать развитию и продвижению европейской науки и культуры, была предпринята еще в 1955 году. Однако в реальности деятельность Европейского университета была сфокусирована на научной деятельности и инновациях, а не на европейской культурной интеграцией. Озабоченность по поводу институциональной структуры университета, которая вышла за пределы национального права и культуры и привела к конфликтам и переговорам между странами-членами Европейского университета, которые длились 15 лет. Отсутствие широкой академической базы не позволяло университету заниматься передовыми исследованиями, а его четыре факультета могли продвигать только те знания, которые считались философски европейскими. За его явно проевропейскую позицию университет подвергся критике как политический инструмент ЕС. В конечном итоге, Европейский университет стал институтом постдипломного образования, ориентированного на гуманитарные науки и изучение европейского региона. В 2005 году было выдвинуто предложение создать Европейский институт инноваций и технологий. Однако опасения, что вуз станет конкурентом национальным вузам европейских стран, привело к отказу от создания физического учреждения. Вместо этого через Общество знания и инноваций были разработаны рамки сотрудничества для существующих институтов. Таким образом, современная политическая среда ЕС, которая характеризуется постоянным конфликтом интересов конкурирующих сторон, сделала невозможным создание единого европейского университета.

Инициатива европейских университетов, в рамках которой президент Франции Эммануэль Макрон призвал создать к 2024 году двадцать «европейских университетов», представляет собой компромисс как по структуре, так и по влиянию. Заявленной целью инициативы европейских университетов является укрепление связей между обучением и исследованиями. Это потребует налаживания взаимодействия между различными программами финансирования ЕС, такими как Эразмус+, Horizon Europe, Европейскими структурными подразделениями и инвестиционными фондами, чтобы облегчить доступ университетов к финансированию. С одной стороны, это прекрасная возможность для углубления сотрудничества и реформирования образования на системном уровне, а с другой, важно не допустить создания двухуровневой системы с сосредоточением ресурсов лишь у нескольких крупных игроков, что создаст неравные условия для участников. Также неясно, будет ли целью европейских университетов продолжение интеграции европейских образовательных систем или они будут позиционированы против международных конкурентов.

В европейском образовательном пространстве в рамках проекта Болонского процесса академическая мобильность привела к так называемой «циркуляции мозгов» и перемещению талантов с юга на север и с востока на запад, укрепляя более развитые экономические регионы и ослабляя менее экономически успешные регионы. Европейские политики осознают, что данная тенденция может усилить социальное расслоение Евросоюза, что, в свою очередь, грозит ростом социального недовольства, усилением популистских движений, угрожая социальной и политической сплоченности ЕС. Решение было найдено в виде Европейской университетской инициативы, предложенной европейской комиссией. Данная инициатива предполагает модернизацию европейского образовательного пространства к 2025 году путем создания европейских университетов мирового уровня, чья работа не будет ограничена территориальными границами одной страны и будет способствовать

укреплению европейской идентичности через образование и культуру[210]. В отличие от традиционных альянсов и кластеров университетов создание европейских университетов является политической инициативой ЕС и позволяет применять более эффективные инструменты для решения административных, юридических и финансовых проблем. Европейский университет представляет собой кластер из 5-8 университетов-партнеров и должен служить продвижению общеевропейских ценностей и укреплению европейской идентичности, путем формирования нового поколения европейцев, способных работать в рамках различных европейских и глобальных культур, а также способствовать международной конкурентоспособности европейского образования и вносить свой вклад в европейскую экономику знаний, занятость, культуру и благосостояние[211]. Европейский университет представляет собой межуниверситетский кампус, обеспечивающий беспрепятственную академическую мобильность. Предполагается, что университеты, образующие кластер, объединят свой опыт, ресурсы и образовательные платформы для разработки совместных программ и модулей, охватывающие разные дисциплины. Гибкая программа, совместные смешанные курсы, общие учебные блоки, интегрированные в учебные планы всех членов кластера, а также широкое использование образовательных онлайн-платформ помогут повысить качество образования и его доступность, а также сократить «утечку мозгов». В 2019 году еврокомиссия выбрала 17 альянсов учебных заведений ЕС, представляющие европейские университеты, в 2020 году к ним добавилось 24 новых альянса, которые включают различные типы высших учебных заведений: гуманитарные, технические, прикладных

[210] EU Commission. 2017. Strengthening European Identity through Education and Culture: The European Commission's contribution to the Leader's meeting in Gothenburg, 17 November. Accessed 21.12.2020. Retrieved from https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/leaders-working-lunch-universities_en.pdf.

[211] A. Gunn. 2020 "The European Universities Initiative: A Study of Alliance Formation in Higher Education", in: *European Higher Education Area: Challenges for a New Decade* (A. Curaj, L. Deca, R. Pricopie, eds), Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-56316-5_2).

наук. На данный момент на территории европейского образовательного пространства сформирован 41 европейский университет, представленный 280 высшими учебными заведениями, с общим бюджетом в размере 287 миллионов евро, который будет функционировать в рамках программ Erasmus + и Horizon 2020[212]. Предполагается, что через три года европейские университеты будут полностью готовы к реализации своих программ на территории европейского образовательного пространства. По мнению европейской комиссии реализация данной программы является важным шагом в укреплении взаимодействия между европейским образовательным пространством и европейским исследовательским пространством.

Другой формой развития международного партнерства вузов становится развитие сетевых университетов. На данный момент не существует общепринятой концепции университетской сети. Сетевой университет — это не отдельное высшее учебное заведение, а форма равноправного сотрудничества высших учебных заведений, которая предусматривает различные направления взаимодействия в сфере высшего образования в соответствии со стратегией развития региона. Некоторые исследователи считают, что «центральным моментом в определении сетевого университета являются множественность и гетерогенность его участников, представленные отдельными классическими университетами или же иными специализированными высшими учебными заведениями» [213] . Сетевые структуры способствуют многоуровнему взаимодействию университетов и укрепляют не только их сотрудничество в сфере образовательных программ, но и взаимодействие университетов с научно-исследовательскими институтами, общественными организациями и бизнес-структурами на международном, национальном и региональном уровнях.

---

[212] EU Commission. 24 new European Universities reinforce the European Education Area. Accessed 21.12.2020. Retrieved from https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_1264.

[213] Беленов О. Н., Кирчанов М. В. Сетевые университеты как форма развития высшей школы: формы, особенности организации и перспективы. URL: http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/educ/2016/01/2016-01-24.pdf (дата обращения 26.05.2018) С. 115.

Сетевые университеты характеризуются рядом признаков. Во-первых, это добровольность формирования связей участниками процесса, взаимное желание развивать сотрудничество. Во-вторых, «наличие общей долгосрочной цели, которая, с одной стороны, объединяет всех участников сетевой структуры, а с другой – не может быть достигнута участником самостоятельно»[214]. В-третьих, независимость участников, для которых участие в совместном проекте дает возможность реализовывать задачи, отвечающие их национальным или региональным интересам. И наконец, множественность уровней взаимодействия и множественность лидеров, что обеспечивает устойчивость сетевой структуры.

Как ассоциированные, так и полноправные члены могут участвовать в сетевом университете. Ассоциированные члены любого сетевого университета могут включать в себя университеты, действующие в качестве учебных заведений, исследовательские организации, высокотехнологичные компании и другие заинтересованные стороны, такие как правительственные учреждения или коммерческие структуры. В их обязанности входит участие в разработке и проведении конкретных проектов, программ и мероприятий в рамках сетевого партнерства. Вузы, которые предоставляют образовательные услуги в рамках сетевых образовательных программ, относятся к полноправным членам.

Модель сетевого университета наиболее типична для государств бывшего Советского Союза. На сегодняшний день созданы сетевой университет ШОС, сетевой университет СНГ, сетевой университет Арктики. На стадии подготовки и согласования основных форм будущего функционирования находятся сетевой университет БРИКС и сетевой университет ЕврАзЭс.

На макроуровне ключевыми целями сетевых университетов является повышение качества образования с целью предоставления высококвалифицированных кадров для региона, формирование единого

[214] Юрьев В. М., Налетов И. М. Сетевой университет как модель современных взаимодействий региональных университетов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 3(131). С. 12.

образовательного пространства, повышение экономической мобильности и консолидация ресурсов для проведения исследовательской деятельности.

На мезоуровне сетевое взаимодействие позволяет сетевому университету стать инструментом экономического развития соответствующего региона, обеспечить подготовку высококвалифицированных специалистов для тех отраслей, которые будут способствовать развитию экономики, помогут наладить прочные связи с субъектами предпринимательской деятельности, привлекать инвестиции в регион и сохранять культурную самобытность региона.

Университеты как полноправные члены сетевого университета также оказываются в выгодном положении, поднимая рейтинг вуза за счет следующих позиций - привлечения иностранных студентов; улучшения международного имиджа; «развития новых приоритетных научных направлений, <…> возможности участия студентов и преподавателей в программах обмена с университетами-партнерами; <…> расширения возможностей публикационной активности за счет публикаций в научных изданиях университетов-партнеров <…> ; интернационализации результатов научных исследований; <…> возможности получения дополнительного федерального финансирования в случае участия в реализации целевых образовательных программ с университетами-партнерами»[215].

Однако работа сетевых университетов сталкивается с рядом трудностей и барьеров, преодоление которых требует огромных усилий. Е. Воевода выделяет четыре типа коммуникационных барьеров: лингвосоциокультурные, институциональные, информационно-технологические и финансовые[216]. Очень часто территория региона, которую охватывает сетевой университет, имеет различное историческое прошлое и настоящее и сильно различается по типу

[215] Беленов О. Н., Кирчанов М. В. Сетевые университеты как форма развития высшей школы: формы, особенности организации и перспективы. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2016. № 1. С. 117.

[216] Воевода Е. В. Коммуникационные барьеры образовательного пространства БРИКС. Международные процессы. Том 13. № 4. сс. 108-121.

культуры, что значительно осложняет адаптацию студентов, получающих образование за рубежом. Языковые барьеры являются серьезной проблемой, которая требует взвешенного системного решения. Если брать в качестве примера сетевой университет СНГ, то на территории постсоветского пространства русский язык остается распространенным и может использоваться в качестве языка обучения и общения. Однако уже в сетевом университет ШОС, где китайские вузы являются полноправными членами, возникают проблемы, связанные как с адаптацией студентов к условиям чужой культуры, так и с необходимостью изучения китайского языка для прохождения обучения в китайских вузах. В сетевом университете БРИКС лингвосоциальная ситуация представляется еще более сложной в связи с отсутствием каких-либо исторических и культурных точек соприкосновения. Еще одним актуальным вопросом является, на каком языке будет проводиться процесс обучения и общения: ведь страны БРИКС не имеют общего лингвистического пространства. Английский язык является одним из государственных языков лишь в ЮАР и Индии, а студентам из России, Бразилии и Китая надо овладеть им на достаточном уровне, чтобы они могли понимать университетскую программу обучения. Помимо английского, иностранным студентам придется овладеть еще и языком страны, в которой они будут учиться, для элементарного бытового общения. Еще одним камнем преткновения становится необходимость сдачи португальского языка в качестве обязательного вступительного экзамена в Бразильский университет. Обучение на подготовительном отделении сетевого университета с целью улучшения лингвистических навыков и коммуникативных компетенций может быть решением данной проблемы, однако, в свою очередь, оно грозит повышением стоимости обучения.

Институциональные барьеры охватывают ряд проблем, связанных с этнокультурными различиями, препятствующими получению образования в стране с другими культурными традициями и последующему трудоустройству; также к данной группе относятся учебно-организационные барьеры, связанные

с «проблемами интеграции образовательных систем в форме признания дипломов, признания форм отчетности и зачетных единиц, признания периодов обучения в университетах-партнерах» [217], и нормативно-правовые барьеры, возникающие из-за различий в уровнях среднего и высшего образования в странах-участницах. Данные различия затрудняют разработку единых стандартов образования в сетевых университетах.

Развитие информационных и телекоммуникационных технологий приводит к принципиально новой системе профессионального образования. Использование современных информационных и телекоммуникационных технологий позволяет нам вывести процесс обучения на новый уровень, представляя студентам и преподавателям доступ к информации. С одной стороны, это решает проблему быстрого «устаревания» знаний, а с другой, это стимулирует студентов самостоятельно искать информацию и постоянно учиться. Современный уровень развития информационных технологий способствует развитию и дистанционного обучения.

На сегодняшний день многие университеты не могут похвастать наличием современного телекоммуникационного оборудования и возможностями для предоставления своим студентам онлайн-образовательных и информационных ресурсов. Отсутствие современного компьютерного оборудования и доступа в Интернет создает барьеры для информационных технологий, которые не позволяют студентам самостоятельно изучать академические предметы в различных областях.

Финансовые барьеры значительно замедляют развитие сетевых университетов, что негативно сказывается на комплектации оборудования центров и лабораторий. Участники сетевых университетов изначально имеют разные финансовые возможности, и этот факт с самого начала может затруднить реализацию некоторых целей, включенных в проект развития

[217] Беленов О. Н., Кирчанов М. В. Сетевые университеты как форма развития высшей школы: формы, особенности организации и перспективы. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2016. № 1. С. 117.

сетевого университета. Более того, учитывая, что устранение неравенства в сфере образовательных услуг является одной из основных целей интеграции образования, отсутствие финансирования в некоторых университетах изначально ставит их в невыгодное положение. Талантливый студент, способный оплачивать свое образование, выбрал бы университет, который позволил бы этому студенту раскрыть свой потенциал, обеспечить более высокий уровень знаний и развить навыки, необходимые для последующей успешной работы.

Современная политическая идеологическая атмосфера создает ряд сложностей для развития международного сотрудничества. Анализируя современные мегатренды мировой политики, М. Лебедева выделяет три - глобализацию, интеграцию и демократизацию, а также отмечает их цикличность. Эти же три тренда можно отнести и к сфере международного сотрудничества в сфере высшего образования. Транспарентность границ, обусловленная глобализационными процессами, способствовала интернационализации образования, а увеличение числа акторов его демократизации. На протяжении всей истории политические и международные процессы в сфере образования не только характеризовались цикличностью. Сейчас мы наблюдаем ослабевание всех процессов и даже откат назад. Глобализации противопоставляется регионализации, хотя М. Лебедева настаивает, что при условии сохранения транспарентности границ регионализация является продолжением процесса глобализации. Интеграция национальных образовательных систем в единые образовательные пространства замедляется в связи с опасениями, связанными с сохранением культурной безопасности, продвижением национальных интересов. Демократизация образования нарушается использованием ограничения доступа к зарубежному образованию в качестве инструмента давления.

В современном мире университет должен стать «глокальным» (global + local = «glocal»), то есть выступать в качестве ключевого локального кластера, создавая, с одной стороны, структуру для развития региона и, с другой

стороны, наращивать инвестиционный потенциал для развития науки и инновационных проектов[218].

Принимая во внимание эволюцию трансграничных регионов, мы считаем целесообразным, чтобы, учитывая растущую интернационализацию образования, сетевое сотрудничество университетов должно следовать как модели сетевого университета, так и модели международной сети университетов. Сетевое сотрудничество создает и укрепляет основу для совместной деятельности членов-участников в отношении развития региона и его инфраструктуры, способствует наращиванию человеческого потенциала, вносит огромный вклад в формирование сильных сообществ и способствует стабильному экономическому развитию в трансграничном регионе, а также создает глобальные связи и повышает конкурентоспособность в глобальном масштабе. Сетевое сотрудничество позволит региональной экономике удовлетворить свои потребности в специалистах, отвечая требованиям новой цифровой экономики в тех секторах, которые наиболее выгодны для развития региона. Благодаря сетевому сотрудничеству университеты смогут лучше адаптировать свои учебные программы к изменяющимся условиям рынка труда и быстрее реагировать на любые изменения рыночных условий. Значительное сокращение и более разумная структура их затрат позволят участникам сети сосредоточиться на своих ключевых компетенциях и устранить дублирование ряда функций.

Академическая мобильность, являясь важным компонентом трансграничного образования, следует определенным законам миграции. Для того, чтобы трансграничные образовательные связи работали стабильно, требуется время для преодоления коммуникационных барьеров и создания личных сетей и каналов, обеспечивающих безопасность и психологический комфорт при адаптации к другой культуре.

---

[218] Grau F. X., Hall B., Tandon R. (2017) Higher education in the world 6. Towards a socially responsible university: Balancing the global with the local. URL: https://www.researchgate.net/publication/314840823_Higher_education_in_the_World_6_Towards_a_Socially_Responsible_University_Balancing_the_Global_with_the_Local (дата обращения: 03.06.2018).

Однако любые усилия, направленные на отражение общих ценностей и продвижение интересов любых народов, населяющих трансграничный регион, способствуют культурному разнообразию и языку, этническому и гендерному равенству. Развитие дистанционного образования способствует обеспечению равного доступа к образованию для представителей различных социальных слоев, что является важным фактором оценки эффективности образовательной политики.

Выводы по второй главе

Нарастающие процессы глобализации вкупе с более совершенными достояниями научно-технического прогресса обусловили новые глобальные риски и проблемы человечества. На мировой арене постоянно сталкиваются интересы различных субъектов международных отношений. В непрекращающейся борьбе за доминирование международные акторы ставят во главу угла собственные национальные интересы. По мере развития все более совершенного оружия массового поражения приходит понимание, что применение инструментов «жесткой силы» в решении международных проблем ставит под угрозу существование всего человечества. Поэтому во второй половине XX века возникает идея применения «мягкой силы», построенной на использовании инструментов убеждения и привлекательности, в первую очередь культурного влияния, для достижения своих целей. Образование и культура становятся основными инструментами «мягкой силы». Однако в современных реалиях, когда государства для сохранения своих лидерских позиций на мировой арене стали использовать ограничение доступа к своему образованию в качестве санкци онной политики воздействия, образование из арсенала инструментов «мягкой силы» становится одним из инструментов «жесткой силы».

Важно понимать невозможность использования «мягкой силы» в одностороннем порядке: государство может способствовать признанию своих

культурных, экономических, политических достоинств, но не может заставить другие государства восхищаться им и принудительно применять чужие стратегии в области культуры или образования. Именно невозможность одностороннего использования инструментов «мягкой силы» против другого государства позволяет нам выдвинуть предположение, что в области культуры «мягкую силу» следует понимать как среду, позволяющую государству эффективно достигать своих целей в отношениях с другими государствами с меньшими затратами дипломатических и/или экономических ресурсов.

Еще одним фактором, разрушающим национальные границы, является ослабевание роли нации-государства как источника культурной идентификации.

На данный момент сложно определить, какое влияние окажет культурная глобализация на характер формирования общества. Однако основной характеристикой глобализации становится интеграция различных государств в глобальное международное сотрудничество в области культуры и образования.

Глобализация образования является неотъемлемой частью глобализации культуры. Некоторые страны лучше преуспели в использовании высшего образования как инструмента «мягкой силы» для формирования менталитета иностранных студентов. Наличие общей идеологии и стратегических позиций объясняет успех долгосрочного и эффективного сотрудничества западных стран в сфере высшего образования. Наличие совпадений в социокультурных кодах и фон общего опыта сотрудничества в различных сферах облегчает установление атмосферы взаимопонимания и сотрудничества.

Рост наднациональных региональных совместных инициатив в сфере высшего образования приводит к усилению регионализма высшего образования. Возобновление регионального сотрудничества обусловлено борьбой наднациональных регионов за расширение сферы влияния и сохранения культурной идентичности. Растущий скептицизм в отношении интернационализации образования и научных исследований продвигает национальные миссии систем высшего образования. Идея укрепления

социальной сплоченности уже не базируется на культурной идентичности общества или гражданской позиции, а обусловлена проблемами миграции и антиглобализации.

Всё больше исследователей ставят под сомнение вестернизацию как единственно возможный вариант развития культурной глобализации. Конкуренцию западным странам в борьбе за культурное влияние составляет Китай, Россия и исламский мир. Однако отсутствие общей идеологии и стратегических союзников создают дополнительные трудности в конкуренции с западными странами в сфере образования и культурного влияния.

Интересно отметить разные подходы игроков на мировой арене в борьбе за культурное влияние. В то время, как ЕС пытается продвигать европейские ценности и идею культурного разнообразия, Китай стремится углубить понимание европейцами и жителями тех стран, на которые он пытается распространить свое культурное влияние, своей культуры и особенностей мировоззрения.

В условиях усиливающихся процессов глобализации и регионализации развитие транснационального сотрудничества, направленное на взаимную интеграцию и совместное развитие, стало одной из основных форм межгосударственных отношений и мировой политики. Культурная глокализация и регионализм высшего образования способствует развитию трансграничного сотрудничества, важным критерием которого является возникновение феномена трансграничной идентичности как части региональной идентичности. Трансграничные регионы используют сферу образования как инструмент развития человеческого потенциала региона, развития тех или иных сфер экономики, которую обеспечивают ресурсы региона, а также сохранения культурной и региональной идентичности.

На современном этапе экономического развития общества все большее значение уделяется качеству образования, ставшему основным критерием международной интеграции и сотрудничества в области образования и научно-исследовательской деятельности. В условиях экономической глобализации и

конкуренции возникает потребность в высококвалифицированных кадрах, способных работать в условиях международной интеграции с целью реализации совместных проектов в актуальных областях сотрудничества, которая приводит к росту конкуренции среди вузов и ставит вузы развивающихся стран в заведомо проигрышную позицию. Современные, активно развивающиеся вузы стремятся укрепить свои конкурентные позиции на международном рынке образовательных услуг. Одним из средств достижения этой цели является развитие стратегического партнерства с другими вузами, в частности в форме сетевого взаимодействия.

Сетевое взаимодействие вузов помогает реализовать цели, которые лежат за пределами интересов отдельных вузов, представляют значительный интерес для региона. Развитие сетевого сотрудничества и создание сетевых университетов способствуют эффективному взаимодействию вузов, созданию единых образовательных пространств, развитию академической мобильности, содействуют экономическому развитию региона и сохранению его культурной идентичности.

ГЛАВА III. ТЕНДЕНЦИИ И ВЫЗОВЫ В СТРАТЕГИЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО МЕЖВУЗОВСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

3.1. Стратегии реализации проекта Болонского процесса: достижения и сложности

Глобализация и появление новых технологий радикально изменили роль высшего образования в культуре и других сферах социума. В настоящее время мировые и европейское сообщества прилагают усилия к поиску технолого-экономических и педагогических инноваций, способных обеспечить условия сохранения и развития профессионально-производственной, научно-исследовательской и организационно-манипулятивной культуры в западных странах ради сохранения и усиления влияния на мировой арене, обеспечения конкурентоспособности в борьбе за престижную репутацию, фонды, таланты, маркетинг услуг высшего образования и расширение международного рынка труда для ученых и преподавателей вузов. В 2017 году количество иностранных студентов в мире составило 5,3 миллиона человек по сравнению с 2 миллионами в 2000 году. Больше половины иностранных студентов, в основном из Китая, Индии, Германии, Южной Кореи, Саудовской Аравии и стран Центральной Азии, проходили обучение в США, Великобритании, Австралии, Франции, Германии и в России[219]. В 2018 году Erasmus+ потратила 2,8 миллиардов евро на организацию академической мобильности (850 000 студентов и преподавателей), профинансировала около 95 000 организаций и 235 000 проектов[220]. Активизация конкуренции вузов за приток студентов, магистров, аспирантов, за переманивание друг у друга высококвалифицированной профессуры и подготовки таковой на собственных

[219] Migration Data Portal. 2020. URL: https://migrationdataportal.org/themes/international-students 2020 (дата обращения 01.07.2020).

[220] Publications Office of the EU, 2020. URL:https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/7985705e-41b7-11ea-9099-01aa75ed71a1/language-en. (дата обращения 24.06.2020.).

научно-образовательных платформах сочетаются с расширением и совершенствованием межвузовского сотрудничества в регионах, системах и университетских сетях с использованием образования в качестве инструмента «мягкой силы» в международной политике. Если до 1990-х годов межправительственные двусторонние соглашения являлись основными инструментами международных отношений в сфере высшего образования, то после запуска проекта Болонского процесса высшее образование также стало представлять огромный интерес для политических организаций (ООН, ЮНЕСКО, ЕС, БРИКС, ШОС, ЕвроАз и др.), неправительственных организаций, гражданских обществ, экспертных групп, транснациональных компаний и других влиятельных международных акторов.

Изначально этот процесс должен был содействовать повышению международной конкурентоспособности европейской системы высшего образования, развитию академической мобильности и повышению возможности трудоустройства выпускников. Согласно отчету Еврокомиссии за период 2000 -2010 годов количество иностранных студентов, обучавшихся в странах Евросоюза, выросло на 114%[221]. В 2010 году было провозглашено Европейское пространство высшего образования, ставшее для Европейской комиссии и всех стран-участниц площадкой для принятия решений по реформам в рамках Болонского процесса[222]. В современной литературе ЕВПО описывается как созданный взаимозависимыми государствами международный механизм, регулирующий европейское высшее образование и отвечающий разнообразным внешним вызовам, обусловленным глобализацией и возникновением «квази» рынка услуг высшего образования (ГАТО / ВТО), внутренними проблемами Европы, вызванными региональной интеграцией.

[221] European Commission (2012). URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/networks/european_migration_network/reports/docs/emn-studies/immigration-students/0_immigration_of_international_students_to_the_eu_sr_24april2013_final_en.pdf (дата обращения 24.06.2020).

[222] The Prague Communique (2001). URL: http://www.ehea.info/media.ehea.info/file/2001_Prague/44/2/2001_Prague_Communique_English_553442.pdf (дата обращения 24.06.2020.).

Отмечается, что сотрудничество в рамках ЕПВО базируется на принципах, нормах, правилах и процедурах принятия решений, основанных на декларациях и коммюнике мягкого права, и охватывает разнообразные культурные, социальные и экономические пространства[223].

ЕС играл ключевую роль в установлении институциональных отношений с различными международными субъектами в области высшего образования в рамках ЕВПО, управлении взаимодействием в области высшего образования, в том числе регулировании целевой координации действий и распределении задач между участниками[224]. Устойчивости структуры ЕВПО также способствовало выстраивание межправительственных отношений и взаимодействия с неправительственными субъектами, а ее эффективности - усиление влияния негосударственных или наднациональных акторов, использующих высшее образование как инструмент «мягкой политики» для распространения культурного влияния внутри или за пределами ЕВПО[225].

Сегодня межвузовское взаимодействие, в том числе и в рамках европейского образовательного пространства, основывается на принципах конкуренции и сотрудничества. [226] Девиз проекта Болонского процесса – «единство в разнообразии» – базируется на социальной сплоченности общества, которая может быть определена как «качество социального сотрудничества и единение коллектива, определяемое в геополитических терминах, которое выражается в отношении и поведении его членов»[227]. Продвижение ценностей

---

[223] The Paris Communique (2018). URL: http://ehea.info/Upload/document/ministerial_declarations/EHEAParis2018_Communique_final_952771.pdf (дата обращения 23 June 2020.).

[224] Council of Europe (2009). URL: http://ehea.info/media.ehea.info/file/2009_Leuven_Louvain-la-Neuve/92/3/CoE_Report_April_2009_594923.pdf (дата обращения 20.06.2020.)
Foteini Asderaki (2019) Researching the European Higher Education Area external effectiveness: regime complexity and interplay, European Journal of Higher Education, 9:1, 40-57, DOI: 10.1080/21568235.2018.1562951.

[226] Philipp Pohlenz & Frank Niedermeier (2019) The Bologna Process and the harmonisation of higher education systems in other world regions: a case from Southeast Asia, Innovation: The European Journal of Social Science Research, 32:4, 481-494, DOI: 10.1080/13511610.2019.1637248.

[227] Dragolov, G., Z. S. Ignácz, J. Lorenz, J. Delhey, K. Boehnke, and K. Unzicker. 2016. “Theoretical Framework of the Social Cohesion Radar.” In Social Cohesion in the Western World: What Holds Societies

Евросоюза, привлекательность политического строя, уровня экономического и социального развития, идея сохранения культурной идентичности и воспитании толерантности к другим культурам, организация мобильности студентов и возможность дальнейшего трудоустройства способствовали превращению европейского высшего образования в инструмент «мягкой силы» во внешней политике ЕС. Развитие международного сотрудничества вузов, повышение стандартов качества образования, вовлечение новых участников в определение политики развития высшего образования в условиях рыночной экономики способствовали интеграции национальных систем образования в единое европейское пространство. И хотя наука по своему характеру базируется на принципах конкуренции, сейчас отмечается рост научного сотрудничества в условиях увеличивающейся сложности научных исследований.

Формирование консолидированных образовательных зон (Болонский процесс, образовательные пространства СНГ, БРИКС, Шанхайской организации сотрудничества и Баренцев Евро-Арктического региона) отражает тенденцию использования политики в области образования для расширения образовательного пространства отдельных государств, претендующих на расширение своего влияния на мировой арене и усиление своих позиций в области управления образованием. К таким государствам, несомненно, относятся США, европейские страны, Россия, Китай и другие страны.

Успешность механизма ЕПВО способствовала распространению его принципов и норм далеко за пределы Европы. Отмечается неоднородная политика разных стран в связи с расширением влияния ЕВПО. Ряд государств (Канада, Австралия, Израиль, Сингапур, Казахстан и другие) адаптировали свои национальные системы образования к требованиям ЕПВО, другие имеют достаточный потенциал для создания собственных моделей сотрудничества в сфере высшего образования. Например, Китай, который выступает как

Together. Insights from the Social Cohesion Radar, edited by G. Dragolov, Z. S. Ignácz, J. Lorenz, J. Delhey, K. Boehnke, and K. Unzicker. 1–13. New York: Springer.

крупнейший потребитель экспорта образования в США и ЕС, усиливает свое влияние на рынке образовательных услуг, целенаправленно становясь конкурентом механизма ЕПВО, особенно в восточносибирском и дальневосточном регионах. Также инструментами культурного влияния начинают активно пользоваться Россия, Южная Корея, Бразилия, Аргентина и ряд других стран.

Россия, являясь участницей проекта Болонского процесса, уделяет особое внимание реформированию и модернизации национальной системы образования. Целенаправленное интегрирование национальной системы образования не только в ЕПВО, но и в образовательные пространства СНГ, БРИКС, ШОС, Баренцев-региона, позволяет РФ укрепить свои конкурентные позиции на международном рынке образовательных услуг. Одним из средств достижения этой цели является развитие стратегического партнерства с другими вузами, в частности в форме сетевого взаимодействия. Отвечая на вызовы глобализации, ведущие российские вузы активно содействуют интернационализации высшего образования, международному сотрудничеству вузов, развитию академической мобильности, формированию и совершенствованию навыков международной коммуникации у студентов и преподавателей вуза. Развитие совместных магистерских программ с зарубежными вузами и внедрение двойных дипломов содействуют повышению конкурентоспособности российского высшего образования. Активное участие студентов и преподавателей в международных конкурсах и конференциях способствует как развитию академической мобильности, так и повышению репутационного престижа вуза, в частности, и страны, в целом. Подобная практика позволяет ведущим российским вузам реализовывать собственные стандарты образования - а именно, развивать у студентов навыки работы в мультикультурной среде и международной команде, а также овладеть техниками установления профессиональных контактов и развить навыки профессионального общения на иностранных языках.

Принцип культуросообразности, на который опирается Российская Федерация в рамках государственной культурной политики, позволяет не только использовать культуру как системообразующий фактор развития региона, но и использовать образование как инструмент «мягкой силы» в борьбе за культурное влияние на мировой арене.

На протяжении многих лет повестка дня проекта Болонского процесса дополнялась новыми целями и направлениями деятельности, нацеленными на усиление влияния европейского образовательного пространства, которые обсуждались на регулярных совещания министров и утверждались как фундаментальные элементы, лежащие в основе ЕПВО. В 2005 году на встрече министров в Бергене был создана линия глобальной стратегии использования «мягкой силы» европейского высшего образования, направленная на повышение привлекательности ЕПВО и расширения внешнего сотрудничества в глобальном масштабе. Как мы видим, сегодня механизм ЕПВО успешно играет ключевую роль в комплексе структур высшего образования, является разработчиком глобальной повестки дня в области высшего образования и ее архитектуры управления, влияет на политику в области высшего образования и определяет инструменты, способствующие интеграции национальных образовательных систем в единое европейское образовательно пространство.

Сегодня расширение повестки дня проекта Болонского процесса направлено на развитие внешнего сотрудничества в глобальном масштабе и базируется на глобальной стратегии использования «мягкой силы» европейского высшего образования. Рассмотрение ЕВПО в качестве нормативного режима[228], который узаконивает и продвигает повестку дня ЕС на территории Европы и за ее пределами, усилило позиции ЕС в разработке глобальных тенденций в сфере высшего образования.

[228] Moscovitz, H. & Zahavi, H. (2019) The Bologna Process as a foreign policy endeavour: motivations and reactions to the externalisation of European higher education, European Journal of Higher Education, 9:1, 7-22, DOI: 10.1080/21568235.2018.1561316.

Без сомнения, ЕС имеет широкий спектр политических инструментов для усиления своего культурного влияния за рубежом. Государства-члены ЕСБ, вместе взятые, имеют более 900 учреждений культуры внутри ЕС и почти 1 300 за его пределами, в которых занято 30 000 человек и годовой оборот которых составлял 3,2 миллиарда евро в 2016 году[229].

Среди стран, входящих в ЕПВО, лидерские позиции в сфере экспорта образования стабильно удерживают Великобритания, Германия и Франция. В 2008 году Великобритания приняла в два раза больше иностранных студентов (222 711 человек), чем Германия и Франция (117 234 и 130 465 человек соответственно). А спустя 9 лет на программах бакалавриата и магистратуры в Великобритании обучалось 377631 иностранных студента, что составило 42% всех иностранных студентов бакалавриата и магистратуры ЕПВО.

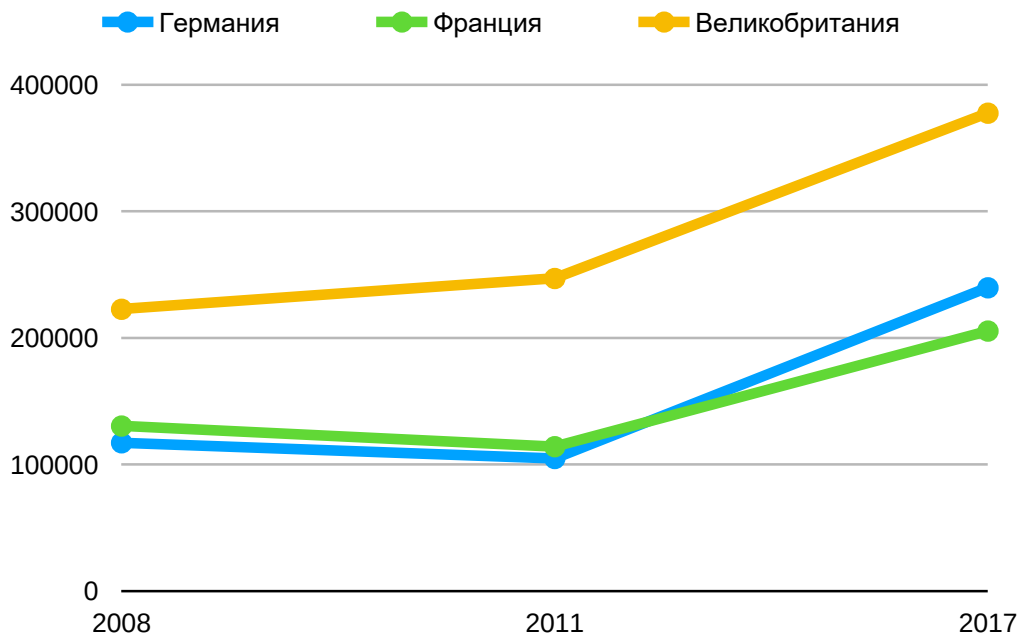

Рис. 4. Количество иностранных студентов Великобритании, Германии и Франции в 2008-2017 годах, (человек)

Однако усиление политического аспекта ЕВПО привело к пересмотру базовых ценностей Болонского процесса. Спустя 20 лет после начала проекта

[229] European Parliament (2016) DG Research Policy Department: European Cultural Institutes abroad, Research for the EP Committee on Culture and Education, March 2016, (Authors: KEA European Affairs: Yolanda Smits, Clementine Daubeuf, Philippe Kern).

Болонского процесса, успешного использования «мягкой силы» европейского высшего образования и механизма ЕПВО на территории стран с разными историческими, политическими и культурными контекстами, все больше ученых, изучающих вопросы концептуализации глобального влияния ЕС, сравнительного регионализма и глобальных достижений в сфере высшего образования, выражают обеспокоенность по поводу истинных мотивов и интересов ЕС, стоящих за стратегией проекта Болонского процесса и механизма ЕПВО[230].

В начале создания проекта Болонского процесса интеграция национальных образовательных систем в единое европейское пространство происходила в гибком режиме, однако позже темпы политики интеграции были приведены в соответствие со стратегией роста занятости в Европе до 2020 года. Неоднородные темпы интеграции национальных образовательных систем в ЕВПО препятствовали формированию европейского взгляда на ЕПВО на национальном уровне[231]. Неравномерное развитие академической мобильности, связанное с преимуществом небольшого количества ведущих университетов стран с развитой экономикой и избирательная поддержка инновационных сообществ исключительно между ведущими университетами, а также приведение политики интеграции образовательных систем в соответствие со стратегией занятости в Европе не способствуют повышению качества европейского образования.

Майкл Гебель (Michael Gaebel), директор отдела политики в области высшего образования в Европейской Ассоциации университетов, в интервью газете Times Higher Education признает, что университеты предприняли недостаточно усилий для развития академической мобильности и внедрения

---

[230] Zgaga, Pavel. 2012. “Reconsidering the EHEA Principles: Is There a ‘Bologna Philosophy’?” In European Higher Education at the Crossroads, edited by Curaj Adrian, Scott Peter, Vlasceanu Lazăr, and Wilson Lesley, 17–38. Dordrecht: Springer.

[231] Veiga, A. (2019). Unthinking the European Higher Education Area – differentiated integration and Bologna's different configurations, *In Innovation: The European Journal of Social Science Research*, 32 (4), 495-512. DOI: 10.1080/13511610.2019.1666704.

единых стандартов качества образования. В целом, европейские вузы разделили пятилетние курсы обучения на бакалавриат и магистратуру без должного переосмысления учебной программы. Еще одной причиной такого разделения традиционного курса является возможность выпускников приступить к работе после трех-четырех лет обучения. Позиция работодателей также неоднозначна в разных странах. М. Гебель высказывает предположение, что нежелание работодателей в ряде стран нанимать выпускников бакалавриата мотивирует их получить степень магистра. В таких странах, как Франция, Германия, Польша, Италия, Россия, студенты традиционно продолжают получать высшее образование, поступая в магистратуру, в то время как в 12 из 48 стран, входящих в ЕПВО, один из пяти студентов продолжает обучение в магистратуре. Удивительно, что Великобритания, занимающая лидерские позиции по количеству иностранных студентов, относится ко второй группе.

Еще одним фактором, препятствующим развитию академической мобильности, является отсутствие финансовой поддержки малообеспеченных студентов, что может способствовать элитизму качественного высшего образования.

Европейский студенческий союз выражает обеспокоенность несбалансированностью студенческих потоков. На каждых двух студентов, путешествующих с востока континента на запад, приходится только один студент, желающий получить образование в восточноевропейском университете[232].

Лингвосоциальные факторы являются дополнительным барьером, затрудняющим успешное развитие экспорта образовательных услуг. Трудности, связанные с усвоением материала и особенностями работы на занятиях, традиционно относят к уровню владения иностранным языком и прилежанию иностранного студента. Отсутствие навыков владения

[232] The European Students' Union (2018) URL: https://www.esu-online.org/wp-content/uploads/2019/02/BWSE-2018_web_Pages.pdf (дата обращения 07.07.2020).

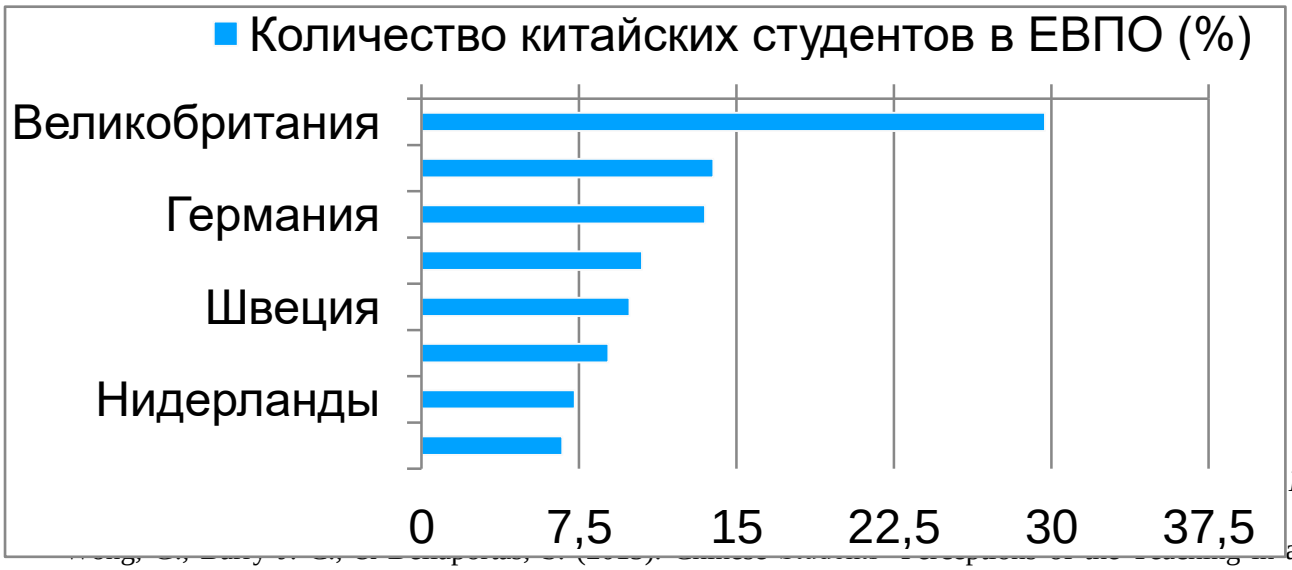
иностранным языком, в первую очередь, английским, не позволит талантливому студенту продолжить обучение в магистратуре за рубежом. Проблемы, связанные с расширением круга знакомств с представителями другой культуры, объясняются недостаточным уровнем межкультурной коммуникации. Различные культурные и религиозные мировоззрения, отсутствие культурных и исторических точек соприкосновения затрудняют адаптацию студента к новой культурной и образовательной среде. Таким образом, получается, что проблемы с адаптацией иностранного студента в чужой стране связаны исключительно с его готовностью и желанием интегрироваться в чужую культуру. В связи с этим значительный интерес представляет исследование межкультурной осведомленности британских студентов, проведенное М. Ченг. Слабый уровень межкультурной компетенции студентов принимающей страны способствует созданию неблагоприятной образовательной среды и даже дискриминации иностранных студентов со стороны их сокурсников [233] . Исследование М. Ченг и более ранние исследования Р. Хуан и других ученых показывают, что, несмотря на многолетние дискуссии и приверженность к развитию академической мобильности и созданию открытых образовательных пространств, британские университеты не предоставляют своим студентам достаточных возможностей для развития навыков и знаний межкультурной коммуникации, которые необходимы для эффективного взаимодействия в межкультурной среде [234] . Более того, исследования уровня культурного взаимодействия в австралийских и американских университетах, проведенные Дж. Ли, Г. Вонг, подтверждают, что уровень межкультурной компетенции студентов принимающих стран очень

[233] Cheng, M., et al. (2019). The Perceived Impact of Intercultural Awareness on Peer Interaction: Study of a UK University, *In The Three Cs of Higher Education: Competition, Collaboration and Complementarity*, p. 170.

[234] Huang, R., (2008). Critical thinking: Discussion from Chinese Postgraduate International Students and their Lecturers, *In Hospitality, Leisure, Sport and Tourism Network: Enhancing Series: Internationalisation,* available at: https://www.heacad- emy.ac.uk/sites/default/files/e2_critical_thinking.pdf (дата обращения 07.01.2020).

низкий [235] , [236] . Оценивая свою собственную культуру как доминантную, студенты имеют слабые систематические знания о других культурах, осознают культурные различия часто в негативном ключе и слабо мотивированы к развитию навыков межкультурной коммуникации. Исследования подчеркивают общее отсутствие межкультурной коммуникации среди студентов и преподавателей, особенно в области преподавания и обучения, а отсутствие межкультурной коммуникации между различными группами студентов приводит к возникновению напряженности и отрицательно влияет на процессе обучения. Неблагоприятная образовательная среда может отрицательным образом сказаться на репутационном престиже как национальной системы образования в частности, так и на западной модели образования в целом.

Ни одна страна в мире не посылает больше студентов учиться за рубеж, чем Китай. В 2000 году чуть более 10 000 китайских студентов отправились за рубеж. В 2014 году в зарубежных университетах обучались 459 800 студентов, а в 2018 году их количество увеличилось до 662 100 человек. В странах ЕС количество китайских иностранных студентов в 2017 году составило 11,2% от всех иностранных студентов. Наибольшее количество китайских студентов обучаются в Великобритании, Германии, Франции и Скандинавских странах. В США в 2017 году обучалось 369 548 студентов из Китая[237].

In

an Australian Accounting Programme – An Exploratory Study, *In Accounting Education*, 24 (4), 318–340.

[237] Statista URL: https://www.statista.com/statistics/372900/number-of-chinese-students-that-study-in-the-us/ (дата обращения 05.07.2020).

Рис.5 Количество китайских студентов в ЕВПО (%)

Интересно отметить, что за выбором страны обучения стоит так называемая «моральная география», которая подразумевает тот факт, что нации и регионы внутри наций имеют свой символический порядок, обеспеченный возможностями для получения финансовый выгоды, интеллектуального роста и личностного развития[238]. «Моральная география», которая особенно крепка в современном Китае, несет в себе идеологию развития, утверждая, что некоторые страны / регионы опережают другие по своему социально-экономическому развитию. Заметное социально-экономическое расслоение современного китайского общества и резкие темпы экономического развития Китая обусловили влияние «моральной географии» с ее мнимой иерархией места, где нужно жить и работать.

Обучение за рубежом для китайцев является сегодня исключительно индивидуальным проектом саморазвития. Под влиянием широко распространенного восприятия глобальной иерархии образования обучение за рубежом, главным образом на Западе, стало средством саморазвития, способом интеграции транснациональных ценностей и компетенций в отдельные биографии. Это может быть первой ступенью для последующего трудоустройства в стране обучения и возможной иммиграции, или иностранный диплом может рассматриваться как необходимое условие для карьерного и социального роста по возвращению в Китай. Официальные рекомендации и политика составляют макрорамки для китайской образовательной миграции, но принятие решений, а также финансовое бремя несут учащиеся и их семьи.

Американская и европейская, в первую очередь британская, системы высшего образования рассматриваются как наиболее перспективные по следующим причинам:

---

[238] Hansen, A., & Thøgersen, S. (2015). Introduction: Chinese transnational students and the global education hierarchy. *In Learning and Teaching: The International Journal of Higher Education in the Social Sciences, 8*(3), 1-12.

- образование ориентировано на индивидуальные предпочтения каждого студента и дает практические знания;

- наличие оборудованных по последнему слову техники университетских лабораторий и фондов, спонсирующих проведение индивидуальных научно-исследовательских проектов, позволяет получать знания, опосредованные технологией;

- американские и британские вузы входят в ТОП 100 лучших мировых вузов;

- дипломы ведущих американских и европейских университетов признаются в большинстве стран и повышают шансы на трудоустройство не только в Китае, но и за рубежом. Важно отметить, что диплом американского вуза дает возможность дальнейшего трудоустройства в США;

- совершенствование навыков владения английским языком, который прочно утвердился в качестве основного языка научных публикаций, является доминирующим языком международного бизнеса и политики и, безусловно, является вторым языком, преподаваемым в глобальном масштабе;

- многообразие учебных заведений и их специализаций.

Однако по мере обучения в зарубежных вузах китайским студентам приходится сталкиваться с рядом социокультурных особенностей принимающих стран. Прежде всего, слабое владение английским языком не только препятствует успешному усвоению учебной программы, но и эффективной интеграции в учебное сообщество. Во-вторых, инструментальный подход к образованию со стороны китайских студентов, привычка воспринимать задание буквально плохо сочетаются с западным подходом к обучению, построенном на креативности и индивидуальном подходе. Во время учебных дискуссий, которые являются наиболее распространенной формой академических занятий, китайские студенты предпочитают не высказывать свое мнение вследствие превалирования коллективного мышления, что приводит к ограниченному участию в занятиях в классе. Более того, строгая

иерархичность китайской культуры обязывает китайских студентов с глубоким уважением относиться к учителю как к человеку, стоящему на более высокой ступени иерархии. Китайская школьная система уже выработала у них трепетное отношение к любой установке преподавателя. В западной высшей школе преподаватель не может претендовать на исключительность своего интеллектуального багажа и придерживается низкой дистанции власти со студентами, направляя их, а не указывая им, что делать.

Особый интерес вызывает исследование, проведенное WholeRen Education и опубликованное Wall Street Journal. Репутация китайских студентов, как очень работоспособных и нацеленных на конечный результат, оказалась «подмоченной»: только в 2014 году 8000 китайских студентов были исключены из американских университетов за плохую успеваемость, плагиат и списывание на экзаменах[239]. Исследователи объясняют сложившуюся ситуацию двумя факторами: неразборчивым подходом университетов, испытывающих финансовые трудности, к набору иностранных студентов, и неготовностью китайских студентов из богатых семей прикладывать усилия к обучению по высококонкурентным программам.

Если рассматривать развитие навыков межкультурной коммуникации китайских студентов, то их интеграция в студенческое сообщество происходит нелегко. Как уже отмечалось, недостаточное владение английским языком, препятствует установлению дружеских отношений с их иностранными сверстниками. Ещё одним фактором, затрудняющим интеграцию китайских студентов как в западную систему образования, так и в иностранный коллектив, является «коллективное мышление» китайцев, зависимость от социумной общины - в самом широком смысле последнего понятия. Столкновение с типичным западным индивидуализмом обычно заканчивается культурным шоком для китайцев.

---

[239] Wall Street Journal (2015) 'U.S. schools expelled 8,000 Chinese students', 6 June <http://blogs.wsj.com/chinarealtime/2015/05/29/u-s-schools-expelled-8000 chinese-students-for-poor-grades-cheating/> (дата обращения 05.07.2020.).

Известно, что британские и американские кампусы характеризуются жестким разграничением студентов по социальным стратам, что препятствует установлению дружеских контактов. Вместе с тем ситуации совместного времяпрепровождения и участие в студенческих вечеринках становится тяжелым испытанием для китайских студентов, так как употребление спиртного, зачастую чрезмерное, наркотиков, манера поведения и развлечения, типичные для западных студентов, воспринимаются их китайскими сокурсниками как асоциальное поведение. Более того, слабая осведомленность зарубежных сверстников и даже преподавателей о китайской культуре и современных реалиях Китая воспринимается китайскими студентами как оскорбление. Все перечисленные факторы ведут к взаимному отчуждению и вынужденной сегрегации китайских студентов. Инайа Ма, исследуя интеграцию китайских студентов в американское студенческое сообщество, в своей книге «Амбициозные и тревожные: как китайские студенты преуспевают и борются в американском высшем образовании» вводит понятие неорасизма как дискриминационного поведения или отношения, основанного на языке и культурных барьерах, а иногда и стране происхождения [240] . Развитию неорасизма также способствуют развязанная Трампом торговая война с Китаем и коронавирус, который американские СМИ и политики называют исключительно «китайским».

Еще одним немаловажным фактором является разочарование китайских студентов в выбранном месте обучения с точки зрения «моральной географии». Большинство западных университетов расположены не в крупных мегаполисах, которые ассоциируются у китайцев с центрами развития и прогрессом, а в сельской местности, которая, по их иерархии «моральной географии», находится на более низкой ступени. Отсутствие «городской жизни» за

[240] Ma, Y. (2020). Ambitious and Anxious: Chinese undergraduates in the Unites States. In Ambitious and Anxious: How Chinese College Students Succeed and Struggle in American Higher Education (pp. 1-25). New York, Columbia University Press. doi:10.7312/ma--18458.4 (дата обращения 09.07.2020.).

пределами университета является большой неожиданностью для китайских студентов.

Таким образом, принимая вышесказанное во внимание, можно сделать вывод, что завышенные ожидания китайских студентов о западных университетах, снижение социального статуса китайского студента в университетском кампусе совместно с традиционными установками, полученными в китайских школах, «коллективным мышлением», а также слабое понимание студентами принимающей стороны особенностей китайской культуры и современных реалий Китая препятствуют успешной интеграции посланцев Поднебесной в университетское сообщество и чужую культуру и способствуют вынужденной сегрегации китайских студентов. Тем не менее они, вне всякого сомнения, в основном продолжают упорно «грызть гранит науки», не опасаясь потерять лицо на фоне жестких аксиологических требований национально-общинного этноса.

Образование не может существовать вне культуры. Историко-культурные модели образовательного пространства тесно связаны с социокультурными ценностями образования конкретных этапов развития культурной цивилизации. Как следствие, исходное положение проекта Болонского процесса, согласно которому культурные различия и разнообразие первоначально характеризовались как проявления европейской силы, в 2005 году трансформировалось в идею, что европейское разнообразие зависит от экономического роста, сбалансированного с социальной сплоченностью [241], превратив культурное разнообразие в инструмент развития ЕВПО.

Если рассматривать данную культурную ситуацию для определения ее восприятия в зависимости от способов кодировки времени и пространства с помощью хроноскопического анализа, то мышление, характерное для политической культуры Европейского союза, строится на пространственном

[241] Bergen Communiqué. (2005). Available at: URL: http://www.ehea.info/media.ehea.info/file/2005_Bergen/52/0/2005_Bergen_Communique_english_580520.pdf (дата обращения 10.01.2020.).

коде. Локализация европейского политического идеала по отношению к действительности находится в будущем, «а напряженность между идеалом и действительностью разрешается на основе укрепления институциональных возможностей реализации идеальных критериев в политической деятельности»[242]. Более того, стремление расширить границы европейского пространства высшего образования свидетельствует, по мнению Д. Горина, об имперском стиле мышления. Действия европейской политической элиты и бюрократического аппарата, направленные на постоянное расширение ЕПВО и отражающие имперские амбиции, формируют культурное восприятие, построенное по логике геополитики, а не хронополитики.

Обзор публикаций зарубежных авторов за 2018-2020 годы, посвященных проблемам проекта Болонского процесса и развитию ЕПВО, позволил выявить следующие тенденции развития европейского высшего образования. Значительное увеличение нормативной силы ЕС способствовало **европеизации** высшего образования, укреплению политической и экономической централизации образования, разработке политических инструментов регулирования рынка образовательных услуг. Разработка и внедрение открытого метода координации и мягкая политика интеграции национальных образовательных систем в ЕПВО базируется на политических соглашениях, когнитивных и нормативных процессах и включает в себя формулирование общих целей для систем образования и обучения членов-государств, установление европейских показателей и ориентиров, принятие каждым государством-членом мер и целевых показателей для содействия и достижения общих европейских целей и ориентиров. ЕС, формулируя общие цели развития образования, координирует интеграцию национальных образовательных систем в ЕВПО с целью не только укрепления экономической политики и

[242] Горин Д. Г. Хронополитический анализ трансформации идеологического знания // Среднерусский вестник образовательных наук. 2016. № 11 (5). С. 131.

конкурентоспособности, но и, что очень актуально с развитием миграционных потоков, повышения социальной сплоченности[243].

Формирование образовательной политики ЕС с учетом потребностей рынка труда окончательно превратило образование в «товар». Ориентация на экономическую сообразность при разработке учебных программ и игнорирование культурных и социальных аспектов образования способствовали **коммодификации высшего образования**, которое теперь регулируется процессами и инструментами, типичными для рыночной экономики. Поворотный момент в европейской образовательной политике ознаменовался принятием документа о «Переосмыслении образования - инвестирование в навыки для улучшения социально-экономических результатов», окончательно сдвинувшего образование в категорию «товара»[244]. Сегодня практически все документы и инициативы, которые вносят вклад в европейскую образовательную политику, создаются и координируются службами Европейской комиссии, и многие из них разрабатываются в рамках стратегии ЕС2020, которая является открытой экономической повесткой дня и направлена на повышение конкурентоспособности ЕС на мировых рынках. Неприкрытая инструментализация европейского образования уменьшает ценность личностных, культурных и социальных аспектов обучения и закрепляет одномерный взгляд на образовательные программы, ориентированные на экономическую функциональность. При современном подходе европейское высшее образование рассматривается, с одной стороны, как инфраструктура и инструмент для повышения экономических показателей, для управления безработицей и для повышения социальной сплоченности[245]. С

---

[243] Berlin Communiqué. (2003). Available at: URL: http://www.ehea.info/media.ehea.info/file/2003_Berlin/28/4/2003_Berlin_Communique_English_577284.pdf (дата обращения 10.01.2020.).

[244] EC (European Commission). 2012b. “Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions”. Rethinking Education: Investing in skills for better socio-economic outcomes (COM(2012) 669 final). http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ TXT/?uri=CELEX:52012DC0669. (дата обращения 17.11.2019).

[245] Fátima Antunes (2019): Europeanisation and adult education: between political centrality and fragility, Studies in Continuing Education, DOI: 10.1080/0158037X.2019.1615425.

другой стороны, образование приравнивается к товару, спрос на который определяется потребностями рынка труда и который поставляется государственным и частным секторами и регулируется процессами и инструментами, типичными для рыночной экономики.

Европеизация высшего образования, уменьшение ценности личностных, культурных и социальных аспектов обучения приводит к росту наднациональных региональных совместных инициатив и, соответственно, к **регионализации образования**[246]. Например, правительство Великобритании разработало административные стратегии, которые позволили бы им минимизировать влияние ЕС на их национальное образовательное пространство [247]. Стоит отметить, что не все страны-участницы проекта Болонского процесса обладают достаточным политическим и экономическим ресурсом, чтобы последовать примеру Великобритании. Однако они вполне могут замедлить темпы интеграции национальных образовательных систем в единое образовательное пространство или выбирать собственные стратегии развития, что и происходит.

Неспособность европейской модели социально-либерального капитализма абсорбировать чуждое им мировоззрение и традиции других культур, отсутствие «эффективных механизмов интеграции носителей иных культур, действенной идеологической «рамки», способной обеспечить взаимодополняемость этих культур» [248] привели к краху идеи мультикультурализма и способствовали росту популистских движений.

---

[246] Chou, Meng-Hsuan, and Pauline Ravinet. 2015. “The Rise of ‘Higher Education Regionalism’: An Agenda for Higher Education Research.” In The Palgrave International Handbook of Higher Education Policy and Governance, edited by Jeroen Huisman, Harry de Boer, David D. Dill, and Manuel Souto-Otero, 361–378. London: Palgrave Macmillan.

[247] Brooks, R. (2019): The construction of higher education students within national policy: a cross-European comparison, Compare: A Journal of Comparative and International Education, DOI: 10.1080/03057925.2019.1604118.

[248] Рябов А. В. Парадоксы современного популизма. Причины его взлета в развитых демократиях и отсутствия на постсоветском пространстве. // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссия. 2017. № 1-2 (124). С. 52.

На данном этапе развития ЕС европеизация образования преследует цель замещения социокультурной идентичности гражданской идентичностью. Социокультурная идентичность базируется на социальных и культурных ориентирах, таких как культурные традиции, историческая память, поколенческая преемственность, культурная безопасность и другие. Действия евробюрократов хотя и имитируют попытки сохранить и интегрировать ценности разнообразных культур, на самом деле направлены на унификацию и уничтожение культурного разнообразия. Каждая нация заинтересована в сохранении достижений своей культуры, определении отношения к прошлому и настоящему, этическим нормам, религиозной культуре. Во второй половине XX века такие страны, как Франция, Германия, Великобритания и другие, стали резко терять этнокультурную однородность. Усиление притока мигрантов с сильными культурными традициями и действия евробюрократов угрожают культурной безопасности отдельных стран и создают внутреннюю неоднородность культурных традиций. Если в угоду толерантности и политкорректности принижаются ценности той или иной культуры, в том числе и религиозной, то это может иметь катастрофические последствия для развития той или иной нации. Сейчас в Европе наблюдается усиление позиций ислама, определяющего уклад жизни мусульман и их мировоззрение. В то же время христианство для большинства жителей европейский государств является скорее признаком социокультурной идентичности. На этом фоне желание ряда политиков забыть роль христианства в становлении Европы ради краткосрочных политических целей может способствовать закату европейской христианской цивилизации.

3.2. Развитие межкультурной чувствительности как задача современного высшего образования

Развитие единых образовательных пространств и рост академической мобильности способствуют развитию межкультурной компетенции. Довольно

длительное пребывание в чужой стране погружает иностранного студента в местную и профессиональную культуру и создает идеальную среду для развития межкультурной компетенции. Студенты с разными культурными особенностями и мировоззрением оказываются в одной среде, что неизбежно ведет к культурному разнообразию в контексте обучения. Необходимость правильно оценивать и справляться с разными ситуациями в мультикультурной среде и выстраивать межкультурное общение с людьми, имеющими разные культурные ценности и убеждения, с одной стороны, создает условия для личностного развития, а с другой стороны, враждебную образовательную среду, где недопонимание, расовая напряженность и стереотипы могут отрицательно повлиять на академические успехи и психическое здоровье иностранных студентов [249] . Ряд ученых задались вопросом: влияет ли культурная дистанция на интенсивность процесса адаптации студента к культуре страны, в которой он обучается? С. Фитцсиммонс утверждает, что когда культурная дистанция незначительна, то процесс адаптации студента происходит легче и быстрее, так как культурные мировоззрения имеют много общего [250] . Например, студент из Китая столкнется с гораздо меньшими культурными потрясениями, если продолжит обучение в Южной Корее, по сравнению с пребыванием во Франции. С другой стороны, Дж. Букен считает, что значительная культурная дистанция между страной проживания студента и страной, где проходит его обучение, способствует более интенсивному развитию межкультурной коммуникации[251].

Рассматривая лингво-коммуникационные барьеры, с которыми сталкиваются иностранные студенты, исследователи традиционно

---

[249] Ancis, R. Julie, William E. Sedlacek, and Jonathan J. Mohr. 2000. ‘Student Perceptions of Campus Cultural Climate by Race’. *Journal of Counseling & Development* 78 (2): 180–185.

[250] Fitzsimmons, Stacey R. 2013. ‘Multicultural Employees: A Framework for Understanding How They Contribute to Organizations’. *Academy of Management Review* 38 (4): 525–549.

[251] Boonen, Joris, et al. 2019. “The Development of Intercultural Competencies During a Stay Abroad: Does Cultural Distance Matter?” *The Three Cs of Higher Education: Competition, Collaboration and Complementarity*, edited by Rosalind M. O. Pritchard et al., Central European University Press, Budapest; New York, 2019, pp. 185–202. *JSTOR*, www.jstor.org/stable/10.7829/j.ctvs1g987.15. (дата обращения 18.04.2020.).

рассматривают их с точки зрения студента, обучающегося в другой стране и его уровня межкультурной компетенции. Трудности, связанные с усвоением материала и особенностями работы на занятиях, традиционно относят к уровню владения иностранным языком и прилежанию. Проблемы, связанные с расширением круга знакомств с представителями другой культуры, объясняются недостаточным уровнем межкультурной коммуникации. Таким образом, получается, что проблемы с адаптацией иностранного студента в чужой стране связаны исключительно с его готовностью и желанием интегрироваться в чужую культуру.

Исследование М. Ченг[252] и более ранние исследования Р. Хуан[253], Д. Деардорфф[254] и других ученых показывают, что, несмотря на многолетние дискуссии и приверженность к развитию академической мобильности и созданию открытых образовательных пространств, британские университеты не предоставляют своим студентам достаточных возможностей для развития навыков и знаний межкультурной коммуникации, которые необходимы для эффективного взаимодействия в межкультурной среде. Более того, исследования уровня культурного взаимодействия в австралийских и американских университетах, проведенные Дж. Ли[255], Г. Вонг[256], подтверждают, что уровень межкультурной компетенции студентов принимающих стран очень низкий. Оценивая свою собственную культуру как доминантную, студенты имеют слабые систематические знания о других культурах, осознают культурные различия часто в негативном ключе и слабо

---

[252] Cheng, M., et al. (2019). The Perceived Impact of Intercultural Awareness on Peer Interaction: Study of a UK University, *In The Three Cs of Higher Education: Competition, Collaboration and Complementarity*, p. 170.

[253] Huang, Rong. 2008. ‘Critical thinking: Discussion from Chinese Postgraduate International Students and their Lecturers’. *Hospitality, Leisure, Sport and Tourism Network*: Enhancing Series: Internationalisation. Retrieved from https://www.heacad- emy.ac.uk/sites/default/files/e2_critical_thinking.pdf.

[254] Deardorff, K. Darla. 2006. ‘Identification and Assessment of Intercultural Compe- tence as a Student Outcome of Internationalization’. *Journal of Studies in International Education* 10 (3): 241–266.

[255] Lee, J. Jenny, and Charles Rice. 2007. ‘Welcome to America? International Student Perceptions of Discrimination’. *Higher Education* 53 (3): 381–409.

[256] Wong, Grace, Barry J. Cooper, and Steven Dellaportas. 2015. ‘Chinese Students ’Perceptions of the Teaching in an Australian Accounting Programme – An Exploratory Study’. *Accounting Education* 24 (4): 318–340.

мотивированы к развитию навыков межкультурной коммуникации. Исследования подчеркивают общее отсутствие межкультурной коммуникации среди студентов и преподавателей, особенно в области преподавания и обучения, а отсутствие межкультурной коммуникации между различными группами студентов приводит к возникновению напряженности и отрицательно влияет на процесс обучения. Неблагоприятная образовательная среда может отрицательным образом сказаться на репутационном престиже как национальной системы образования в частности, так и на западной модели образования в целом.

Весьма интересен подход Китая к развитию межкультурной чувствительности в рамках создания благоприятной образовательной среды и формирования позитивного международного имиджа страны с помощью высшего образования как инструмента «мягкой силы». Работа по развитию межкультурной чувствительности ведется одновременно в двух направлениях - со студентами и с профессорско-преподавательским составом.

Для успешной адаптации студентов китайским университетам рекомендуется проводить предварительную оценку уровня осведомленности иностранных студентов о китайской культуре и уровне владения китайским языком. Поскольку большинство иностранных студентов получают финансовую поддержку, предоставляемую Китайским стипендиальным советом, также рекомендуется, чтобы университеты совместно с китайскими посольствами и консульствами по всему миру проводили ознакомительные занятия в онлайн- и офлайн-форматах, которые помогут иностранным студентам адаптироваться к будущей образовательной среде. Иностранные студенты должны быть лучше осведомлены о существенных особенностях китайской культуры, которые выражаются, например, в способах мышления и привычках общения, окружающей среде и системе образования еще до приезда в Китай. Для успешной межкультурной коммуникации и академической успеваемости очень важно, чтобы они понимали всепроникающее влияние конфуцианских взглядов на коммуникативную компетентность в Китае. Как

справедливо отмечает К. Пратт, «конфуцианство рассматривает коммуникативную компетентность в контексте морали и искренности коммуникатора, поскольку он или она связаны с чувствительностью получателя; в Соединенных Штатах акцент делается на инструментальном стиле, ориентированном на отправителя, который фокусируется на коммуникационных целях и убедительности»[257]. Считается, что такие занятия в преддверии обучения в китайских вузах будут способствовать снижению неоправданных чрезмерных ожиданий иностранных студентов, основанных на слабом знании китайской культуры, и лучше подготовят студентов в психическом плане к адаптации в новой учебной среде. Во время прохождения обучения в китайских вузах иностранным студентам следует продолжать предоставлять ознакомительный курс об особенностях китайской культуры.

Хороший уровень владения китайским языком является необходимым условием академической успеваемости. Китайские университеты готовы предоставлять одногодичные курсы китайского языка для иностранных студентов. С целью повышения межкультурной коммуникации предлагается разбить курс на две части. Первую часть курса рекомендуется посвятить разговорному китайскому языку, что может помочь иностранным студентам лучше интегрироваться в общество и свободнее общаться, а также легче решать рутинные вопросы. Языковые образовательные программы рекомендуется составлять на базе ролевых игр и аутентичных диалогов. Также преподавателям рекомендуется предоставить студентам обратную связь об их поведенческих моделях и использованных речевых оборотах, чтобы они лучше обосновали свои действия и распознавали потенциальные трудности, к которым может привести их текущий уровень владения языком и уровень осведомленности о межкультурных различиях. Такие языковые занятия могут повысить

[257] Pratt, Cornelius B. and Akhtar, Nadeem and Gillani, Awais H., China’s Educational Soft Power: International Students ’Perceptions of Classroom Instruction in Wuhan-Area Universities (November 20, 2015). Presented at the Eighth International Conference on Intercultural Communication, School of Journalism and Communication, Wuhan University, China, November 20–22, 2015. Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=3413508 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3413508.

коммуникативную компетенцию иностранных студентов и избежать практических неудач в межкультурной коммуникации. Вторую часть курса рекомендуется посветить развитию академических навыков китайского языка и изучению терминологии, чтобы облегчить студентам изучение основных дисциплин.

Для развития межкультурной коммуникации всех студентов университетам рекомендуется проводить изучение специальных тем в контексте разных стран, подчеркивая особенности и общность культурных мировоззрений в тех или иных аспектах. Помимо этого, университетами предпринимаются усилия по развитию межкультурной коммуникации не только в аудитории, но и в студенческом кампусе.

Китайские университеты прекрасно отдают себе отчет, что китайская система обучения имеет исторически обусловленные иерархические, авторитарные отношения между преподавателем и студентом. Именно развитие межкультурной компетенции среди профессорско-преподавательского состава является важной задачей в продвижении высшего образования Китая для обеспечения его репутационного престижа на международной арене. С этой целью китайским университетам рекомендуется проводить семинары и конференции, вовлекать китайских профессоров в диалог в рамках широко распространенных культурных практик. Развитие культурной чувствительности преподавателей имеет решающее значение для создания благоприятной образовательной среды. С целью облегчения восприятия материала иностранными студентами китайским преподавателям рекомендуется дублировать презентации на английском языке.

Проведение ежегодных общеуниверситетских мероприятий, включающих отзывы студентов об учебных программах и участии в классной и проектной деятельности, а также международных конференций в сфере развития образовательных моделей, академической мобильности и межкультурной компетенции, обеспечивает платформу для создания и поддержания международного престижа высшего образования в Китае, способствует

привлечению иностранных учащихся и превращает высшее образование в инструмент «мягкой силы».

Знание и понимание культурных особенностей партнеров и участников способствуют успешному взаимодействию в условиях мультикультурного общества. В этом контексте заслуживает рассмотрения модель развития межкультурной чувствительности, разработанная американским ученым Мильтоном Беннетом [258] . Понимая культурную компетентность как возможность саморегулирования поведения человека в контексте той или иной конкретной ситуации в зависимости от культурного контекста, ученый замечает, что поведение человека и его действия оказывают влияние на межкультурное общение, в частности, и культуру личности в целом. Он подчеркивает, что понимание и толерантность к чужой культуре строится не на выявлении общих особенностей, а на восприятии культурных различий. Считая стратегию ассимиляции несостоятельной, ученый предлагает, что осознание и постепенное понимание ценностей и системы оценок, характерных для собственной культуры, и дальнейшее постепенное понимание межкультурных различий и ценностей чужой культуры осуществляется в несколько этапов. Сначала человек не видит различий между собственной культурой и чужой. Со временем чужая культура перестает отрицаться и воспринимается как возможно допустимая. По мере развития межкультурной чувствительности человек допускает существование альтернативного мировоззрения и уже приобретает компетенцию отбора и интеграции элементов различных культур в свою собственную, обогащая ее таким образом. Потенциал использования компетенции межкультурной коммуникации по мере того, как воспринимаемая организация культурных различий становится все более сложной, а культурный опыт более широким. Предлагая линейную модель континуума возрастающей чувствительности к культурным различиям, М. Беннет определяет два основных этапа - этноцентристский и этнорелятивистский, включающих

[258] Bennett, M. (2004). Becoming interculturally competent. In J. Wurzel (Ed.), *Toward multiculturalism: A reader in multicultural education* (2nd ed., pp. 62-77). Newton, MA: Intercultural Resource.

следующие позиции, характеризующие общие способы организации восприятия культурных различий в личный опыт. Континуум модели развития межкультурной чувствительности начинается с позиций отрицания, защиты и умаления, типичных для этноцентризма, когда собственной культуре отводится доминантная позиции, и продолжается через этапы принятия, адаптации и интеграции. Последние три этапа происходят, когда ценности собственной и чужих культур рассматриваются в контексте конкретной ситуации. Развитие межкультурной чувствительности происходит в непрерывной последовательности этапов личностного роста и, по мнению М. Беннета, применимо ко всему, что определяется как культурное различие. Культуры принципиально различаются тем, как они создают и поддерживают мировоззрение. Культурная глобализация способствует динамике трансформации культур, что обусловливает трансформацию межкультурных различий и развитие межкультурной коммуникации.

Первым этапом модели развития межкультурной чувствительности является отрицание. М. Беннет подразделяет его на две категории:

- отрицание вследствие незаинтересованности, когда изолированные в собственной культуре люди неспособны даже замечать и интерпретировать культурные различия;
- отрицание вследствие избегания, которое происходит из-за преднамеренной культурной изоляции для защиты собственного мировоззрения.

На данном этапе характерно возведение барьеров по расовым, этническим, гендерным, религиозным и другим основаниям, что в крайних случаях может выливаться в присвоение более низкого социокультурного статуса тем, кто воспринимается как «другой».

На втором этапе - Защите - люди уже способны осознавать собственную культуру и способны выстраивать иерархию культур. Так же, как и на предыдущем этапе, Защита подразделяется на несколько категорий:

- Защита через клевету и защита через превосходство возводят собственную культуру на вершину развития цивилизации и порочат другие культуры негативными стереотипами. Собственное культурное мировоззрение защищается путем преувеличения положительных аспектов по сравнению с другими культурами, в то время как любое положительное или даже нейтральное упоминание о чужой культуре может быть истолковано как критика своей собственной;

- защита через обращение является диаметрально противоположной позицией, когда тенденция видеть в другой культуре превосходство в ущерб своей собственной.

На данном этапе культурное различие признается, что свидетельствует о начале развития межкультурной чувствительности и выходе за пределы отрицания. Однако для второго этапа характерна борьба посредством защиты культурно-бинарного мировоззрения, данного через противопоставление «мы» и «они». В. Кнежевич и Б. Братина справедливо отмечают, что этот этап является основной характеристикой современного европейского колониализма и присутствует в современной неоколониальной практике США. По их мнению, в данной ситуации этноцентризм, которым пользуется Беннет, является культуроцентричным вследствие «исключительности» политической культуры, базирующейся на «фиксированных» ценностях.[259]

Третий этап - Умаление - характеризуется достижением межкультурной чувствительности и признанием представителей разных культур равными в общечеловеческом плане. Именно на этом этапе люди говорят об единстве базовых ценностей вне зависимости от культуры, закрывая глаза на культурные особенности своей и чужой культур и отрицая необходимость их понимания для дальнейшего личностного развития. В процессе межкультурной коммуникации культурные особенности представителей других культур истолковываются как знакомые категории собственного мировоззрения. Беннет

[259]Кнэжевич В. Д., Братина Б. Р. Модель развития межкультурной сензитивности Мильтона Беннета - действительно культурная? // Концепт: философия, религия, культура. 2017.№ 2. С. 21.

упоминает две формы минимизации: физический универсализм посредством физического сходства и трансцендентный универсализм посредством универсальных ценностей. На данном этапе можно часто услышать фразу: «Независимо от культуры, мотивы людей остаются неизменными». Признавая сходство между собой и представителем иной культуры, мы тем не менее не пытаемся взглянуть глубже и понять, что именно движет им.

Четвертый этап - Принятие - отводит важную роль культурному контексту и знаменует переход от культуроцентризма к культурорелятивизму. Теперь люди признают, что модель поведения и ценности определяются культурным контекстом, а следовательно, существуют альтернативные культурные мировоззрения. Признание относительности культурных ценностей становится главным элементом развития культурной чувствительности. Различные культурные мировоззрения закладывают основу культурных вариаций в поведении, а ценности рассматриваются как проявление человеческой способности освоения мира.

Пятый этап - Адаптация - характеризуется сознательным изменением поведения. По мнению Беннета, принимая мировоззрение другой культуры и испытывая межкультурную эмпатию, мы можем сознательно изучать и реорганизовывать свое поведение, исходя из культурного контекста, в котором мы находимся. Оказываясь в чужой культурной среде, мы действуем исходя из мировоззрения той культуры, а не из своей собственной. Добровольное расширение культурного сознания способствует естественной адаптации новых социокультурных кодов. Границы культурных категорий становятся более гибкими и проницаемыми, а саморефлексивное сознание позволяет намеренно расширять опыт в различных культурных контекстах. Например, студент, проходящий обучение за рубежом, отдает себе отчет, что ему придется адаптироваться по крайней мере к некоторым культурным различиям. Существенным инструментом адаптации к чужой культуре является овладение языком данной культуры. Язык, как и культура, представляет собой систему знаков и формирует мышление. Лексика и форма передачи мысли на

иностранном языке отражают некоторые специфические особенности, свойственные данному национальному мировоззрению. По мере совершенствования уровня владения иностранным языком на хорошем уровне студент получает возможность лучше понять социокультурное ядро другой культуры и выйти на следующий уровень социокультурной чувствительности.

Последним этапом модели социокультурной чувствительности является Интеграция, когда чужая культура начинает восприниматься как своя. Мультикультурная личность способна оценивать ситуацию в различных культурных контекстах и выбирать наиболее подходящую в данной ситуации модель поведения. Человека, достигшего последнего уровня континуума межкультурной чувствительности, сложно отнести к какой-либо конкретной культуре. Беннет говорит о возможности конструктивной маргинальности, когда мультикультурная личность теряет естественную культурную идентичность. Чаще всего такой уровень межкультурной коммуникации характерен для билингвов, имеющих два культурных мировоззрения, мирно сосуществующих друг с другом.

Идея развития межкультурной чувствительности нашла свое воплощение в создании в 2006 году научно-исследовательского института межкультурного развития, имеющего филиалы в США и Италии. Данное учреждение является некоммерческой организацией, и его работа сосредоточена на развитии межкультурных социальных отношений и изучении форм социальной адаптации. Институт М. Беннета не только занимается разработкой практического научно-исследовательского подхода к внутренним и внешним межкультурным отношениям, но и пытается продвигать идею конструктивистской межкультурной компетенции в публичном дискурсе. Работа ведется в сферах бизнеса, образования и политики.

Признавая конструктивистское межкультурное сознание как ключ к созданию атмосферы культурного разнообразия в мультикультурных организациях и сообществах, научно-исследовательский институт межкультурного развития поддерживает фундаментальные исследования по

развитию межкультурной чувствительности в государственном и частном секторах во всем мире. Работа ведется на трех уровнях. В частности, на уровне научно-исследовательского института ведется тесное сотрудничество с университетами США, Италии, Австрии, Индии с целью создания теоретического основания развития межкультурного поля. В сфере образования подразделение института М. Беннета - академия развития межкультурной чувствительности - предлагает теоретические и практические курсы, основанные на последовательной теории развития межкультурной чувствительности и проведенных исследований. Целью работы академии является продвижение науки и сложной практики, которая сохраняет лучшее из межкультурного общения прошлого и помогает развитию межкультурного общения, отвечая на вызовы XXI века. Совместная работа с зарубежными институтами, представителями бизнеса и неправительственными организациями нацелена на проведение контактных исследований и разработку учебных приложений для программ обеспечения справедливости и интеграции на национальном уровне и способствует международной мобильности.

Консалтинговое подразделение института участвует в программах повышения квалификации для корпоративных менеджеров и руководителей (Евопейский центр исполнительного развития (Франция), Программа глобального лидерства (Лос-Анджелес, Париж, Шанхай, Дели)), а также обеспечивает наращивание межкультурного потенциала для крупных консалтинговых компаний (Ernst and Young, Hewitt, и другие). Больше внимания уделяется межкультурному направлению международного образования посредством организации программ, направленных на создание атмосферы уважения культурного разнообразия. Пытаясь действовать в качестве подрядчика для правительственных и неправительственных организаций, которые отвечают за местные программы развития, институт М. Беннета принял участие в партнерской программе ТАСИС Узбекистана, провел тренинг для работников Агентства международного сотрудничества и

партнерства ЕС, а также участвовал межкультурной программе Министерства нефтяной промышленности Казахстана.

3.3. Культурные трансформации международной системы высшего образования XXI века на примере МГИМО МИД России

Высшее образование - сфера воспроизводства и развития человеческого фактора, ресурс цивилизационных изменений и важная часть общественного развития. Резкий рост информационных технологий, доступ к информации и транспарентность национальных границ - источник новых проблем и вызовов, характерных для XXI века, которые, в свою очередь, формируют стратегию культурной политики, определяют место и роль высшей школы в ее эффективной реализации.

Новые социально-экономические реалии оказывают существенное воздействие на модернизацию современного образования. Целью образования становится создание среды трансформации общественных отношений, развитие межкультурного взаимодействия и становление мультикультурного общества, разработка новых форм социального поведения, воспитание гражданской идентичности и сохранение этнического разнообразия.

Создание европейского пространства высшего образования (ЕВПО) в рамках проекта Болонского процесса позволило укрепить нормативную силу ЕС, повысить конкурентоспособность европейского образования, привлечь талантливых студентов в европейские университеты. Рост престижа европейского образования способствовал не только развитию академической мобильности, но и «утечке мозгов» в Европу. Неудивительно, что многие страны рассматривали интеграцию своих национальных образовательных систем в европейское образовательное пространство как их модернизацию. По мере развития межвузовского сотрудничества в рамках проекта Болонского процесса образование переориентировалось с госзаказа на потребности рынка труда. Расширялась автономия вузов, совершенствовались механизмы

управления вузами, развивалось сотрудничество высших учебных заведений с бизнес-структурами и потенциальными работодателями, квалификации приводились с соответствие с потребностями рынка. Переориентация университетских программ обучения, более тесные связи с бизнес-сообществом, необходимость поиска дополнительных источников финансирования приводят к возникновению в реалиях современной экономики знаний формуле "научные исследования - образование - инновации". Основными положительными моментами расширения европейского образовательного пространства стало повышение качества образования, доступ к образованию и использование современных информационных технологий в процессе обучения. К негативным последствиям западные исследователи ЕВПО относят инструментализацию европейского образования и его европеизацию, под которой подразумевается усиление политического аспекта образования[260].

Британские университеты занимают лидирующие позиции по числу иностранных студентов. В 2019 году треть всех иностранных студентов ЕС (485 645 человек), обучающихся по программам бакалавриата и магистратуры, проходили обучение в британских вузах. Британские университеты традиционно разделяются на три типа: старейшие университеты (Ancient Universities), которые отличаются академической направленностью обучения; университеты нового поколения (Red Brick Universities), которые получили статус университета после Первой мировой войны и характеризуются практической направленностью обучения; университеты новейшего поколения, получившие свой статус после 1963 года и нацеленные на развитие экспорта образовательных услуг и продвижение межвузовского взаимодействия в рамках ЕВПО.

Общее количество студентов высших учебных заведений Соединенного Королевства составило 2 383 970 человек в 2018/19 году, увеличившись на 2%

[260] Fátima Antunes (2019): Europeanisation and adult education: between political centrality and fragility, Studies in Continuing Education, DOI:10.1080/0158037X.2019.1615425.

по сравнению с 2017/18 годом[261]. Это объясняется ростом числа иностранных студентов из стран, не входящих в ЕС. Основными импортерами британского высшего образования являются Китай – 120 385 человек (35% иностранных студентов из стран, не входящих в ЕС) и Индия – 26 685 человек.

Британское высшее образование считает передачу знаний и умений основной целью образования. Его главной характеристикой является «направленность на практику» [262] . Одновременно британское научное сообщество сумело осознать самодостаточность знания как его особое качество и сферу бесконечного изучения тайн природы и человека.

Интерес представляет тот факт, что несмотря на то, что британское образование пользуется спросом у иностранных студентов, большинство местных студентов ограничивается обучением по программе бакалавриата и лишь только один из пяти решает продолжить обучение в магистратуре.

Следуя логике рыночных реформ, перевод британских университетов на модель, основанную на конкуренции, неизбежно привел к делению университетов на «победителей» и «проигравших». Нынешнее правительство Великобритании, в которое входят представители консервативной и либерально-демократической партий, сняло ограничение количества студентов на курс. Такая попытка поощрения межвузовской конкуренции имела весьма неожиданные последствия. Во-первых, число поступающих регулярно превышает количество преподавателей, что привело к повышению академической нагрузки профессорско-преподавательского состава и снижению качества образования. Во-вторых, пытаясь привлечь большее число студентов, университеты тратят огромные суммы на рекламу. Например, университет Центрального Ланкашира (University of Central Lancashire) в 2017-

[261] Higher education students statistics. 2020. URL: https://www.hesa.ac.uk/news/16-01-2020/sb255-higher-education-student-statistics/numbers (Дата обращения 01.08.2020).
[262] Чертовских О. В. Британский университет: методы, формы и содержание учебного процесса // Человеческий капитал. 2015. № 8 (80). С. 16.

2018 учебном году потратил на маркетинг 3,4 миллиона фунтов стерлингов[263]. Привлекая свою целевую аудиторию, вуз использует разнообразные информационно-имиджевые ресурсы: официальный сайт, размещение рекламы на билбордах и автобусах, рекламные брошюры. Активная реклама превращает вуз в бренд, «который гарантирует качество образования и высокую конкурентоспособность»[264]. В-третьих, британские университеты, занимающие высокие позиции в рейтингах университетов по стране, задействуют свои ресурсы для агрессивного расширения и привлечения студентов и профессорско-преподавательского состава из университетов среднего уровня, что отрицательно сказывается на уровне преподавания. Сейчас среди британских университетов, особенно «новых», отмечается тенденция повысить свой рейтинг за счет неразборчивого привлечения иностранных студентов, расширения научной деятельности профессорско-преподавательского состава за счет снижения качества преподавания и участия в межвузовских научных проектах в рамках ЕВПО [265] . И наконец, инструментализм высшего образования, стремление ориентироваться на потребности рынка негативно отразились на программах обучения, снизив количество часов или исключив те дисциплины, которые необходимы для культурного и всестороннего развития, но не пользуются спросом у современных студентов, таких как история или культурология. Неудивительно, что результатом такой политики стал инструментализм высшего образования, нездоровая конкуренция вузов и, в конечном итоге, кризис образования.

[263] Jones, O. Market economics has driven universities into crisis – and we're all paying the price // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/feb/14/market-universities-crisis-staff-strike (дата обращения 01.08.2020).
[264] Дьякова Е. Ю. Использование социально-политического феномена Brexit в создании имиджа британских университетов // Вестник ВГУ. 2019. № 2. С. 29.
[265] Володин С. Ф., Володина Т. А. Социальная рутина высшего образования: опыт анализа «новых» университетов Великобритании социологом Джейми Хардингом // Университет XXI века: научное измерение. 2019. С. 267-272.

Современная система образования построена на принципах «академического капитализма»[266]: образование последовательно превращается из ценности в товар, а студенты - в потребителей. Принимая во внимание высокую плату за обучение, британский студент ожидает, что диплом о высшем образовании будет гарантировать ему высокооплачиваемую профессию. Но выход Великобритании из Евросоюза, глобальная экономическая рецессия, вызванная эпидемией коронавируса, не способствовали росту британской экономики и увеличению квалифицированных рабочих мест. Наоборот, экономическая нестабильность в преддверии Брексита, спровоцировавшая вывод бизнеса в Европу и сокращение рабочих мест, привела к разочарованию британских студентов в современном высшем образовании, как не соответствующем их ожиданиям в плане дальнейшего трудоустройства.

Брексит также отрицательно отразился на британских университетах. Опрос представителей ассоциации университетов Великобритании (Universities UK) показал, что 80% британских вузов обеспокоены последствиями выхода из ЕС без сделки. Прежде всего это касается изменения сотрудничества с зарубежными партнерами, участия в совместных научно-исследовательских проектах, доступа к финансированию научных исследований, сокращения академической мобильности. Проблема получения студенческой визы для продолжения обучения в Великобритании коснется 130 000 европейских студентов. Министр высшего образования Мишель Донелан (Michelle Donelan) объявила, что, как следствие, студенты Великобритании, ЕС и стран ЕЭЗ будут классифицированы как иностранные, начиная с 2021/22 учебного года. С них будет взиматься полная плата за обучение (в некоторых случаях до 20 000 фунтов стерлингов), они будут лишены доступа к ссуде на плату за обучение и больше не будут иметь право на получение средств из фондов,

[266] Судибор О. Л. Зарубежный опыт управления процессами интернационализации в высшем образовании: Великобритания // Вестник университета Туран. 2018. № 3 (79). С. 241.

обеспечивающих потребности студентов[267]. Прохождение курсов британскими студентами в европейских странах по программе студенческого обмена Erasmus+ также становится неопределенным в связи с визовыми требованиями и финансированием их обучения. Больше половины университетов отмечают сокращение заявок от европейских студентов на прохождение обучения в Великобритании, а 60% заявили, что уже потеряли существующих или потенциальных сотрудников из-за рубежа[268]. Правительство Бориса Джонсона надеется установить более тесное и амбициозное партнерство с ЕС в сфере образования. После выхода из Евросоюза такое партнерство Великобритания может заключить только с позиции страны, входящей в Европейскую ассоциацию свободной торговли, или страны, имеющей смежные границы с ЕС. И хотя британское правительство категорически отказывается рассматривать возможность «ассоциированного членства», оно является ключевым условием для грантополучателей Европейского исследовательского совета, желающих заниматься исследовательской работой в Великобритании. Прекращение сотрудничества в рамках программы Horizon 2000 или Framework Programme 9 несет угрозу значительной утечки мозгов в страны ЕС или другие, осуществляющие сотрудничество в рамках этих программ[269]. Особый интерес вызывает призыв бывшего министра высшего образования Джо Джонсона (Jo Johnson) сделать экспорт образования центральным элементом торговой стратегии Великобритании после Брексита, чтобы правительство Великобритании уделяло приоритетное внимание либерализации торговли и сотрудничеству в области научных исследований и образования. Еще одним

[267] Csontos, G. Making EU students pay higher fees is a blow for social mobility // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/education/2020/jul/04/making-eu-students-pay-higher-fees-is-a-blow-for-social-mobility (дата обращения 02.08.2020).

[268] Adams, R. Only half of UK universities ready for no-deal Brexit – study // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/education/2019/sep/16/only-half-of-uk-universities-ready-for-no-deal-brexit-study (дата обращения 02.08.2020).

[269] Deketelaere, K. (2018). The labyrinth of EU research, innovation, and education policy. *Places of Engagement: Reflections on Higher Education in 2040 - A Global Approach* (pp. 113-118). Amsterdam: Amsterdam University Press. doi:10.2307/j.ctvfjd0xs.20.

предложением Джонсона стало переориентация деятельности Британского Совета с целью замены участия Великобритании в программе Эразмус Плюс[270].

Развитие движения за социальное равенство в доступе к качественному высшему образованию коснулось даже таких университетов, как Оксфорд и Кембридж. Элитизм старейших британских университетов не вызывает сомнений. Эти университеты считаются «кузницей» британских и зарубежных политиков высшего эшелона. Степень Оксфордского университета по философии, политики и экономике получили британские премьер-министры Эдвард Хит, Гарольд Уилсон и Дэвид Камерон, президент США Билл Клинтон, премьер-министры Австралии Малкольм Фрейзер и Боб Хоук. Из сегодняшней британской политической элиты – 8 членов Кабинета министров являются выпускниками Оксфорда, включая премьер-министра Бориса Джонсона, министра юстиции Доминика Рааба, министра финансов Риши Сунака и министра иностранных дел Элизабет Трасс. Британское общество известно своей жесткой социальной структурой и минимальным числом социальных лифтов, практически недоступных для широкого населения. Британская система образования наглядно отражает эту иерархичность, сохраняя элитизм в свете высшего образования. Диплом об окончании элитного британского университета означает не только качество полученного образования, но и определенную репутацию: многие выпускники строят блестящую политическую карьеру, работая в благотворительных организациях, подведомственных организациях, группах активистов, Всемирном банке, Организации Объединенных Наций. И несмотря на призывы обеспечить доступность получения образования в престижных британских университетах для широких слоев населения, их элитизм сохраняется. В 2010 году после пожертвования в 75 миллионов фунтов стерлингов от Леонарда Блаватника, бизнесмена и мецената украинско-американского происхождения, Оксфорд

[270] Corbett A., Gordon C. Is Erasmus participation under threat in Brexit Britain? 2020. [Электронный ресурс] URL: https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200709153826701 (Дата обращения 29.09.2020).

открыл школу государственного управления имени Блатваника, которая предлагает курсы по государственной политике для аспирантов, но видит свою миссию более широко: «обучение лидеров»[271]. В этом контексте не потеряло актуальности изречение Сесиля Родса, известного политического деятеля Британской империи колониальной эпохи: «Куда бы вы ни взглянули, везде - за исключением науки - во главе стоит выпускник Оксфорда» (“Wherever you turn your eye — except in science — an Oxford man is at the top of the tree”) .

Разумеется, вопросы социального равенства не обошли Великобританию стороной, и как элитные университеты ни пытаются сохранить старые традиции, перемены становятся заметными. В 2017 году университеты Оксфорда и Кембриджа обвинялись в «социальном апартеиде» из-за своей политики зачисления студентов. Десять колледжей Оксфорда и шесть колледжей Кембриджа отказались принимать чернокожих студентов с высшими балами по результатам экзаменов, сданных в рамках A-Level[272]. Однако обзор публикаций британских СМИ и отчетов Оксфордского университета показывает, что журналисты и социальные активисты несколько сгущают краски. В 2017 году количество представителей африканского и азиатского происхождения и представителей этнических меньшинств (BAME - black, Asian, minority ethnics), обучавшихся в британских университетах, составило 26,2%, а в Оксфорде в 2020 году – 22,1%, показав рост на 8.6% за последние 5 лет, что совсем неплохо, принимая во внимание закрытость и элитизм университета, а также высокую стоимость обучения[273]. Более того, после активной критики членами парламента и политическими деятелями его за то, что университет игнорировал выпускников государственных школ,

---

[271] Beckett, A. PPE: the Oxford degree that runs Britain // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/education/2017/feb/23/ppe-oxford-university-degree-that-rules-britain (дата обращения 02.08.2020).

[272] Adams, R., Bengtsson, H. Oxford accused of ‘social apartheid’ as colleges admit no black students // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/education/2017/oct/19/oxford-accused-of-social-apartheid-as-colleges-admit-no-black-students (дата обращения 01.08.2020).

[273] Weale, S. BAME students make up one-fifth of new Oxford undergraduates // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/education/2020/jun/23/bame-students-make-up-one-fifth-of-new-oxford-undergraduates (дата обращения 01.08.2020).

особенно из африканских или неблагополучных семей, Оксфордский университет пересмотрел свою систему подачи заявок и расширил работу по охвату населения, взяв на себя обязательства увеличить количество студентов из малообеспеченных семей до 25% в 2023 году[274].

Расширение социального и этнического разнообразия среди студентов привело к двум проблемам. Первая - низкая успеваемость студентов BAME и студентов из рабочего класса, что было вполне предсказуемо. Другая - возникновение инцидентов на почве расизма и социальной иерархии. Надо понимать, что иерархичность британского общества является и неотъемлемой частью студенческого общества. Студентам из бедных социальных слоев сложно вписаться в общество своих гораздо более богатых сверстников, многие из которых принадлежат к аристократическим кругам, не говоря уже о том, что активное участие в социальной студенческой жизни требует определенных финансовых затрат. А межкультурные различия затрудняют социализацию студентов BAME. Другим препятствием их успешной социализации стало отсутствие представителей их круга среди профессорского преподавательского состава[275]. Нам, с нашим менталитетом, достаточно сложно представить, что студент из рабочего класса не оценивает возможность обучения в ведущем вузе в качестве социального лифта, а сосредотачивается на своем психологическом состоянии «изгоя», рассматривая преподавателей не как трансляторов знания, а как представителей того или иного социального круга. Такой современный студент не хочет подстраиваться под ситуацию и видеть преимущества для себя, а старается обвинить окружающих в своем дискомфорте. Но данная ситуация нашла отклик среди британских политиков. Крис Скидмор (Chris Skidmore), экс-министр высшего образования Англии, признал проблему расовой дискриминации BAME персонала вузов и раскритиковал британские

[274] Oxford University. Undergraduate admissions statistics. URL: https://www.ox.ac.uk/about/facts-and-figures/admissions-statistics/undergraduate-students (дата обращения 01.08.2020).
[275] Reynolds, M. Working-class lecturers should come out of the closet // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/sep/10/university-working-class-divide-academics (дата обращения 01.08.2020).

высшие учебные заведения за то, что они не нанимали и не продвигали чернокожих и представителей этнических меньшинств после публикации статистики, что из 16% от общего числа преподавателей в Великобритании, идентифицированных как африканцы, ни один из них не входил в число менеджеров или директоров британских университетов. Согласно данным статистики в 2018-19 учебном году 535 сотрудников, занимавших руководящие должности в британских университетах, 475 были определены как белые, 25 - как азиатские, смешанные или другие, этническая принадлежность остальных 35 не была известна[276].

Еще одним проявлением расистских инцидентов, весьма популярных в США и теперь перекинувшихся на Великобританию, стала борьба с памятниками и историко-культурным наследием. Первым таким случаем, привлекшим внимание широкой публики, стала попытка давления на Оксфордский колледж Ориэл (Oxford’s Oriel College) снести памятник Сесилю Родсу, известному империалисту Викторианской эпохи. Это движение стало отголоском борьбы с наследием Родса, выступавшего в поддержку прото-апартеидного законодательства и использования военной власти для расширения Британской империи. Памятник Родсу появился в Оксфорде неслучайно. Будучи выпускником Ориел-колледжа, Родс пожертвовал крупную сумму университету, за что удостоился по давней оксфордской традиции памятника. Также стипендия Родса - старейшая и самая престижная международная награда для выпускников вузов, желающих продолжить обучение в аспирантуре в зарубежном университете. Попытки заставить руководство колледжа снести памятник в 2016 году окончились неудачей, но разгорелись с новой силой вместе с движением «Black Lives Matter». В 2020 году администрация Ориел-колледжа согласилась убрать памятник, хотя это

[276] Adams, R. Minister criticises lack of senior black UK academics // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/education/2020/jan/23/minister-criticises-lack-of-senior-black-uk-academics (дата обращения 02.08.2020).

приведет к тому, что колледж потеряет более 100 миллионов фунтов стерлингов дотаций от фонда Родса[277].

Следующий инцидент произошел в университете Манчестера, когда группа студентов-активистов выступила против установки памятника Махатма Ганди как дара благотворительной организации. Обвинения индийского лидера в «расизме в отношении чернокожих» спровоцировали движение #GandhiMustFall. Не ограничившись «победой» над идеологом движения за независимость Индии от Великобритании, в 2017 студенты университета переключились на Редьярда Киплинга, автора поэмы «Бремя белого человека», содержание которой вызвало глубокое возмущение BAME студентов, а их кампания привела к тому, что фреска со стихами Киплинга была удалена из холла университета Манчестера. Во главе этих кампаний стояла студентка Сара Хан, представительница местного мусульманского сообщества, которая имеет пакистанские корни.

Недовольные культурно-историческим прошлым Великобритании, в частности, и западной цивилизацией, в целом, британские студенты, а именно представители BAME, пытаются изменить учебную программу и процесс обучения в вузах. Студенты Лондонского университета потребовали убрать из программы ряд философов - Канта, Декарта, Платона и других - из-за их цвета кожи[278]. Они заявили, что согласны изучать труды «белых философов» только в случае необходимости и исключительно с позиции критики. Студенческий союз Школы восточных и африканских исследователей поднимает вопрос о предвзятости Европоцентризма и настаивает на включении в программу изучения трудов азиатских и африканских философов. Свою позицию они описывают как «продолжение деколонизации»[279]. Таких экзотических и вместе

[277] Rawlinson, K. Cecil Rhodes statue to remain at Oxford after 'overwhelming support' // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/education/2016/jan/28/cecil-rhodes-statue-will-not-be-removed--oxford-university (дата обращения 02.08.2020).

[278] The Telegraph. URL: https://www.telegraph.co.uk/education/2017/01/08/university-students-demand-philosophers-including-plato-kant/ (дата образения 02.08.2020).

[279] *Tomlinson, S.* (2019). A dog's breakfast Brexit, 2016-18. *Education and Race from Empire to Brexit* (pp. 201-224). Bristol: Bristol University Press. doi:10.2307/j.ctvdtpj4v.14.

с тем радикальных примеров борьбы с прошлым с каждым годом становится всё больше.

Обзор научной литературы и статей британских СМИ позволяет сделать вывод, что на данном этапе британское высшее образование находится на пороге кризиса. Использование рыночных механизмов в сфере образования имеет негативные последствия в виде развития нездоровой конкуренции и снижения качества образования. Экономическая нестабильность, отягощенная выходом Соединенного Королевства из Евросоюза, усиление общественно-массовых конфликтов, опасность использования политкорректности для достижения политических бонусов подрывают устойчивость британских университетов и негативно сказываются на их привлекательности. Вместе с тем престиж британского образования позволяет успешно развивать экспорт образовательных услуг в страны Азии, бывших британских колоний, а также в страны, не входящие в ЕС. После окончательного выхода из ЕС Великобритания будет скорее всего продолжать развивать международное сотрудничество в области высшего образования и научных исследований как с ЕС, так и с другими странами в том или ином формате.

Образовательная стратегия МГИМО как одного из ведущих российских вузов сопряжена с «видением состояния социума и тенденций его трансформации» [280] . Деятельность университета неразрывно связана с реализацией стратегии опережающего развития образования, поддержанием и развитием интернациональной среды и включенностью во внешнеполитический процесс.

Целями стратегической программы развития МГИМО на период до 2020года являются:

- вхождение в мировую элиту «специализированных» университетов посредством синергии перспективных образовательных и научных трендов,

[280] Глаголев В. С. Студент российского вуза как феномен образовательных усилий // Образование как единство обучения и воспитания: материалы международной науч.-метод. конференции (Новосибирск, 3 февраля 2016 г.) / Сибирский государственный университет путей сообщения. - Новосибирск : Изд-во СГУПСа, 2016. С. 31.

умелого использования благоприятствующих процессов, в частности нарастающих темпов мобильности и миграции на российском и международном рынках образования и исследований;

- подготовка профессионалов-международников «высшей пробы» с развитыми международными компетенциями для России и зарубежных стран, обладающих системными знаниями, широким набором навыков и умений для эффективного участия в решении социально-экономических и гуманитарных задач, стоящих перед Россией и международным сообществом;

- формирование исследовательского университета мирового класса в области комплексных международных исследований - международных отношений и политологии; сравнительного правоведения и международного права; региональных экономических исследований и зарубежного регионоведения; правового регулирования мировой энергетики; прикладной лингвистики и лингвострановедения - в интересах Российского государства и общества и глобального развития в целом;

- комплексное научно-образовательное сопровождение государственной политики и интонационного развития России согласно концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года («Стратегии 2020»);

- создание современного и адекватного образа России за рубежом, России, отрытой миру, осознающей сущность, динамику и формы правления внутреннего развития стран и регионов мира вне зависимости от их географии и текущей международно-политической коньюктуры;

- трансляция в российское общество и университетские круги объективного и профессионального взгляда на мир, содействие лучшему пониманию практических особенности функционирования международной среды в сфере политических контактов, торгово-экономического

взаимодействия, правового регулирования и функционирования глобального информационного порядка[281].

Динамическое развитие образовательных программ, проведение научных исследований и укрепление материально-технической базы университета, основание Фонда развития МГИМО дали университету возможность самостоятельно планировать свое развитие и укреплять свое положение ведущего университета и стандартно-образующего центра на рынке образовательных услуг.

Отвечая на вызовы глобализационных процессов, МГИМО активно содействует интернационализации высшего образования, международному сотрудничеству вузов, развитию академической мобильности, формированию и совершенствованию навыков международной коммуникации у студентов и преподавателей вуза. На данный момент МГИМО заключил 205 соглашений о сотрудничестве с зарубежными университетами, дипломатическими академиями, институтами и научно-исследовательскими центрами из 57 стран. Университет проводит 22 совместные магистерские программы и 4 программы бакалавриата с университетами Германии, Италии, Франции, Швейцарии, Норвегии, Великобритании, США, Китая и других стран. Будучи участником проекта Болонского процесса и членом Европейской ассоциации университетов, МГИМО интегрировал и успешно применяет систему европейских образовательных кредитов (ECTS). Программы двойных дипломов являются привлекательными для иностранных студентов. В период с 2017 по 2019 год на англоязычный бакалавриат МГИМО поступило 98 человек. Из общего числа студентов МГИМО 16% составляют иностранные студенты, и их количество растет год от года. В 2017/18 учебном году общее количество иностранных студентов, обучавшихся в университете, составило 1258 человек, а в 2019/20 году выросло до 1496 человек. Количество иностранных студентов,

[281] Стратегическая программа развития МГИМО МИД России на 2014 - 2020 годы. Электронный ресурс URL: https://mgimo.ru/upload/2015/10/mgimo-strategy-2014-2020.pdf#1 (дата обращения 01.05.2020).

проходящих стажировку в МГИМО, также увеличивается: 190 человек в 2017 году, 232 стажера в 2018 году. Сегодня среди студентов МГИМО учатся граждане стран СНГ, Европейского союза, США, Израиля, Южной Кореи, Японии, Китая, Пакистана, Новой Зеландии, Венесуэлы, Никарагуа, Лаоса и других стран.

Развитие академической мобильности является важным элементом создания имиджа университета. Студенты МГИМО имеют возможность участвовать в зарубежных стажировках и программах обмена с зарубежными партнерами МГИМО в Германии, Испании, Италии, Австрии, Словакии, Португалии, Швейцарии, Финляндии, Норвегии, Швеции, Франции, Польши, Венгрии, Нидерландов, Китая, Японии, Мексики, Южной Кореи, Палестины и других странах. За последние пять лет количество студентов, прошедших стажировки за рубежом, увеличилось до более 200 человек в год (258 студентов в 2017-18 учебном году, 287 студентов в 2018-19 и 200 человек в 2019-20). Также студенты имеют возможность проходить преддипломную практику в дипломатических заграничных учреждениях Российской Федерации. Студенты получают возможность улучшить навыки владения иностранным языком, навыки межкультурной коммуникации и повысить профессиональную подготовку. Еще одним немаловажным фактором, позволяющим повысить как репутационный престиж вуза, так и профессиональные навыки студентов, является участие студентов в международных конкурсах. Количество студентов МГИМО - участников международных конкурсов каждый год увеличивается и достигло 153 человек в 2019-20 учебном году. Приятно отметить, что студенческие команды МГИМО не только входят в десятку лучших, но и каждый годы улучшают свой результат, занимая призовые места. Например, в Конкурсе им. Филипа Джессопа по международному праву в 2018-19 году команда МГИМО заняла 5 место среди 125 команд из 95 стран, став вице-чемпионом в российском этапе. На следующий год команда МГИМО заняла второе место на Конкурсе им. Филипа Джессопа, став лучшей российской командой. В 2019-20 году команда МГИМО стала первой российской

командой, получившей право представлять свой университет на очном этапе международного конуса по налоговому праву (International and European Tax Moot Court) в Бельгии. На протяжении последних нескольких лет студенты МГИМО регулярно занимают первые места в командном и индивидуальном зачетах в Международном налоговом конкурсе Young Tax Professional, который ежегодно проводит консалтинговая компания Ernst&Young.

Вовлечение студентов в научную деятельность и их активное участие в научных конференциях также активно поощряется вузом. География международных конференций активно расширяется. В 2019-20 учебном году студенты МГИМО приняли участие в международных конференциях не только на площадках известных европейских и азиатских университетов, но и в Танзании и Эквадоре.

МГИМО уделяет большое внимание ознакомлению студентов с различными исследовательскими и национальными школами. С этой целью университет приглашает ведущих зарубежных ученых и экспертов для чтения лекций и проведения научно-исследовательской работы, а также видных иностранных государственных и общественных деятелей. Кафедра дипломатии МГИМО ежегодно проводит занятия с магистрами факультета «Международные отношения» и других подразделений университета, на которых руководители департаментов МИД и заместители министра иностранных дел делятся информацией о технической работе министерства и особенностями текущей ситуации в регионах, об отношениях нашей страны с зарубежными партнерами. В 2018-19 году состоялось 23 визита иностранных и общественных деятелей, которые прочли лекции, в 2019-20 их количество из-за карантина снизилось до 18. В 2018-19 году студенты МГИМО прослушали курсы лекций приглашенных преподавателей и профессоров из Израиля, Нидерландов, США и Италии. В 2019 году университет пригласил более 200 зарубежных профессоров и экспертов по различным тематическим блокам. В первом семестре 2019 года читали лекции и проводили практико-ориентированные занятия профессора университетов Италии (Свободный

международный университет социальных наук Гвидо Карли, Университет Триеста), США (Южно-техасский университет права, Университет Тафтс, Университет Джорджа Вашингтона), Венгрии (Будапештский университет Корвина), Австралии (Австралийский национальный университет), Китая (Китайская академия макроэкономических исследований) и других стран.

Университет мирового уровня – это не только образовательное учреждение. Это центр научно-исследовательской и экспертной активности, способный создавать и транслировать в мировое сообщество лучшие идеи, распространять знания и делиться опытом»[282]. Количество международных научных конференций, организованных МГИМО, увеличивается: 5 конференций в 2015/16 году, 23 конференции в 2017-18 году, 15 конференций в первом полугодии 2019/20 года). Например, в Конвенте Российской ассоциации международных исследований в 2015 году приняли участие 1200 экспертов и ученых из России и зарубежных стран, а в 2019 году количество участников Конвента РАМИ превысило 1500 человек. Профессора и преподаватели МГИМО также принимают участие в крупнейших научных мероприятиях - конференциях и круглых столах, семинарах в странах Евросоюза, СНГ, Австралии, Бразилии, США, Китае, Японии, Южной Кореи, ОАЭ, ЮАР и других странах. Количество зарубежных командировок преподавателей и сотрудников МГИМО составило 423 в 2018/19 году и 464 в 2019/20 году.

Помимо разработки образовательных программ, научная политика МГИМО направлена на «развитие экспертизы и аналитических разработок, ориентированных на научно-практическое сопровождение деятельности МИД России, других государственных органов и институтов, отвечающих за формирование и реализацию внешней политики России»[283]. По заказам практических организаций (Министерство иностранных дел РФ, Аппарат Совета безопасности РФ, Администрация Президента России, Аппарат

[282] Торкунов А. В. Создание университетов мирового уровня: новые тенденции в российском высшем образовании. Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 2(29). С. 10.
[283] МГИМО-Университет: Традиции и современность. 1944-2019 / Под общ. ред. академика РАН А. В. Торкунова; 4-е изд., испр. и доп. - М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. С. 187.

Правительства РФ, Министерство Обороны и другие) подразделение МГИМО Институт международных исследований принимает участие в прикладных исследованиях по проблемам внешней политики США, конфликтных ситуациях на Украине, Ближнем и Среднем Востоке. Еще одно подразделение - Центр глобальных проблем - исследует модель глобализации, изучает взаимодействие между странами БРИКС, разрабатывает проблемы безопасности международных конфликтов нового поколения. Центр постсоветских исследований МГИМО занимается проблемами собственного регионоведения. Одной из первостепенных задач центра является расширение межвузовского сотрудничества, интеграция в международное образовательное пространство и реализация международных проектов. Деятельность Центра БРИКС помогает развивать и реализовывать новые интеграционные инициативы и форматы многостороннего взаимодействия. Центр евро-атлантической безопасности, Центр ближневосточных исследований, Центр проблем Кавказа и региональной безопасности, Центр исследования проблем Центральной Азии и Афганистана, Центр исследований Восточной Азии и Шанхайской организации сотрудничества занимаются аналитикой современных политических и социально-экономических процессов в данных регионах. Эксперты МГИМО принимают активное участие в международных форумах (Трианонский диалог, Сочинский диалог, Петербургский международный экономический форум, международный дискуссионный клуб «Валдай», Образовательный форум Россия - АСЕАН и другие).

Как справедливо отмечает ректор МГИМО А. В. Торкунов, «стратегическая цель современного развития российской высшей школы заключается в том, чтобы наши вузы стали полноценными и равноправными участниками мирового университетского сообщества» [284] . МГИМО-Университет расширяет сотрудничество с зарубежными вузами. В 2018/19 году открылся филиал МГИМО в Ташкенте, ведется работа об открытии филиала в

[284] Торкунов А. В. Создание университетов мирового уровня: новые тенденции в российском высшем образовании. Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 2(29). С. 9.

Баку. Университет продолжает активную работу по расширению сотрудничества с зарубежными вузами. В 2019 году были подписаны новые соглашения с следующими университетами: Университет Никосии, Университет города Урбино, Второй Пекинский университет иностранных языков, Шанхайский университет международных отношений, Школа бизнеса г. Ренн, Академия ОБСЕ в Бишкеке. Ежегодно МГИМО-Университет проводит и участвует в международных образовательных выставках (2017/18 - 9 выставок, 2018/19 - 18 выставок, 2019/20 - 12 выставок). Укрепляя процесс межвузовского взаимодействия, МГИМО входит в многие сети университетов – Ассоциацию профессиональных школ международных отношений, Ассоциацию международных исследований, Европейский консорциум университетов, Ассоциацию научно-исследовательских центров БРИКС, Совет по поддержке и развитию образования и другие. В 2019 году МГИМО стал соучредителем Сети общественно-научных университетов.

Помимо членства в различных ассоциациях, МГИМО является участником проектов Сетевого университета СНГ, Сетевого университета БРИКС и Университета ШОС.

МГИМО уделяет большое внимание вопросам реализации государственной молодежной политики. На базе университета были созданы Центр патриотического воспитания в 2013 году и Центр международного молодежного сотрудничества в 2016 году. Работа первого направлена на формирование духовно-нравственных ценностей у молодого поколения. Среди образовательных проектов для школьников можно отметить и работу Горчаковского лицея МГИМО, Лингвистический лагерь «Модель ООН», Летнюю школу социально-гуманитарных наук, тематическую программу международных смен в Международном детском центре «Артек», Летнюю школу МГИМО в Сочи, Университетские субботы в МГИМО. Центр международного молодежного сотрудничества является «федеральной ресурсной площадкой по сопровождению процессов реализации, обеспечению и содействию международному молодежному сотрудничеству и обмену,

поддержке и сопровождению международных проектов и программ»[285]. В 2019 году Центром были организованы Международный молодежный форум по устойчивому развитию, Модель МИД России, Форум «Бизнес-весна МГИМО», Российско-скандинавский молодежный форум «Северный диалог» и многие другие.

Важную роль в жизни университета играет Культурный центр, на базе которого проходит большое количество мероприятий. Совет землячеств МГИМО активно вовлекает иностранных студентов в общественную жизнь университета. К 2019 году было создано 40 национальных клубов. Основная деятельность совета землячеств направлена на популяризацию культуры разных стран, лучшее понимание их культурных особенностей. Клубы осваивают новые форматы представления своей страны и культуры на различных площадках университета - от участия в конференциях и круглых столах, организации культурных выставок и встреч с видными политическими общественными деятелями той или иной страны до организации «Дня международной кухни» и «Танцев МГИМО».

Заботясь о том, чтобы студенты получали не только теоретические, но и практические навыки, и чтобы компетенции выпускников отвечали требованиям работодателей, МГИМО на протяжении многих лет активно сотрудничает с бизнес-структурами и государственными учреждениями, ведущими подготовку на базовых кафедрах. Количество корпоративных кафедр МГИМО увеличивается год от года: 11 корпоративных кафедр в 2015/16 году, 16 кафедр в 2017/18 году и 19 кафедр в 2019/20 году. Такая тактика позволяет университету знакомить студентов с последними практическими наработками в той или иной области, развивать свои профессиональные компетенции, проходить стажировку на предприятиях корпораций и облегчает последующее трудоустройство. За последние годы университетом было заключено более 1300 договоров с коммерческими и государственными организациями с целью

[285] МГИМО-Университет: Традиции и современность. 1944-2019 / Под общ. ред. академика РАН А. В. Торкунова; 4-е изд., испр. и доп. - М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. С. 257.

организации прохождения практики студентами МГИМО. В 2019 году университет отправил на прохождение практики около 3000 студентов, обучающихся в бакалавриате и магистратуре. Центр карьеры МГИМО организует различные мероприятия по карьерному ориентированию, лекции и мастер-классы от представителей ведущих корпораций и государственных учреждений, а также размещает вакансии на своем сайте и соцсетях. В 2019 году Центром было проведено более 80 мероприятий, включая два Дня карьеры МГИМО, в которых приняли участие представители около 60 государственных и частных организаций. Такая политика позволяет МГИМО удерживать первую позицию в рейтинге вузов по трудоустройству выпускников. В 2019/20 году МГИМО получил «5 звезд» QS Stars, став единственным вузом в России, Центральной и Восточной Европе, Центральной Азии и странах БРИКС, получившим столь высокую оценку[286].

Отдавая себе отчет в том, что «университет мирового уровня несет с собой и свои корпоративные ценности, формирует в себе и вокруг себя сообщество людей, связанных общей историей обучения, работы или просто сотрудничества с университетом» [287], МГИМО-Университет придает немаловажное значение созданию системы поддержания и развития интернационального сообщества выпускников. В 2019/20 году количество зарубежных Ассоциаций выпускников МГИМО выросло до 33. Помимо организации зарубежных встреч выпускников и реюнионов Ассоциация выпускников ведет работу в трех направлениях - научном, организуя конференции и круглые столы, публикуя монографические издания и сборники; деловом, организуя форумы, и культурном, продвигая российскую культуру за рубежом. Еще одним направлением деятельности Ассоциации является поддержка выпускников-ветеранов МГИМО и благотворительная деятельность. Работа Ассоциации способствует не только установлению и поддержанию

[286] URL: https://fund.mgimo.ru/upload/ckeditor/files/fund2019-2020.pdf Дата обращения 04.05.2020.
[287] Торкунов А. В. Создание университетов мирового уровня: новые тенденции в российском высшем образовании. Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 2(29). С. 10.

долговременных связей выпускников, но и продвижению бренда МГИМО за рубежом. Выпускники университета, вошедшие в Попечительский совет или ставшие благотворителями Эндаунмент-фонда, оказывая финансовую поддержку университету, выражают свою признательность альма-матер за представленные возможности.

В отличие от ведущих американских университетов, живущих и функционирующих по корпоративным законам, лишь малая чать российких университетов имеют эндаунмент-фонды, которые формируются из частных пожертвований и доходов от управления активами. Основная задача эндаументов – не только привлечь средства на развитие науки и образования в университетах, но и помочь привести образовательные программы в соответствие с потребностями бизнеса и реалиями рынка труда. Среди ведущих американских вузов самыми крупными эндаунмент-фондами обладают Гарвард (37.1 миллиардов долларов), Стэнфорд (24.8 миллиардов долларов) и Йельский (27.2 миллиардов долларов) университеты[288]. В России существуют около 100 эндаумент-фондов, целевые средства которых не идут ни в какое сравнение с объемом средств вышеперечисленных американских университетов (МГИМО – 1,7 миллиардов рублей[289], ВШЭ – 1,05 миллиардов рублей[290], СПБГУ - 337 миллионов рублей[291]).

[288] Соловьев О. Сила бренда. Почему американские вузы лидируют в рейтингах // Форбс [Электронный ресурс] URL: https://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/364671-sila-brenda-pochemu-amerikanskiy-vuzy-lidiruyut-v-reytingah (дата обращения 25.10.2020).

[289] Фонд развития (Эндаунмент) МГИМО [Электронный ресурс] https://mgimo.ru/alumni/fund/ (дата обращения 25.10.2020).

[290] Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики [Электронный ресурс] URL: https://www.hse.ru/news/life/403236007.html (дата обращения 25.10.2020).

[291] Отчет о формировании централизованного целевого капитала на уставные цели СПбГУ [Электронный ресурс] URL: https://fund.spbu.ru/catalog/upload/files/Отчёт%20СПбГУ%202018.pdf (дата обращения 25.10.2020).

Таблица 2.

Размер эндаунмент-фондов ведущих университетов США, Великобритании и России (в миллионах долларов США)

Университет	Размер эндаунмент-фонда (в миллионах долларов США
Гарвард	37100
Йель	27200
Стэнфорд	24800
Кембридж	6600
Оксфорд	5400
МГИМО	22
ВШЭ	14
СПБГУ	4

Основную поддержку целевым фондам университетов оказывают госкорпорации, крупный бизнес до сих пор до конца не осознает назревшую необходимость сотрудничества с университетами и эндаумент-фондами. Тем не менее эндаумент-фонд – это полноценный и устойчивый институт развития для любого университета. Фонд покрывает зарплаты педагогов, стипендии, финансирование различных учебных программ и поддержание образовательной инфраструктуры университета. И хотя развитие целевых фондов российских университетов находится на начальном этапе и частные пожертвования на развитие alma-mater чужды российскому менталитету, опыт МГИМО и Высшей школы экономики свидетельствует об увеличении частных и негосударственных пожертвований в фонд развития университета и его значимости как выгодного формата сотрудничества для компаний, у которых есть сформулированные потребности для работы с университетами и стратегический интерес.

Как мы видим, участие МГИМО в большом количестве совместных образовательных программ, научно-исследовательских проектах и конференциях превратило МГИМО в общепризнанный университетский

исследовательский центр в сфере мирополитических исследований и внешнеполитического анализа. Организация и участие в качестве экспертов в международных форумах и дискуссионных клубах позволяет МГИМО оказывать воздействие на политику государства в разных сферах - образовательной, международно-правовой, дипломатической, культурной и других. Воспитывая в студентах межкультурную чувствительность и развивая компетенцию межкультурной коммуникации, университет выпускает специалистов, готовых работать в межкультурной среде и международной команде. Развитие и расширение связей с корпорациями, государственными учреждениями и зарубежными университетами позволяет МГИМО оставаться на переднем крае науки и адекватно отвечать на вызовы глобализации. Создание и поддержка единого интернационального общества выпускников позволяет, с одной стороны, продвигать бренд МГИМО, а с другой стороны, деятельность Ассоциации выпускников совместно с Эндаунмент-фондом, позволяет реализовать новые амбициозные задачи университета и использовать свою деятельность в качестве действенного инструмента «мягкой силы».

Выводы по третьей главе

Глобализационные процессы способствовали экономическим и технологическим преобразованиям, которые, в свою очередь, обусловили ряд серьезных социальных и политических проблем и бросили вызов традиционным представлениям о национальном суверенитете. Открытый доступ к информации и уровень развития средств коммуникации исключили обособленное существование той или иной культуры и обусловили неравномерное взаимопроникновение элементов разных культур. Усиление миграционных процессов, с одной стороны, и уверенность, что культурная глобализация принесет в общество такие ценности, как свобода, демократия и права человека, с другой стороны, привели к значительным социальным и культурно-ценностным преобразованиям в обществе. Однако слабые навыки

межкультурной коммуникации препятствуют становлению мультикультурного общества. Страны-лидеры экспорта образовательных услуг требуют наличие межкультурной чувствительности у иностранных студентов и не замечают слабые компетенции межкультурного общения у местных студентов. Страны, борющиеся за использование своей культуры как инструмента «мягкой силы» и пытающиеся конкурировать с западными странами на рынке образовательных услуг, принимают шаги к развитию межкультурной чувствительности у иностранных студентов и ознакомлению со своей культурой.

Смещение вектора в сторону экономического развития и социальной сплоченности европейского сообщества приводит к тому, что культурное разнообразие перестает быть базовой ценностью проекта Болонского процесса и превращается всего лишь в инструмент развития. Борьба за усиление политической и экономической конкурентоспособности ЕС и усиление использования европейского пространства высшего образования в качестве инструмента «мягкой силы» приводит к неприкрытой инструментализации европейского образования. Сдвиг образования в категорию «товара» способствует разработке и продвижению образовательных программ, ориентированных лишь на экономическую целесообразность, а доминирующая роль компетентностного подхода в образовании подрывает необходимость получения высшего образования.

Изучение ЕВПО и анализ современных тенденций, обусловленных, в первую очередь, политическим фактором, позволяет утверждать наличие «двух» параллельных Болонских процессов – условно говоря, демократическом и бюрократическом. Первый, «демократический», начинается с Magna Charta Universitatum – которая тоже ведь была принята в Болонье – и продолжается целым рядом инициатив и встреч на уровне непосредственно университетов или студентов, например: European University Association, Саламанкское коммюнике 2001, European Students Union и т. п. Второй, с которым обычно связывается это название, начатый Болонской декларацией 1999 г. – по сути, является бюрократической вершиной того айсберга независимых

университетов, как места встречи и открытого диалога преподавателей и студентов, который европейская бюрократия пытается подмять под себя и унифицировать. Будучи схожими по форме и выступая за интеграцию, по своей сути они имеют всё же разную природу и разные цели.

Европеизация высшего образования, уменьшение ценности личностных, культурных и социальных аспектов обучения приводит к росту наднациональных региональных совместных инициатив и, соответственно, к регионализации образования. В этой связи важно отметить, что система образования каждого государства представляет собой целостную и самостоятельную социально-педагогическую структуру с ее внутренними этнорегиональными особенностями, социокультурными различиями и функциональными отношениями между ее компонентами. Вызовы, обусловленные проблемами миграции и антиглобализации, подчеркивают трансформацию многовековых механизмов социально-культурной преемственности и переосмысление национальных ценностей в контексте общечеловеческих императивов. Инструментализация и политизация европейского образования не способствует сохранению культурного разнообразия ЕВПО, что может в дальнейшем способствовать потере его эффективности в качестве инструмента «мягкой силы», усугублению кризиса образования и возникновению новых региональных образовательных пространств.

Изучение переформатирования системы культурных ценностей, транслируемых британскими университетами, позволяет сделать вывод, что «академический капитализм» привел к нездоровой конкуренции вузов и вызвал кризис системы образования. Политически-ангажированная поддержка современных разнообразных движений за социальное равенство, использование политкорректности для получения политических бонусов отрицательно сказываются на сохранении культурного наследия и подрывают устойчивость британских университетов. Демократизация образования, базирующаяся на многочисленности и разнообразии акторов, приводит к снижению ценности

образования и привлекательности британских вузов для иностранных студентов.

Образовательная стратегия МГИМО сопряжена с социокультурными трансформациями общества и связана со стратегией опережающего развития образования. Активное участие в интернационализации высшего образования способствует повышению репутационного престижа вуза и делает его влиятельным актором в развитии международных отношений в сфере высшего образования.

Динамическое развитие образовательных программ, проведение научных исследований и укрепление материально-технической базы университета, основание Фонда развития МГИМО дали университету возможность самостоятельно планировать свое развитие и укреплять свое положение ведущего университета и стандартно-образующего центра на рынке образовательных услуг.

Практика построения образовательного процесса в МГИМО коррелирует в целом с теми целями и задачами, которые ставятся крупными российскими и зарубежными вузами в рамках организации международного сотрудничества и выстраивания вектора образовательной политики, ориентированного на решение социокультурных задач.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современном мире появление и внедрение новых технологий, расширение глобализационных/глокализационных процессов требуют создания благоприятных условий для развития талантов и специализированных навыков функционирования и совершенствования экономики, основанной на знаниях. Вместе с тем интернационализация и глобализация высшего образования усиливают политические и экономические аспекты образования. Например, политические решения, реализованные в рамках проекта Болонского процесса, направлены на поддержание конкурентоспособности вузов, гармонизацию и стандартизацию учебных программ и дипломов о высшем образовании, возможности трудоустройства. Новые нормативные акты в области высшего образования и культурной политики, принятые евробюрократами за последнее десятилетие, постепенно нивелируют культурное разнообразие из базовых ценностей проекта Болонского процесса и создают основу, в рамках которой высшее образование рассматривается как однозначно неразрывно связанное с динамикой рынка труда. Ориентация на потребности рынка труда привела к усилению конкуренции вузов, в частности, так и стран - экспортеров образовательных услуг, в целом. Как следствие, усиливающаяся инструментализация образования имеет тенденцию низведения высшего образования из социального института и общественного блага до экономической отрасли: студенты инвестируют в свое образование, а достижения и степени приравниваются к валюте. Вуз приравнивается к коммерческому предприятию, нацеленному на получение прибыли за счет привлечения иностранных студентов, а страны соревнуются за долю на рынке экспорта образовательных услуг. Поэтому чрезвычайно односторонней является точка зрения, согласно которой университеты должны служить тренировочными площадками для корпоративной рабочей силы, франшизами, преобразованными в корпоративные модели управления, подготовки рабочей силы и потребителей, максимально озабоченные созданием собственного

бренда и его рекламой. Вместе с тем как в Соединенных Штатах Америки, так и в некоторых европейских университетах проявляется осознание опасности указанных выше тенденций для формирования творческой атмосферы, научно-исследовательской и конструкторской работы, где нереалистично ожидать немедленной отдачи в жестких лимитных рамках денежных поступлений от функционирования образовательного процесса. Затратный характер начального, среднего и высшего образования является неотъемлемой особенностью функционирования этих институтов, где фьючерсная «отдача» остается неопределенной в реальных исчислениях, не может быть выстроена по нарастающей экспоненте. Творческие неудачи не только настигают отдельных личностей, но и не редко становятся печальным уделом разнообразных творческих коллективов не только в сфере образно-художественной деятельности, но и в области научных исследований: периодически ставки на технологии, опирающиеся на ожидаемые практические результаты того или иного физического, биологического или социального феномена нового качества, оказываются по ряду причин несостоятельными и в конечном счете убыточными. Поэтому застраховаться от дефицита прибыли и даже ее отсутствия, можно, лишь максимально расширяя спектр научных и технологических экспериментов, базирующихся на более или менее освоенных закономерностях объективных процессов в различных сферах природы и общества и на оптимизацию их использования при минимизации рисков всевозможных природных, техногенных и социальных катастроф, сопровождающих динамику современного развития социума.

Несомненно, в современных реалиях образование является одним инструментом экономического прогресса. Вместе с тем с точки зрения его устойчивых перспектив и нарастающих рисков такой статус образования, уходящий от своей первоначальной роли - обеспечивать контекст для человеческого развития - создает множество вызовов и сложностей в функционировании социума. Одним из самых заметных является функционирование «железной пяты» капитала, подавляющей и поистине

вытаптывающей содержательность множества контекстов, в которых происходит развитие творческих личностей и коллективов.

В ряде установочных документов (Концепция обеспечения доступности образовательных услуг, Концепция развития качества и доступности высшего образования для различных категорий граждан, Концепция развития системы высшего образования в условиях глобализации и интернационализации и др.) доступность образования для более широких кругов населения и развитие академической мобильности рассматриваются как политический инструмент для уменьшения социального неравенства, для активизации социальных лифтов продвижения на более престижный и экономический уровни. Однако на практике реализация такой политики оказывается чрезвычайно сложной из-за институциональной неспособности охватить наиболее уязвимые группы людей. Постоянный процесс маркетизации пытается маркировать элитизм качественного университетского образования. Между тем ни затраченные средства, ни затраченное время на обучение сами по себе не могут создать ни творческих личностей, ни творческих коллективов. Хотя, безусловно, и первый и второй факторы составляют исходные предпосылки формирования и развития креативных элит и творческих коллективов. Однако внутреннее содержание образования и процессы его интериоризации личностями зависят от атмосферы отношений между преподающими и обучающимися, коллективами самих обучаемых, а также востребованностью творческих людей на рынках производства, управления и потребления, где, по определению, господствуют достаточно жесткие правила и стандарты. Здесь, несомненно, имеет место одно из противоречий ожиданий результатов образования и реальных последствий его обретения миллионами людей, каждый год получающих университетские дипломы. Кризисы невостребованности на рынке труда и во многих сферах фриланстерства создают тяжелые социально-психологические ситуации для больших групп молодых людей, особенно в странах с недоразвитой экономикой и ориентацией на добычу сырьевых ресурсов, где, как правило, существует невысокий спрос

на новейшие технологии и тем более на свободный полет творческой мысли, компенсируемой вознаграждением, достаточным для удовлетворения претензий молодых людей.

Вместе с тем приоритет в решении, в первую очередь, экономических задач и продвижение экономических ценностей университетского образования противоречат заявлениям политиков о приверженности идеи сохранения социокультурного многообразия. Попытки европейских и американских политиков заработать дополнительные политические «бонусы» путем оказания широкой поддержки движениям за социальное равенство и реформирования университетских образовательных программ с целью защиты прав и чувств различных социальных меньшинств дискредитируют сложившиеся образы фундаментальных устоев образовательной системы и негативно сказываются на сохранении традиционного культурного наследия ряда страны.

Содержание политического аспекта в обладании дипломом о высшем образовании, доступ к политической карьере, в масс-медиа и в другие сферы социального манипулирования превращает его в инструмент политического воздействия - образование и культура становятся основными инструментами внутренней «мягкой силы». Параллельно готовность стран, особенно с менее развитой экономикой, по собственному желанию принимать и применять чужие стратегии развития в области образования и культуры свидетельствует об успешном применении «мягкой силы» ведущими мировыми государствами. Увеличение экспорта образовательных услуг и рост числа иностранных студентов расширяют возможности ряда государств в формировании мировоззрения у иностранных студентов и их приобщения к западным культурным и политическим ценностям. Ужесточение нормативных инструментов европейского пространства высшего образования способствует европеизации национальных образовательных систем не только стран, подписавших и готовых подписать Болонскую декларацию (страны Балтии, Балканы, Молдова, Украина и др.), но и тех государств, которые, не обладая ресурсом для расширения собственного культурного влияния, были вынуждены

заимствовать стратегии развития европейского образования для повышения конкурентоспособности национальных образовательных систем (азиатские страны, страны Африки и Южной Америки и др.). Ситуация последнего времени социокультурной жизни европейского континента позволяет рассматривать «мягкую силу» в качестве среды в сфере культуры, способствующей проведению рядом стран эффективной политики для достижения своих целей на международном уровне с минимальными затратами экономических ресурсов, организационных и дипломатических средств. Одновременно использование ограничения доступа к высшему образованию для некоторых групп студентов из определенного ряда стран в качестве меры санкционного воздействия приравнивает образование к инструментам «жесткой силы».

Растущее сомнение в позитивных последствиях интернационализации высшего образования способствует развитию наднациональных региональных инициатив, что приводит к усилению регионализма высшего образования. Совместные региональные инициативы и усиление регионального взаимодействия обусловлено борьбой наднациональных регионов за сохранение культурной идентичности и расширение сферы влияния. Культурная глокализация и регионализм высшего образования развивают трансграничное сотрудничество, препятствуют утрате этнокультурной идентичности, способствуют возникновению феномена трансграничной идентичности. Сфера образования выступает инструментом развития человеческого потенциала региона. Общность культур и открытость образовательной системы не только способствуют повышению качества образования и его эффективности, но и становятся инструментом личного и профессионального роста индивида. Образование университетских кластеров в условиях трансграничья расширяет межвузовское сотрудничество, позволяет заниматься научными проектами, представляющими интерес для региона, препятствует оттоку рабочей силы. Рост репутационного престижа вуза, развитие межвузовского партнерства в рамках участия в международных

научных и научно-исследовательских проектах, разработка совместных образовательных программ и привлечение иностранных студентов превращают провинциальные вузы в самостоятельных акторов, способных определять образовательные и культурные политики регионов. Создание университетских ассоциаций и сетей университетов способствует не только повышению качества образования, но и его демократизации за счет большего количества участников. Сетевое сотрудничество укрепляет взаимодействие университетов с научно-исследовательскими центрами, бизнес- отраслями и общественными организациями на всех уровнях - региональном, национальном и международном. Активное участие университетов в процессе интернационализации международного образования, в реализации национальных проектов в сфере образования и культуры, развитии межвузовских партнерских отношений, привлечение иностранных студентов способствует превращению вузов в самостоятельных влиятельных акторов, способных оказывать воздействие на государственную политику в сфере образования и культуры. Появление такого направления во внешней политике, как «научная дипломатия», подчеркивает усиление влияния науки на формирование внутреннего экономического вектора развития государств, но и внешней политики как на уровне регионов, так и целых государств.

Сфера высшего образования - одно из важных направлений международного сотрудничества в трансрегионах. Современная динамика сетевых университетов помогает решать насущные задачи на региональном и национальном уровнях, использовать совместные ресурсы для достижения политических и экономических задач. К сожалению, в отличие от университетских ассоциаций и консорциумов сетевые университеты сталкиваются с рядом социокультурных барьеров, преодоление которых требует огромных усилий. Отсутствие общих историко-культурных предпосылок, разный уровень экономического развития стран-участниц, отсутствие единых стандартов образования, разное качество начального, среднего и среднего специального уровней образования в разных странах,

например, России, Бразилии, Индии, ЮАР и Китая как участниц БРИКС, разные уровни финансирование образования и наличие современной технической базы в значительной степени затрудняют успешное функционирование и снижают конкурентоспособность сетевых университетов.

Материалы диссертации свидетельствуют, что заявленная гипотеза подтверждена: исследование доказало, что высшее образование является одновременно инструментом и ресурсом построения вектора культурной политики государства; задачи исследования выполнены.

Дальнейшее изучение темы высшего образования как отражения социокультурных изменений общества может быть продолжено в следующих направлениях:

- изучение степени развития межкультурной чувствительности экспортера образовательных услуг в зависимости от задач внешней политики;
- изучение влияния онлайн-образования на развитие критического мышления у студентов и их способностей решения сложных многоступенчатых задач;
- изучение образовательной среды университета как отражения социокультурных трансформаций общества;
- расширение и детализация мониторинга процессов, протекающих в системе высшего образования. К детализации относится динамика преподавательского состава, новые формы комбинаторики преподавательского состава, расширение технической базы преподавания, совершенствование психологической, преподавательской и тьютерской работы; расширение взаимодействия с организациями, где предполагается работы выпускников (организация производственной практики, магистратской, аспирантской научной работы, практика в зарубежных организациях или в российских филиалах зарубежных компаний).

Универсальный характер исследования позволяет применять его результаты не только для теоретического изучения материала в вузах

международного профиля, но и использовать для разработки стратегий сотрудничества университетов на межрегиональном и международном уровнях.

БИБЛИОГРАФИЯ

Книги и монография

1. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М .: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
2. Валицкая, А.П. Образование в России: стратегия выбора : Монография; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. 127 с.
3. Веденина Л.Г. Человек в лингвоэтнокультурном пространстве. М.: Языки славянской культуры, 2017. 664 с.
4. Воевода Е. В. История организации профессиональной языковой подготовки специалистов-международников: от Киевской Руси к Российской империи. Монография. М.: МГОУ, 2010. 156 с.
5. Гершунский Б. С. Образование как религия третьего тысячелетия : гармония знания и веры. М. : Педагогическое Общество России, 2001. 128 с.
6. Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.
7. Зайков А. А., Шинковский М. Ю. Трансграничный регион: понятие, сущность, форма. Владивосток: Дальнаука, 2010. 274 с.
8. Запесоцкий А. С. Образование: философия, культурология, политика. М.Ж Наука, 2002. 456 с.
9. Запесоцкий А. С. Культура : взгляд из России. СПб. : СПбГУП ; М. : Наука, 2014. 848 с.
10. Корольков А. А., Преображенская К. В., Романенко И. Б. Педагогическая антропология в зеркале философии. СПб.: Алетейя, 2017. 340 с.
11. Куда идет российская культура? : круглый стол, 27–28 июня 2009 г. / науч. ред. В. С. Степин, А. С. Запесоцкий. СПб. : СПбГУП, 2010. 146 с.
12. МГИМО-Университет: Традиции и современность. 1944-2019 / Под общ. ред. академика РАН А. В. Торкунова; 4-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. 309 с.
13. Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона; Пер. с англ. В. В. Сапова под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2004. 379 с.

14. Основные тенденции развития высшего образования: глобальные и Болонские измерения / Под науч. ред. д-ра пед. наук, профессора В. И. Байденко. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2010. 352 с.
15. Розин В. М. Философия образования: Этюды-исследования. М: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2007. 576 с.
16. Сериков, Г. Н. Образование: аспекты системного отражения. Курган: Изд-во «Зауралье», 1997. 464 с.
17. Степин В. С. 2011. Цивилизация и культура. СПб: СПб ГУП. 407 с.
18. Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Прогресс., 1991. 736 с.
19. Философия культуры в системе изучения международных отношений: монография. В двух книгах. Книга 1: Парадоксы исследовательской призмы / М. В. Силантьева, Н. И. Бирюков, В. С. Глаголев и др.; под общей редакцией М. В. Силантьевой; научный редактор А. В. Шестопал; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, кафедра философии имени А.Ф. Шишкина. М.: МГИМО-Университет, 2020. 543, [2] с. (Научная школа МГИМО / [ред. совет серии: А. В. Торкунов /пред./ и др.]).
20. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
21. Шабалин Ю. Е. Система образования региона в условиях трансформирующегося регионального образовательного пространства / Россия как трансформирующееся общество: экономика, деловая культура, управление. М., 2003. 230 с.
22. Щипков В. А. Постсекулярная речь. Ценностное измерение современных культурных и политических процессов. М.: МГИМО-Университет, 2019. 302 с.
23. Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к междунар. отношениям: пер. с англ. / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Ладомир, 2004. 384 с.

24. Barnett, R. 2011. Being a University. Abingdon and New York: Routledge.
25. Nye, J. Smart Power // New Perspectives Quaterly, 2009, Vol. 26, İss. 2. P. 17.
26. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London, 1992.
27. Tomlinson, S. A dog's breakfast Brexit, 2016-18. Education and Race from Empire to Brexit (pp. 201-224). Bristol, 2019.

Официальные документы

28. Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации от 9 февраля 2001 года, No196-р. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/901780926 (дата обращения 28.04.2020).
29. Основы государственной культурной политики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208 (дата обращения 04.03.2020).
30. Отчет о формировании централизованного целевого капитала на уставные цели СПбГУ [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://fund.spbu.ru/userfls/ufiles/otchetnost/Отчёт%20СПбГУ%202018.pdf (дата обращения 25.10.2020).
31. Постановление «О реализации Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года в субъектах Российской федерации». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://council.gov.ru/activity/documents/76702/ (дата обращения 04.03.2020).
32. Распоряжение от 7 октября 2020 года № 2577-р [Об утверждении Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/565964011. (дата обращения 28.04.2020).
33. Bergen Communiqué. (2005). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ehea.info/media.ehea.info/file/2005_Bergen/52/0/2005_Bergen_Communique_english_580520.pdf (дата обращения 23.02.2020).

34. Berlin Communiqué. (2003). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ehea.info/media.ehea.info/file/2003_Berlin/28/4/2003_Berlin_Communique_English_577284.pdf (дата обращения 23.02.2020).
35. Congressional Research Service. (2021) Confucius Universities in the United States: Selected Issues. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11180 (Дата обращения 31.03.2022).
36. Council of Europe (2009). [Электронный ресурс]. Режим доступа:
37. http://ehea.info/media.ehea.info/file/2009_Leuven_Louvain-la-Neuve/92/3/CoE_Report_April_2009_594923.pdf (дата обращения 25.02.2020).
38. European Commission. (2012). “Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions”. Rethinking Education: Investing in skills for better socio-economic outcomes (COM(2012) 669 final). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52012DC0669. (дата обращения 08.06.2020).
39. European Commission. (2012). Migration and home affairs. [Электронный ресурс]. Режим доступа:
40. https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/networks/european_migration_network/reports/docs/emn-studies/immigration students/0_immigration_of_international_students_to_the_eu_sr_24april2013_final_en.pdf (дата обращения 17.09.2020).
41. European Commission. (2017). Towards an EU Strategy for International Cultural Relations. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://eeas.europa.eu/topics/culture/18306/culture-towards-eu-strategy-international-cultural-relations_en (дата обращения 12.09.2020).
42. European Parliament. (2016). DG Research Policy Department: European Cultural Institutes abroad, Research for the EP Committee on Culture and Education, March 2016, (Authors: KEA European Affairs: Yolanda Smits, Clementine Daubeuf, Philippe Kern). [Электронный ресурс]. Режим доступа:

https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/563418/IPOL_STU(2016)563418_EN.pdf. (дата обращения 12.09.2020).

43. European Parliament. (2022). European Parliament resolution of 1 March 2022 in the Russian aggression against Ukraine (2202/2564(RSP)). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2022-0052_EN.html. (дата обращения 25.03.2022).
44. EU Commission. 2017. Strengthening European Identity through Education and Culture: The European Commission's contribution to the Leader's meeting in Gothenburg, 17 November. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/leaders-working-lunch-universities_en.pdf. (дата обращения 21.12.2020).
45. Powell, C. Statement on International Education Week 2001. U.S. Department of State, November 2001. [Электронный ресурс]. Режим доступа:
46. https://20012009.state.gov/secretary/former/powell/remarks/2001/4462.htm (дата обращения 12.10.2020).
47. Publications Office of the EU (2020). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/7985705e-41b7-11ea-9099-01aa75ed71a1/language-en. (дата обращения 03.08.2021).
48. The European Students' Union (2018). [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL:https://www.esu-online.org/wp-content/uploads/2019/02/BWSE-2018_web_Pages.pdf. (дата обращения 03.08.2021).
49. House of Commons Library. (2020). Coronavirus: Financial impact on higher education. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-8954/ (дата обращения 03.08.2021).
50. The Paris Communique (2018). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ehea.info/Upload/document/ministerial_declarations/EHEAParis2018_Communique_final_952771.pdf (дата обращения 04.11.2020).

51. The Prague Communique (2001). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ehea.info/media.ehea.info/file/2001_Prague/44/2/2001_Prague_Communique_English_553442.pdf. (дата обращения 04.11.2020).
52. UK Preventing Violent Extremism Programme. Sixth report of session 2009-2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://publications.parliament.uk/pa/cm200910/cmselect/cmcomloc/65/65.pdf. (дата обращения 14.08.2020).

Статьи

53. Аванесова Г. А., Афанасьева О. Н. Национальная культура и культурная политика современной России // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 2. С. 7-25.
54. Астафьева О. Н., Аванесова Г. А. Культурная политики и национальная культура: перспективы стратегического вектора современной России // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5. С 193-201.
55. Байденко, В. И. Болонский процесс: в преддверии третьего десятилетия // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 11. С. 136-148.
56. Беленов О. Н., Кирчанов М. В. Сетевые университеты как форма развития высшей школы: формы, особенности организации и перспективы. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2016. № 1. С. 114-118.
57. Белканов Н. А. Российское образование: поиски себя в контексте глобализма // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2001. No1. С. 25-30
58. Белканов Н. А. Университет и современное филологическое образование // Высшее образование в России, 2007. №4. С. 72-79.
59. Белогуров А. Ю. Этногенез и «национально-региональный компонент» // Высшее образование в России. 2002. № 6. С. 34–38.
60. Бим-Бад Б. М. Образование как инструмент культурной регуляции истории человечества (стенограмма выступления на первом национальном форуме

российских историков педагогики, Москва, 25 апреля 2013г.) //. Историко-педагогический журнал. 2013. С. 150-157.

61. Валицкая А. П. Модернизация российского образования: проблемы и перспективы // В сборнике: Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Ответственный редактор В.И. Герасимов. Москва. 2017. С. 873-875
62. Вахштайн В. С. Система высшего образования в Великобритании // Вестник Российской академии наук. 2007. № 12. С. 1134-1138.
63. Винсент-Ланкран С. Трансграничное высшее образование : тенденции и перспективы развития // Вестник международных организаций. 2010. № 3 (29). С. 86-109
64. Воевода Е. В. Коммуникационные барьеры образовательного пространства БРИКС. // Международные процессы. Том 13. No 4. С. 108-121
65. Воевода Е. В. Социокультурные компетенции в профессиональной иноязычной подготовке специалиста-международника // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. 2007. № 8. С. 119–127.
66. Воевода Е. В. Формирование межкультурной компетенции: проблемы и пути их решения / Языковой дискурс в социальной практике. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тверской государственный университет». 2013. С. 40–44.
67. Володин С. Ф., Володина Т. А. Социальная рутина высшего образования: опыт анализа «новых» университетов Великобритании социологом Джейми Хардингом // Университет XXI века: научное измерение. 2019. С. 267-272.
68. Ворошилова Н. В. Культурологический подход как методологическая основа реализации развивающей функции образования // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 2-3. С. 14-16.

69. Глаголев В. С. Культура образования в условиях современного российского общества // Человеческий капитал. 2017. №9 (105). С. 7-10.
70. Глаголев В. С. Студент российского вуза как феномен образовательных усилий // Образование как единство обучения и воспитания: материалы международной науч.-метод. конференции (Новосибирск, 3 февраля 2016 г.) / Сибирский государственный университет путей сообщения. Новосибирск : Изд-во СГУПСа. 2016. 386 с.
71. Голышев А. И. 2014. Глобализация: культурологический подход. // Вестник Псковского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. № 6. С. 70-81.
72. Голышев А. И. Региональная культурная политика: культурологический подход. // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. №4. 2016. С. 73-79
73. Гомбоева М. И., Старостин С. Е. Образовательная деятельность высшего учебного заведения в условиях трансграничья // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. 2009. № 4(27). С. 80-84.
74. Горин Д. Г. Хронополитический анализ трансформации идеологического знания // Среднерусский вестник образовательных наук. 2016. № 11 (5). С. 129-135.
75. Горлова И. И. Культура как «мягкая сила»: инструменты и точки приложения // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 268-272.
76. Горшков М. К. Культура как пространство диалоги цивилизаций // Диалог культур и партнерство цивилизаций: XIV Международные Лихачевские научные чтения, 15-20 мая 2014 г. - СПб.: СПбГУП. 2014. 592 с.
77. Грякалов А. А., Преображенская К. В., Мартынова С.А. Деструкция современности: прогностика и стратегия преодоления // Universum. Вестник Герценовского университета. 2015. № 1-2. С. 74-80.

78. Де Вит, Х. Эволюция мировых концепций, тенденций и вызовов в интернационализации высшего образования // Вопросы образования. 2019. № 2. С. 8-34.
79. Доброхотов А. Л. Автор как субъект культуры: междисциплинарные аспекты проблемы // Философия и культура. 2012. № 8 (56). С. 62-68
80. Джейн Найт. Пять истин об интернационализации // «Международное образование» — русскоязычная версия информационного бюллетеня International Higher Education (Бостонский колледж, США), НИУ ВШЭ. 2015. № 78. с. 24.
81. Дубровина О. Ю. Приграничное сотрудничество как форма межрегионального взаимодействия и регионализации // Власть. 2018. № 8. С. 97-102.
82. Дьякова Е. Ю. Использование социально-политического феномена Brexit в создании имиджа британских университетов // Вестник ВГУ. 2019. № 2. С. 28-33.
83. Дюжакова М. В. Актуальные проблемы образования в России в контексте миграционных процессов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 88. С. 122-131.
84. Елескина О. В. Некоторые аспекты культурной политики ЕС // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3-2 (63). С. 115-119.
85. Жуковский И. И., Баранова Ю. А. Международное научное и образовательное сотрудничество на Балтике // Высшее образование в России. 2011. № 5. С. 83-90.
86. Калугина Т.Н. Внешняя политика в условиях деглобализации // Вестник МГИМО-Университета. 2022. №2.
87. Калугина Т.Н. Вызовы онлайн-обучения в условиях локдауна // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2021. № 3(52). С. 56 - 60.

88. Калугина Т.Н. Университетская культура в условиях санкций Запада // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 6 (98). С. 152 - 163.
89. Калугина Т.Н. Британские университеты как компонент трансформаций международной системы высшего образования XXI века // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2020. №11 (840). С. 297 - 307.
90. Калугина Т.Н. Приоритеты образовательной политики в контексте социокультурной глобализации // Концепт: философия, религия, культура. 2019. №2 (10). С. 144 - 150.
91. Калугина Т.Н. Структура современного образовательного пространства // Культура и цивилизация. 2018. Т. 8. № 5А. С. 66 - 75.
92. Калугина Т.Н. БЕАР – международное сотрудничество в области образования в условиях процесса глобализации // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2016. № 2. С. 55 - 59.
93. Kalugina T. Features of higher education development in the context of both cross-border regions and transregions // INTED2021 Proceedings. 2021. P. 4724-4731. – ISBN: 978-84-09-27666-0.
94. Kalugina T. Application of Comparative Law Methods in Teaching Legal English to Law Students in Russia // 2021ISSN: 2188-1162 The European Conference on Education 2021: Official Conference Proceedings.
95. Калугина Т.Н. Образование и культура в эпоху глобализации: формирование ценностной парадигмы развития личности // Психолого-педагогические аспекты работы преподавателя вуза: межкафедральный сборник научных статей: выпуск 2 / отв. ред. Е.В. Воевода. Москва : МГИМО-Университет, 2017. С. 87 - 92.
96. Калугина Т.Н. Управление образовательной средой для формирования влияния на студента // Здоровье и образование в XXI веке. 2017. Т. 19. №12. С. 333 - 337.
97. Касаткин П. И. Глобализация культуры: проблемы и перспективы // Власть. 2017. № 8. С. 40-48.

98. Касаткин П. И. Современное образовательное пространство: особенности и перспективы // Философия образования. 2017. №3. С. 3-16.
99. Кнэжевич В. Д., Братина Б. Р. Модель развития межкультурной сензитивности Мильтона Беннета — действительно межкультурная? // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 2. С. 20-26.
100. Костикова Л. П. Российское образование в условиях глобализации и поликультурного социума // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. № 6 (30). С. 4–7.
101. Костина А. В. Национально-культурная идентичность как основание для диалога культур и партнёрства цивилизаций // Диалог культур и партнерство цивилизаций : XIV Международные Лихаческие научные чтения, 15-20 мая 2014 г. - СПб.: СПбГУПб 2014. - 592 с., ил. С. 306
102. Краевский В. В. Образование в условиях формирования нового типа культуры: материалы круглого стола. СПБ.: СПбГУП, 2003
103. Кузнецов Д. А. Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации // Сравнительная политика. 2016. № 7. С. 14–25.
104. Кузнецов Д. А. От региональной интеграции к транснациональной: к постановке теоретической проблемы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Философия. Политология. Культурология. Том 5 (71). 2019. № 1. С. 94–103.
105. Кузьмин В. М. Приграничное и трансграничное сотрудничество Калининградской области в регионе Балтийского моря в новых геополитический условиях // Политическая наука. 2010. № 3. С. 14-28.
106. Лебедева М. М., Кузнецов Д.А. Трансрегионализм - новый феномен мировой политики // Полис. Политические исследования. 2019. No 5. С. 71-84.
107. Леконцева К. В. Интерпретация понятия «трансграничный регион» через призму современной социологической методологии // Весник ЗабГУ № 8. 2013. С. 60-70.

108. Махмутова, Е. Н. Специфика факторной структуры межкультурной компетенции студентов международного профиля в гендерном аспекте / Е. Н. Махмутова, А. А. Чуганская, Е. В. Воевода // Российский психологический журнал. 2020. Т. 17. № 3. С. 60-75.

109. Мишин Ю. Д., Дёмина О. А., Постников П. М. Модернизация высшего образования и национальные интересы России. Концепт: философия, религия, культура. 2018. № (1). С. 84-94.

110. Малиновский А. С. Культурная глобализация (глокализация). Локальное и транснациональное // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. №1. С. 176-179.

111. Миронов В. В. Диалог культур или глобализационный монолог? // Диалог культур и партнерство цивилизаций : XIV Международные Лихаческие научные чтения, 15-20 мая 2014 г. СПб.: СПбГУПб. 2014. 592 с.

112. Марджинсон С. Российская наука и высшее образование в условиях глобализации // Вопросы образования. 2014. № 4. С. 8-35.

113. Лебедева М. М. «Мягкая сила» : понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. 3(54). С. 212-223.

114. Лебедева М. М. Международно-политические процессы интеграции образования // Интеграция образования. 2017. Т. 21. №3. С. 385-394.

115. Налетова И. В., Слетков И. А. О методологических проблемах современного образования // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. 1999. № 4. С. 46-51

116. Найман Е. А. Институт высшего образования в системе обмена знаниями в регионе // Общество знания: философия, управление, образование: материалы III Сибирского филос. семин. Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Томск: Изд-во ТГУ, 2013. С. 180–183.

117. Никонова Е. Н., Абсалямова Г. А., Никонов Н. М. Некоторые тенденции интернационализации высшего образования в мире и в регионе Большого Алтая // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 1(41). С. 360-375.

118. Овчинникова Т. М. Трансформация этнической идентичности в условиях полиэтнической образовательной среды // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 3 (16). С. 33-37.

119. Панина Г. В. Роль образования в социокультурный адаптации мигрантов // ALMA MATER (Вестник Высшей школы). 2013. № 11. С. 92-99.

120. Подберезкин А. И., Большова Н. Н., Подберезкина О. А. Современные университеты – кузница идей, технологий и креативного класса // Вестник МГИМО. 2012. №3(32). С. 231-244. С. 234

121. Раицкая Л. К. Проблемы и вызовы интеграции научной деятельности российских университетов в глобальную науку // В сборнике: Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы. Материалы XI Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Научный редактор В.И. Казаренков. 2018. С. 3-10.

122. Розенберг Н. В. Философские аспекты осмысления понятия «глобальная культура» // Вестник Тамбовского университета. Сер. Философские науки и культурология. 2015. №3 (3). С. 5-9.

123. Русаков А. Ю., Тураев А. С. Культурно-образовательное пространство России и современные информационные технологии // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 2 (27). С. 6-10.

124. Рябов А. В. Парадоксы современного популизма. Причины его взлета в развитых демократиях и отсутствия на постсоветском пространстве. // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссия. 2017. № 1-2 (124). С. 48-56.

125. Силантьева М. В. Единство воспитания и обучения - стратегический приоритет современного образования // Образование как единство обучения и воспитания: материалы международной науч.-метод. конференции (Новосибирск, 3 февраля 2016 г.) / Сибирский государственный университет путей сообщения. - Новосибирск : Изд-во СГУПСа, 2016. 386 с.

126. Силантьева М. В. Ценностный подход в современном образовании: вопросы теории и практики // Актуальные проблемы модернизации высшей школы: модернизация отечественного высшего образования в контексте национальных традиций. Материалы XXX Международной научно-методической конференции. - Новосибирск: Сибирский государственный университет путей сообщения, 2019. С. 43-49.

127. Судибор О. Л. Зарубежный опыт управления процессами интернационализации в высшем образовании: Великобритания // Вестник университета Туран. 2018. № 3 (79). С. 240-245.

128. Табаринцева-Романова К. М. Развитие внешней культурной политики ЕС после Лиссабонского договора // Современная Европа. 2017. № 4 (76). С. 98-108.

129. Торкунов А. В. Создание университетов мирового уровня: новые тенденции в российском высшем образовании. Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 2(29). С. 7-11.

130. Тухтамышов Н. К. Структура и функционирование образовательного пространства // Известия КГАСУ. - 2012. - № 2 (20). 2012. С. 306

131. Федотова Г. А. Глобализация и присоединение к ВТО: риски и возможности профессионального образования // Научные исследования в образовании. 2012. № 5. С. 20а - 20.

132. Флиер А. Я. Четыре основания феномена культуры // IV Моисеевские чтения : Доклады и материалы Общероссийской (национальной) научной конференции, Москва, 15-16 апреля 2021года. Москва: Московский гуманитарный Университет. 2021. С. 200-207.

133. Шестопал А. В., Коннов В. И. Культура. Наука. Дипломатия: перспективы практико-ориентированного подхода. // Международные процессы. Т. 16. № 3 (54). 2018. С. 214-224.

134. Юрьев В. М., Налетов И. М. Сетевой университет как модель современных взаимодействий региональных университетов // Вестник

Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 3(131). С. 7-15.

135. Якушкина М. С., Илакавичус М. Р. Экология образовательного пространства СНГ // Мир образования - Образование в мире. Моск. псих. соц. ун-т. Москва. — 2016. — № 3 (63). сс. 83-88

136. Чертовских О. В. Британский университет: методы, формы и содержание учебного процесса // Человеческий капитал. 2015. № 8 (80). С. 15-20.

137. Ancis, R. Julie, William E. Sedlacek, and Jonathan J. Mohr. (2000). 'Student Perceptions of Campus Cultural Climate by Race'. Journal of Counseling & Development 78 (2): 180–185.

138. Antunes, F. (2019). Europeanisation and adult education: between political centrality and fragility, In Studies in Continuing Education. DOI: 10.1080/0158037X.2019.1615425

139. Asderaki, F. (2019) Researching the European Higher Education Area external effectiveness: regime complexity and interplay, European Journal of Higher Education, 9:1, 40-57, DOI: 10.1080/21568235.2018.1562951

140. Bennett, M. (2004). Becoming interculturally competent. In J. Wurzel (Ed.), Toward multiculturalism: A reader in multicultural education (2nd ed., pp. 62-77). Newton, MA: Intercultural Resource

141. Boonen, J., et al. "The Development of Intercultural Competencies During a Stay Abroad: Does Cultural Distance Matter?" The Three Cs of Higher Education: Competition, Collaboration and Complementarity, edited by Rosalind M. O. Pritchard et al., Central European University Press, Budapest; New York, 2019, pp. 185–202. JSTOR, www.jstor.org/stable/10.7829/j.ctvs1g987.15.

142. Brandenburg, U., & De Wit, H. (2011). The End of Internationalization. International Higher Education, (62). https://doi.org/10.6017/ihe.2011.62.8533.

143. Brooks, R. (2019). The construction of higher education students within national policy: a cross-European comparison, Compare: A Journal of Comparative and International Education, DOI: 10.1080/03057925.2019.1604118

144. Cheng, M., et al. (2019). The Perceived Impact of Intercultural Awareness on Peer Interaction: Study of a UK University, In The Three Cs of Higher Education: Competition, Collaboration and Complementarity, 169–184.

145. Chou, Meng-Hsuan, and Pauline Ravinet. (2015). "The Rise of 'Higher Education Regionalism': An Agenda for Higher Education Research." In The Palgrave International Handbook of Higher Edu-cation Policy and Governance, edited by Jeroen Huisman, Harry de Boer, David D. Dill, and Manuel Souto-Otero, 361–378. London: Palgrave Macmillan.

146. Deardorff, K. Darla. (2006). Identification and Assessment of Intercultural Competence as a Student Outcome of Internationalization. Journal of Studies in International Education 10 (3): 241–266.

147. Decuypere, M., Landri, P. (2021). Governing by visual shapes: university rankings, digital education platforms and cosmologies of higher education. Critical Studies in Education, 62:1, 17-33, https://doi.org/10.1080/17508487.2020.1720760.

148. Deketelaere, K. (2018). The labyrinth of EU research, innovation, and education policy. Places of Engagement: Reflections on Higher Education in 2040 - A Global Approach (pp. 113-118). Amsterdam: Amsterdam University Press. doi:10.2307/j.ctvfjd0xs.20

149. Dewen, T. (2017). Cultural exchanges as a pillar to the China-EU relations. In: Hong Zhou, ed., China – EU Relations. Singapore: SSAP-Springer, p. 102.

150. Dragolov, G., Z. S. Ignácz, J. Lorenz, J. Delhey, K. Boehnke, and K. Unzicker. (2016). "Theoretical Framework of the Social Cohesion Radar." In Social Cohesion in the Western World: What Holds Societies Together. Insights from the Social Cohesion Radar, edited by G. Dragolov, Z. S. Ignácz, J. Lorenz, J. Delhey, K. Boehnke, and K. Unzicker. 1–13. New York: Springer.

151. Gunn, A. 2020 "The European Universities Initiative: A Study of Alliance Formation in Higher Education", in European Higher Education Area: Challenges for a New Decade (A. Curaj, L. Deca, R. Pricopie, eds), Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-56316-5_2).

152. Hansen, A., & Thøgersen, S. (2015). Introduction: Chinese transnational students and the global education hierarchy. In Learning and Teaching: The International Journal of Higher Education in the Social Sciences, 8(3), 1-12.

153. Hashimshony, R. & Haina, J. (2006). Designing the university of the future. Planning for Higher Education, 34(2), 5–19.

154. Hoi, S.C.H., Sahoo, D., Zhao, P. (2021). Online learning: A comprehensive study. Neurocomputing, 459, 249-289 https://doi.org/10.1016/j.neucom.2021.04.112.

155. Lee, J. J., Rice, Ch. (2007). Welcome to America? International Student Perceptions of Discrimination, In Higher Education, 53 (3), 381–409.

156. Lee, J. Jenny, and Charles Rice. (2007). 'Welcome to America? International Student Perceptions of Discrimination'. Higher Education 53 (3): 381–409

157. Luqiu, L.R. & McCarthy, J.D. (2019). Confucius Institutes: The Successful Stealth "Soft Power" Penetration of American Universities, The Journal of Higher Education, 90:4, 620-643, DOI: 10.1080/00221546.2018.1541433

158. Ma, Y. (2020). Ambitious and Anxious: Chinese undergraduates in the United States. In Ambitious and Anxious: How Chinese College Students Succeed and Struggle in American Higher Education (pp. 1-25). New York, Columbia University Press.

159. Mahmutova, E., Voevoda, E. (2019). Psychological basis of intercultural communication in higher education // XVI European congress of psychology. P. 257-258

160. Moscovitz, H. & Zahavi, H. (2019). The Bologna Process as a foreign policy endeavour: motivations and reactions to the externalisation of European higher education, European Journal of Higher Education, 9:1, 7-22, DOI: 10.1080/21568235.2018.1561316

161. Pavlovsky, B. (2019). Austrian foreign cultural policy: Europeanization through the prism of national interests, International Journal of Cultural Policy, 25:7, 933-945, DOI: 10.1080/10286632.2018.1549239

162. Pohlenz, P. & Niedermeier, F. (2019). The Bologna Process and the harmonisation of higher education systems in other world regions: a case from Southeast Asia, Innovation: The European Journal of Social Science Research, 32:4, 481-494, DOI: 10.1080/13511610.2019.1637248

163. Pratt, C. B. , Akhtar, N. , Gillani, A. H., (2015). China's Educational Soft Power: International Students' Perceptions of Classroom Instruction in Wuhan-Area Universities (November 20, 2015). Presented at the Eighth International Conference on Intercultural Communication, School of Journalism and Communication, Wuhan University, China, November 20–22, 2015. Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=3413508 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3413508 (date of access: 20.06.2020).

164. Robertson R., Knondker H. Discources of globalization: Preliminary considerations // International sociology. - L., 1999. - Vol 13, № 1. — P. 25-40.

165. Smith, D. Burton R. Clark (1998). Creating Entrepreneurial Universities: Organizational Pathways of Transformation. Higher Education 38, 373–374 (1999). https://doi.org/10.1023/A:1003771309048.

166. Szűcs, T. The Challenges of an EU Strategy for International Cultural Relations in a Multipolar World (June 2017). Robert Schuman Centre for Advanced Studies Research Paper No. RSCAS 2017/30. Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=2987813 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2987813 (date of access: 12.05.2020).

167. Van der Wende, M. (2017). "Opening Up: Higher Education Systems in Global Perspective." Centre for Global Higher Education working paper series Working paper no. 22.

168. Veiga, A. (2019). Unthinking the European Higher Education Area – differentiated integration and Bologna's different configurations, In Innovation: The European Journal of Social Science Re-search, 32 (4), 495-512. DOI: 10.1080/13511610.2019.1666704.

169. Williamson, B. (2021). Making markets through digital platforms: Pearson, edu-business, and the (e)valuation of higher education. Critical Studies in Education, 62:1, 50-66. DOI: https://doi.org/10.1080/17508487.2020.1737556.

170. Wong, G., Barry J. C., & Dellaportas, S. (2015). Chinese Students' Perceptions of the Teaching in an Australian Accounting Programme – An Exploratory Study, In Accounting Education, 24 (4), 318–340.

171. Zgaga, P. 2012. "Reconsidering the EHEA Principles: Is There a 'Bologna Philosophy'?" In European Higher Education at the Crossroads, edited by Curaj Adrian, Scott Peter, Vlasceanu La-zăr, and Wilson Lesley, 17–38. Dordrecht: Springer.

Диссертации

172. Агеева В. Д. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации // диссер. … канд. политических наук / В. Д. Агеева. Санкт Петербург, 2016. 279 с.

173. Балакшин А. С. Культурная политика: теория и методология исследования: дис. … д-ра фи-лос. наук. / А. С. Балакшин. Н. Новгород, 2006. 358 с.

174. Видт И. Е. Образование как феномен культуры: Эволюция образовательных моделей в историко-культурном процессе : дисс. … док. пед. наук. /И. Е. Видт. Тюмень, 2003. 382 с.

175. Воинова А. А. Университет в фокусе социокультурный трансформаций современного общества // диссер. … канд. философских наук. / А. А. Воинова. Москва. 2019. 204 с.

176. Еремченко Д. Г. Трансграничный регион как социокультурный феномен : дальневосточная модель: автореф. дис. канд. культурологии. / Д. Г. Еремченко. Челябинск 2011.

177. Касаткин П. И. Ценностная аксиоматика образовательного пространства : дисс. … доктора философских наук. / П. И. Касаткин. Москва, 2019. 392 с.

178. Красильникова Н.В. Интернационализация образовательного процесса в вузах Европейского союза (на примере университетов Италии): диссер. … кандидата пед. наук. / Н. В. Красильникова. Йошар-Ола, 2017. 214 с.

179. Лузан В. С. Культурная политика Российской Федерации в период с 1991 по 2017 годы: культурологический анализ: дис…. доктора культурологии. / В. С. Лузан. Красноярск, 2017. 386 С.

180. Лузан В. С. Социально-философский анализ динамики государственной культурной политики Российской Федерации: автореф. дис. …. канд. филос. наук. / В. С. Лузан. Красноярск, 2011. 24 с.

181. Павлова И. А. Университет в региональной инновационной системе: роли, функции, взаимодействия (на примере Томской области) // диссер. … канд. экономических наук. / И. А. Павлова. Томск, 2016. 195 с.

182. Пылкова А. А. Приграничье как феномен культуры (на примере Дальнего Востока России) : авториф. дис. .... канд. культурологии. / А. А. Пылкова. Комсомольск-на -Амуре, 2004.

Электронный ресурс

183. Астафьева О. Н. Транснационализация культурного пространства: государство и проблемы координации коммуникативных стратегий. Текст выступления на Международной конференции «Человек, культура и общество в контексте глобализации» (25–27 ноября 2005 г., Москва). [Электронный ресурс]. URL: http://www.ifapcom.ru/files/Monitoring/astafyeva_transnac_kult_prost.pdf

184. Багдасарова А.Б., Попов М.Е. Гражданская и этнокультурная идентичность в образовательном пространстве современной России // Обсерватория культуры. 2007. № 5. С. 110-114. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ifapcom.ru/files/Monitoring/bagdasarova_grazhd_identichnost.pdf

185. Беленов О. Н., Кирчанов М. В. Сетевые университеты как форма развития высшей школы: формы, особенности организации и перспективы.

[Электронный ресурс]. URL: http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/educ/2016/01/2016-01-24.pdf

186. Вахштайн В. С. Две модели образовательных систем: континентальная и атлантическая// Прогнозис. 2006. № 6. С. 321-352. [Электронный ресурс].
187. URL: http://www.intelros.ru/pdf/prognosis/321-352_vahshtain.pdf
188. Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики. [Электронный ресурс]. URL: https://www.hse.ru/news/life/403236007.html
189. Генис А. Американская утопия. 2020. [Электронный ресурс].
190. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2020/09/16/87109-amerikanskaya-utopiya
191. Д. А. Еделев, В. М. Кантере, В. А. Матисон, Ст. Игнар. Модернизация высшего образования. Болонский и Копенгагенский процессы. Рамки квалификаций. Проблемы и перспективы. Методическое пособие.
192. Изд-во МГУПП, 2012, 65 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.bgsha.ru/files/docs/faculties/izkim/proekt%20530690/material/7.pdf
193. Дымина Е. В. Мир ценностей и проблема осмысления действительности // Ценности и смыслы. 2009. №2. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mir-tsennostey-i-problema-osmysleniya-deystvitelnosti.
194. Европейская конвенция о трансграничном сотрудничестве между территориальными административными единицами или местными органами власти [Текст]. Мадрид, 21 мая 1980 года. [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/2560784/.
195. Иванова С. В. Современное образовательное пространство в социокультурном и геополитическом аспектах // Ценности и смыслы. 2014. № 2 (30). С. 40-49. [Электронный ресурс]. URL: https://mgimo.ru/science/diss/Kasatkin_diss.pdf.
196. Ликок, С. Очерки обо всем. Пособие для занятых людей. [Электронный ресурс]. URL: https://www.litmir.me/br/?b=17469&p=1.

197. Фонд МГИМО. [Электронный ресурс]. URL: https://fund.mgimo.ru/upload/ckeditor/files/fund2019-2020.pdf.

198. Мещерякова Е. В. Целостный подход в формировании языкового образовательного пространства // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания» № 6 (33). Июль 2014. С. 96. [Электронный ресурс]. URL: http://www.grani.vspu.ru/jurnal/38.

199. Министерство науки и высшего образования в России. (2020). Валерий Фальков встретился с иностранными студентами. [Электронный ресурс]. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=26443

200. Най Дж. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения. [Электронный ресурс]. URL: http://smartpowerjournal.ru/soft-power/.

201. Сидорова М. Ю. Почему мы не договоримся с онлайнизаторами. [Электронный ресурс]. URL: https://www.pravmir.ru/pochemu-my-ne-dogovorimsya-s-onlajnizatorami/.

202. Стратегическая программа развития МГИМО МИД России на 2014 - 2020 годы. [Электронный ресурс]. URL: https://mgimo.ru/upload/2015/10/mgimo-strategy-2014-2020.pdf#1.

203. Торкунов А. В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России. [Электронный ресурс]. URL: http://ehd.mgimo.ru/IORManagerMgimo/file?id=DBCAFE0C-DAD8-6FAE-48F4-57A948C3CB44.

204. Хантингтон С. 1994. Столкновение цивилизаций? - Полис. Политические исследования. № 1. С. 33-48. [Электронный ресурс].URL: http://www.russ.ru/pole/Stolknovenie-civilizacij.

205. Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов // Проспект. М. 2018. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/323783609_GLOBALNYJ_MIR_STOLKNOVENIE_INTERESOV.

206. Фонд развития (Эндаунмент) МГИМО. [Электронный ресурс]. URL: https://mgimo.ru/alumni/fund/.

207. Эндаунмент МГИМО. Финансовый отчет за 2019 г. [Электронный ресурс].

208. URL: https://fund.mgimo.ru/upload/ckeditor/files/fund2019-2020.pdf.

209. Baer, J., Martel, M., Ph.D. (2020). Fall 2020 International student enrollment Snapshot // Institution of International education. [Электронный ресурс]. URL: https://www.iie.org/en/Research-and-Insights/Publications/Fall-2020-International-Student-Enrollment-Snapshot.

210. Grau F. X., Hall B., Tandon R. (2017) Higher education in the world 6. Towards a socially responsible university: Balancing the global with the local. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/314840823_Higher_education_in_the_World_6_Towards_a_Socially_Responsible_University_Balancing_the_Global_with_the_Local.

211. Harvard University. (2019). Financial report. [Электронный ресурс]. URL:

212. https://finance.harvard.edu/files/fad/files/fy19_harvard_financial_report.pdf

213. Higher education students statistics. 2020. [Электронный ресурс]. URL:

214. https://www.hesa.ac.uk/news/16-01-2020/sb255-higher-education-student-statistics/numbers.

215. Huang, Rong. 2008. ‘Critical thinking: Discussion from Chinese Postgraduate International Stu-dents and their Lecturers’. Hospitality, Leisure, Sport and Tourism Network: Enhancing Series: Internationalisation. [Электронный ресурс]. URL: https://www.heacademy.ac.uk/sites/default/files/e2_critical_thinking.pdf.

216. Institute for Fiscal Studies. (2020). Drop in international students would imperil university finances. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ifs.org.uk/uploads/publications/bns/BN283-Drop-in-international-students-would-imperil-university-finances.pdf.

217. Migration Data Portal. 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://migrationdataportal.org/themes/international-students 2020.

218. Oxford University. Undergraduate admissions statistics. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ox.ac.uk/about/facts-and-figures/admissions-statistics/undergraduate-students.

219. Statista. 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://www.statista.com/statistics/372900/number-of-chinese-students-that-study-in-the-us/.

220. UNESCO. 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://en.unesco.org/news/startling-digital-divides-distance-learning-emerge.

Новостные источники

221. Соловьев О. Сила бренда. Почему американские вузы лидируют в рейтингах // Форбс. URL: https://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/364671-sila-brenda-pochemu-amerikanskiy-vuzy-lidiruyut-v-reytingah.

222. Соловьева О. (2020). Дистанционное обучение оставит российские вузы без денег // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/economics/2020-12-10/4_8037_education.html.

223. ТАСС. (2020). Депутат Госдумы попросил Голикову разрешить въезд в Россию иностранным студентам медвузов. URL: https://tass.ru/obschestvo/10239527.

224. Adams, R. Only half of UK universities ready for no-deal Brexit – study // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/education/2019/sep/16/only-half-of-uk-universities-ready-for-no-deal-brexit-study.

225. Adams, R. Minister criticises lack of senior black UK academics // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/education/2020/jan/23/minister-criticises-lack-of-senior-black-uk-academics.

226. Adams, R., Bengtsson, H. Oxford accused of 'social apartheid' as colleges admit no black students // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/education/2017/oct/19/oxford-accused-of-social-apartheid-as-colleges-admit-no-black-students Beckett, A. PPE: the Oxford

degree that runs Britain // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/education/2017/feb/23/ppe-oxford-university-degree-that-rules-britain.

227. Altbach, Philip G., de Wit, Hans (2020). Post pandemic outlook for HE is bleakest for the poorest. URL: https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200402152914362.

228. BBC News. Русская служба. Иностранные студенты смогут остаться в Британии на два года после диплома. URL: https://www.bbc.com/russian/news-49659835.

229. Beckett, A. PPE: the Oxford degree that runs Britain // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/education/2017/feb/23/ppe-oxford-university-degree-that-rules-britain.

230. Blessinger P., Cozza B. How to make the most of international HE partnerships // World University News. 2016. URL: https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20160913124749102.

231. Brandenburg, U., de Wit, H., Jones, E. & Leask, B. (2019) Internationalisation in Higher Education for Society // University World News URL: https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20190414195843914.

232. Corbett A., Gordon C. Is Erasmus participation under threat in Brexit Britain? 2020. // University World News. URL: https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200709153826701.

233. Csontos, G. Making EU students pay higher fees is a blow for social mobility // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/education/2020/jul/04/making-eu-students-pay-higher-fees-is-a-blow-for-social-mobility.

234. Mckie A. UK universities axe thousands of jobs during pandemic // Times Higher Education. URL: https://www.timeshighereducation.com/news/uk-universities-axe-thousands-jobs-during-pandemic?utm_source=THE+Website+Users&utm_campaign=1a183ae6ea-

EMAIL_CAMPAIGN_2020_12_07_02_34&utm_medium=email&utm_term=0_daa7e51487-1a183ae6ea-76415306.

235. Mogherini: Europe is a cultural superpower. We need to use its force // Euronews. URL: https://www.eunews.it/2016/06/10/mogherini-europe-cultural-superpower-need-use-force/61145.

236. O'Malley, B. MPs warn of China's threat to UK academic freedom // The University world news.

237. URL:https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20191112153907 21.

238. South China Morning Post. University closes its Confucius Institute after spying claims // The University world news.

239. URL:https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20191214101035 453.

240. University World News URL:

241. https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200513092025679.

242. Jones, O. Market economics has driven universities into crisis – and we're all paying the price // The Guardian.

243. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/feb/14/market-universities-crisis-staff-strike.

244. Myklebust, J.P. Confucius institutions close as China relations deteriorate // The University world news. URL:

245. https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200513092025679.

246. Rawlinson, K. Cecil Rhodes statue to remain at Oxford after 'overwhelming support' // The Guardian. URL:

247. https://www.theguardian.com/education/2016/jan/28/cecil-rhodes-statue-will-not-be-removed--oxford-university.

248. Samuels, B. (2020). Online education and the dangers of multitasking. // The University world news. URL:

249. https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20140129114437933.

250. Savahel, Wagdy. (2020) University partnerships - A carrot and stick approach // University World News. URL:
251. https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200226130741533.
252. The Telegraph. URL:
253. https://www.telegraph.co.uk/education/2017/01/08/university-students-demand-philosophers-including-plato-kant/.
254. van Voris, B., Lorin, J. Angry Undergrads Are Suing Colleges for Billions in Refunds // The Bloomberg. URL:
255. https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-05-01/angry-undergrads-studying-online-sue-for-billions-in-refunds.
256. Wall Street Journal (2015) 'U.S. schools expelled 8,000 Chinese students', 6 June http://blogs.wsj.com/chinarealtime/2015/05/29/u-s-schools-expelled-8000/chinese-students-for-poor-grades-cheating/.
257. Weale, S. BAME students make up one-fifth of new Oxford undergraduates // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/education/2020/jun/23/bame-students-make-up-one-fifth-of-new-oxford-undergraduates.